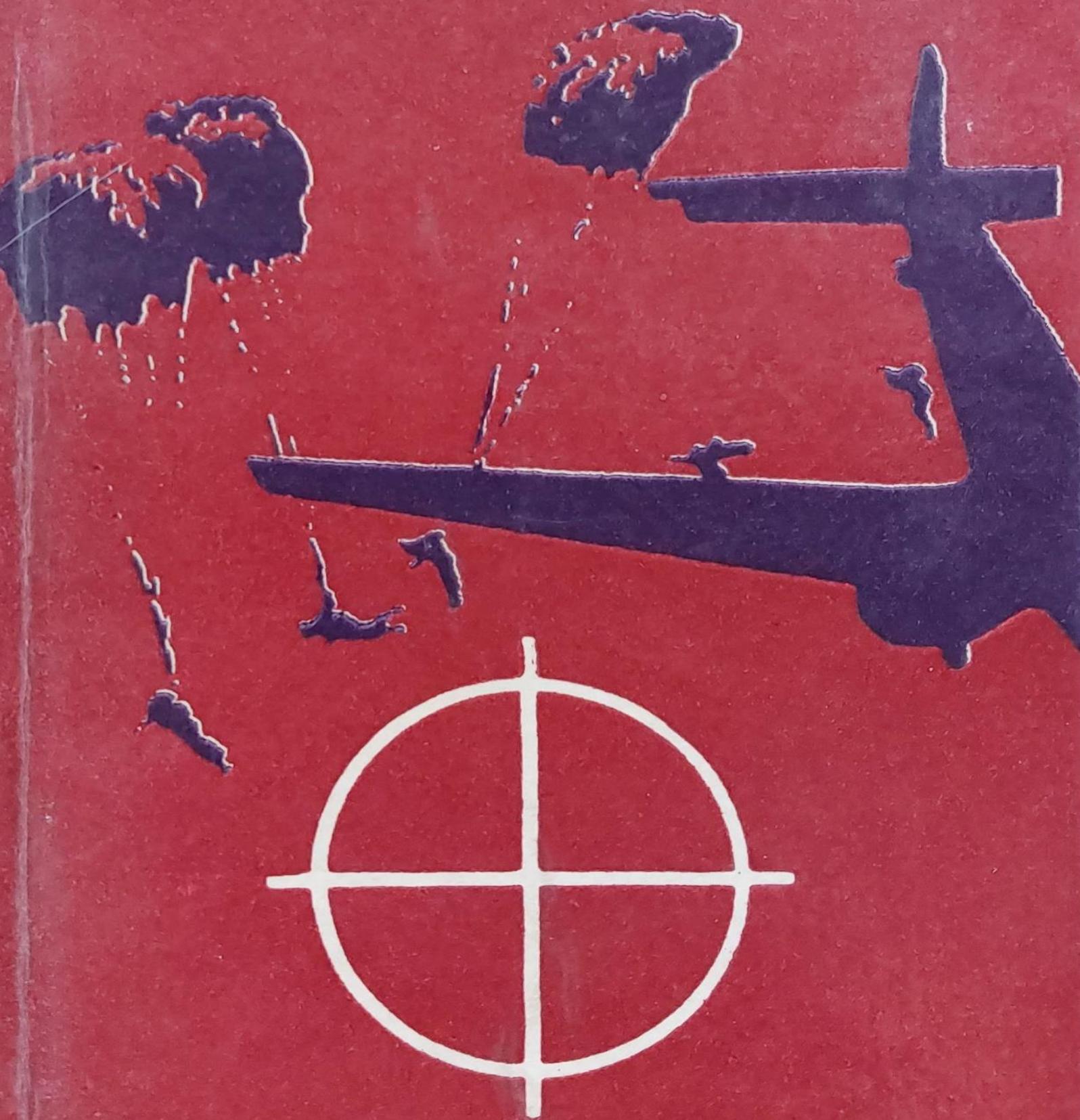

ИОСИФ ВИЛЬМАН
ОПАСНЫЕ
РЕЙДЫ

ИОСИФ ВИЛЬМАН
ОПАСНЫЕ РЕЙДЫ
ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВОГО РАЗВЕДЧИКА

РИГА «АВОТС» 1985

Оглавление

НАЧАЛО	4
ПУТЬ НА ДАУГАВПИЛС ОЧЕНЬ ОПАСЕН	8
НА ДАУГАВЕ	14
МЫ НЕ ОДНИ.....	25
ВПЕРЕДИ НАСТУПАЮЩИХ ВОЙСК.....	32
ЛИЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ	36
ВОЙСКА УХОДЯТ ВПЕРЕД.....	43
В «КОТЛЕ»	49
НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ.....	54
БОРЬБЫ БЕЗ ПОТЕРЬ НЕ БЫВАЕТ.....	60
ПОБЕДА!	69

НАЧАЛО

Сейчас, когда о разведке и разведчиках написано много книг и поставлено немало фильмов, каждый читатель или зритель, хотя бы в общих чертах, представляет, какими качествами должны обладать люди этой профессии.

Одно из них — память...

...Начинало смеркаться. Лишь на западе в кронах деревьев горел розоватый свет.

На опушке стояли самолёты. Солдаты сняли с одного из них маскировочную сеть. Загудел мотор, и самолёт выполз на поляну.

Мы подошли к нему. Мы — двое, кому предстояло лететь в тыл врага, и провожавший нас майор.

Самолёт был маленький и открытый. Лётчик показал нам, как надо будет выбираться из кабины; как, придерживаясь за её край, по прикрепленной к борту узкой рейке добраться до крыла и там ожидать команды на прыжок.

Мы надели парашюты, и майор ещё раз напомнил нам, как надо прыгать, как вести себя в воздухе и как — приземляясь.

Раньше нам ни разу не приходилось прыгать, и с парашютом мы были знакомы лишь теоретически.

Сейчас это может показаться невероятным. Но так было.

Времени на тренировки не хватало. Шла война. Три недавно созданных Прибалтийских фронта готовились к большому наступлению. Командованию срочно требовались данные о противнике. Для их сбора в тыл врага засылались специальные группы разведчиков.

Мы не были ни профессиональными разведчиками, ни профессиональными кадровыми военными. Разведчиками мы становились на ходу. Так было нужно для победы. Она приближалась, шла весна сорок четвёртого года.

— Ну, — сказал майор, — удачи!

Он поцеловал меня и, помедлив, — моего напарника. Напарника звали Верой, она была радисткой.

Вера нагнулась и погладила собачонку, вертевшуюся под ногами. Собачонка, по кличке Таксик, пристала к нам, когда мы жили в ожидании задания. Сегодня, когда нас повезли на аэродром, Таксик увязался за машиной и вот теперь тоже провожал нас в путь. Собаки хорошо чувствуют близость разлуки.

— А давайте возьмем её с собой! — улыбаясь, сказала Вера.

Улыбнулись и остальные. Все понимали, что нам было немного не по себе.

— Парашюта такого не предусмотрено, — ответил лётчик. — Ну, по местам!

Короткий разбег — и самолёт оторвался от земли. В памяти остались тёмное поле и одинокая фигура майора, прощально махавшего рукой. Самолёт набирал высоту...

А ведь ещё несколько месяцев назад я ни о чем подобном и не думал.

Как и сотни других, я проходил подготовку в запасном полку и ожидал направления на фронт. Стоял март. В сугробах ещё прятался мороз, но с крыш уже свисали сосульки.

День прошёл в полевых занятиях. Вернувшись в землянку, я блаженно вытянулся на нарах, но отдохнуть не удалось: меня вызвали в штаб полка.

Старший сержант, обычно горластый, на этот раз передал мне приказание явиться в штаб полка таким тихим голосом, что мои соседи по нарам даже не услышали.

В штабе, в одной из комнатшек за некрашеным столом сидел круглолицый черноглазый майор. Выслушав мой доклад, он кивнул:

— Садитесь. Ваше имя, отчество?

— Иосиф Иосифович.

— Где и когда родились?

— В Даугавпилсе, в 1913 году.

— По национальности — латыш?

— Да.

— Расскажите о себе.

Рассказ мой был недолог. Да, наверное, майор и без меня успел уже выяснить, что до двадцати лет я жил в Даугавпилсе, там окончил железнодорожный техникум, а потом уехал в Ригу и работал в депо. Знал он, наверное, и то, что в годы буржуазной диктатуры я действовал в рижском подполье, где приобрел опыт конспиративной работы. И, уж конечно, знал, что я коммунист.

— В Даугавпилсе остался отец — если жив ещё... Мать умерла ещё до войны. Братья отца живут в деревне, неподалеку.

— Когда вы в последний раз навещали родственников?

— Да уж лет десять тому назад...

Задав ещё несколько вопросов, майор развернул карту, на которой были Даугавпилс и окрестные деревни. На этой карте я показал ему все места, о которых упоминал в своем рассказе.

— Ну, что же... Скажите, товарищ Вильман, а нет ли у вас желания навесить отца?

— Там же немцы, — недоуменно пробормотал я.

— А если речь идет о разведывательном задании?

Вот оно, значит, что...

Разведчик. Один среди врагов. Поймают — петля. Рассчитывать не на кого, Отец? Нет. Его нынешняя жена — женщина религиозная, я для них чужой. Мой конспиративный опыт вряд ли пригодится в теперешней обстановке... Но я коммунист. Подпольщик. И ведь — работают же другие!

— Вы не торопитесь, товарищ Вильман, обдумайте хорошенько. Работа тяжелая, опасная. Можете дать ответ завтра.

— Я коммунист, товарищ майор. И думаю, что сумею с честью выполнить свой долг.

Майор помолчал.

— Хорошо, — сказал он тем же ровным голосом — Дня через два-три я заберу вас из полка.

Он встал и крепко пожал мне руку.

Так это началось...

А сейчас ровно гудел мотор. Летели долго, самолёт был не из скоростных. Внизу было темно. Потом тускло блеснуло озеро. Освейское озеро. В этих местах действовал партизанский отряд. Здесь нам и предстояло прыгать. Я напряженно вглядывался, стараясь различить и запомнить местность. Потом на земле вспыхнули костры, и летчик поднял руку. Это был сигнал. Звук мотора изменился. Самолёт планировал. Вера поднялась. Перекинула через борт ногу. Вторую. Встала на рейку. Держась за борт, добралась до крыла. На лице девушки не было страха. Она взглянула на меня и улыбнулась.

Летчик взмахнул рукой. Вера шагнула вперед и полетела вниз. Позади повис в воздухе белый купол.

Летчик развернул машину и снова поднял руку. Костры приближались. Я вылез. Встречный поток воздуха сталкивал меня с крыла. Если не раскроется... если не раскроется автоматически, надо будет дернуть за кольцо. Оно у меня на груди. Найду ли? Да нет, парашют надежен. Там, внизу, будет куда опаснее...

Летчик махнул рукой, и я шагнул в пустоту.

Перехватило дыхание. Потом рвануло. Перевернуло. Громко хлопнув раскрылся парашют. Порядок.

Я осмотрелся. Самолёт уходил на восток. Слева отблескивало озеро. Казалось, земля вовсе не приближается. Ветер относил меня от костров, в глубь леса. По компасу я определил направление. Но вот лес начал надвигаться все стремительнее. Макушки деревьев шевелились от ветра. Все ближе. Рядом. Хруст. Треск. Рывок...

Зацепившись за дерево, я повис высоко над землей. Вот уж действительно угораздило...

Отстегнуться и спрыгнуть? Высоко. Хорошо бы опуститься пониже, только как?

Я стал раскачиваться, пытаюсь высвободить парашют безрезультатно. Попробовал тянуть за стропы. Это помогло: сук треснул, и я опустился ещё на несколько метров. Переместиться ниже не удалось, но отсюда, пожалуй, можно было и спрыгнуть.

Освободившись от сумки с запасными батареями для рации, я осторожно сбросил её на землю. Потом отстегнул лямку парашюта — и тут же, не рассчитав движения, перевернулся и повис вниз головой.

Изогнувшись, мне все-таки удалось ухватиться за стропы и принять нормальное положение. Переведя дыхание, я отстегнул и вторую лямку, разжал пальцы — и наконец-то оказался на твердой земле.

Здесь царил темнота, полная тревоги. Я напряженно вслушивался. Ничто не говорило о близкой опасности. Решившись, я подал звуковой сигнал. На него должна была откликнуться Вера. Подождал. Ответа не было. Я снова подал знак — и опять тщетно вслушивался в тишину. Вера молчала.

— Наверное, нас просто разбросало слишком далеко, — успокаивал я себя. — Ничего страшного, встретимся у партизан. Все в порядке.

Сверившись с компасом, я двинулся туда, где, по моим расчётам, остались партизанские костры.

Я шел, стараясь не шуметь. Редкий лес сменился густой чащей. Колкие ветки хлестали по лицу, ноги спотыкались о корни. Когда заросли, наконец, остались позади, в волосах, под рубашкой, в карманах оказалось полно сухой хвои, коловшейся при малейшем движении.

Постепенно лес изменился: под высокими деревьями росли раскидистые кусты. Стараясь не отклоняться от взятого направления, я пробирался между ними и вдруг услышал:

— Стой! Кто идет? —

Присесть и выхватить наган было делом одного мгновения. Я затаился, ожидая продолжения. Несколько секунд было тихо. Потом ветки шевельнулись, и из-за куста показался человек с винтовкой. Держа её наизготовку, он медленно поводил стволом из стороны в сторону, не успев, видно, запомнить место, где был я.

Так прошло несколько секунд. Потом подошел второй, тоже в штатском и с винтовкой.

— Здесь кто-то есть, — тихо сказал первый, — Может, тот самый парашютист?

Я внутренне напрягся. Но здесь не должно быть чужих, это же партизанский район! Можно, конечно, бесшумно отползти, скрыться. Но можно и рискнуть.

Я поднялся во весь рост. Обе винтовки мгновенно повернулись ко мне.

— Ребята, я свой... Ведите к командиру!

Они переглянулись. После паузы один из них сказал:

— Шагай...

Второй остался на посту.

Мы шли быстро, в темноте мой проводник легко угадывал тропу. Наконец, деревья расступились, открывая поляну, на которой догорали костры. На поляне было несколько человек.

— Вас ждали, — сказал один из них.

— Вы?

— Не мы одни. Тут все кружил «Мессершмитт». Да не дождался, улетел.

— Наверное, засекли над линией фронта, — добавил второй.

— Другого парашютиста нашли? — волнуясь, спросил я.

— Пока нет. Ищем.

— Пока нет, — повторил я про себя. — Веры пока нет...

ещё в Торопце майор предупредил:

— Завтра к вам присоединится радист, с которым будете работать на задании. Боевой товарищ.

Радист. Боевой товарищ. И я сразу представил себе подтянутого, немногословного парня в ловко пригнанной шинели.

Насчет шинели я угадал. Но солдатская эта одежда облегла хрупкую девичью фигурку. Милое, открытое лицо; совсем ещё ребенок — лет восемнадцать от силы...

— Знакомься, Иосиф, — сказал майор, пряча улыбку.

Девушка непринужденно протянула руку:

— Вера Михайловна ВострокнUTOва.

Сняла шинель, повесила на вешалку, сумку с рацией поставила в угол.

Я перевел жалобный взгляд на майора. Он усмехнулся:

— Вера — отличная радистка. А кроме того, там, в тылу, такая парочка не вызовет подозрений. Жених и невеста. Работа потребует всех сил, так что у вас должны быть полное согласие, постоянная готовность помочь друг другу. А уж есть из одной тарелки и делиться последней коркой придется наверняка. Разговаривайте, ходите в кино, пока есть время. — Он помолчал. — Только учтите, что здесь, в Торопце, гитлеровцы, отступая, могли оставить свою агентуру. Так вот — никаких знакомств, ни одного лишнего слова; не то может получиться, что в момент выброски вас уже будут ждать каратели.

— Товарищ майор, - вмешалась Вера, — мы радистки, все ведь знаем друг друга... и знаем, о чем можно и о чем нельзя говорить.

— Встречаться нельзя и с ними. Ну, отдыхайте: завтра начнем занятия.

Провожая майора, я нерешительно сказал:

— Вера — русская, латышского языка не знает. Могут быть затруднения.

Майор вздохнул, пожал плечами:

— Это я понимаю... Ничего, война все перемешала, во всей Европе такая каша, и у латыша вполне может быть невеста — русская. Тем более, в Латгалии русский язык очень распространен. Так состоялось наше знакомство. И на следующий же день я услышал от неё:

— Ты не выполняешь приказание майора.

— Какое?

— Водить меня в кино. А также, на танцы. И вообще — ухаживать за мной.

— Я не умею.

— Неужто за свои тридцать лет так и не научился? — сказала она. — Но ничего, не пройдет и нескольких, лет, как научишься...

— Я готов идти.

— Ты мог бы подать мне шинель.

Спыхватившись, я помог ей одеться и распахнул дверь.

Впрочем, такие разговоры происходили у нас лишь в немногие часы отдыха. Днём, в строго определенное время, Вера разворачивала на столе рацию, надевала наушники и бралась за ключ. Во время работы она была серьезной и сосредоточенной; постепенно я стал понимать, что Вера — действительно радистка высокого класса.

Нас учили многому. Как кратко и ясно составлять радиограммы, как владеть кинжалом и пистолетом. Стрелять учились за городом. Я привязывал к сосне мишень, а Вера, зажмурившись, с двух-трех метров выпускала всю обойму. Стрелять она так и не научилась.

Нас учили ходить по азимуту, незаметно подсчитывать технику. Я обомлел однажды, когда на таком занятии Вера вдруг совершенно откровенно начала считать стоявшие на площади танки, для верности указывая на каждый из них пальцем.

— Ты и в тылу будешь так?

— Но мы же не во вражеском тылу! — ответила она и рассмеялась.

На неё просто напала охота пошутить, и тут с нею ничего нельзя было поделаться.

Так мы учились. Но сейчас уже не учеба, уже началась боевая работа. И вот на поле догорают костры, а Веры нет...

— Ребята, я сам пойду искать.

— Мы уже ищем. Жди.

Медленно текли минуты. Неужели задание сорвется в самом начале? Что я без радиста? Ноль без палочки.

Хорошо. ещё четверть часа, а затем...

Движение на опушке. Кто-то выходит на поляну. Группа. Я до боли в глазах всмотрелся во мрак.

— Вера!

— Я...

Я кинулся навстречу. Схватил за плечи. Встряхнул.

— Ну, что же ты... Где же ты? Так долго...

Она устало улыбнулась:

— Сама не знаю... Стропами как-то захлестнуло шею, чуть не задохнулась, потеряла сознание... Они меня нашли.

Я хотел сказать ещё что-то. Но нас окликнули:

— К командиру!

ПУТЬ НА ДАУГАВПИЛС ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Командир долго смотрел на нас.

— Не дойдете, — сказал он наконец. — Погибнете в дороге. Путь на Даугавпилс очень опасен. Он помедлил, словно ожидая вопросов. Вздохнул.

— Латвийская граница охраняется очень бдительно. Там и полицейские, и айзсарги, через каждые сто метров — посты. По ночам дороги перекрываются пулеметными дозорами. Да и не только дороги... Жители из приграничной зоны выселены. Документы проверяют у каждого прохожего. А у вас ещё и рация с собой, и питание... Пойдете на верную смерть.

Мы молчали.

— Остались бы у нас. Нам люди нужны.

— Остались бы, — кивнул я. — Если бы не задание. Так что до Даугавпилса нам надо добраться. Неужели ваши не переходят границу?

— Наши-то переходят... Есть такие местечки. Связные знают.

— Вот мы и пойдём со связными. Когда они смогут отправиться?

— Сейчас они в Латвии. Вернуться должны через два дня.

Эти два дня мы прожили в партизанском отряде. Вера вышла на связь и доложила о нашем благополучном прибытии. Ответ был: надо торопиться, данные по Даугавпилсу нужны немедленно. А нас все ещё отделяли от города сто двадцать километров.

И вот пришли связные, и сразу же стали готовиться в обратный путь. Люди эти осуществляли связь между партизанами, действовавшими на территории Латвии, и теми, кто вел борьбу на земле России, близ латвийской границы. Ходили связные группами; так было безопаснее. На этот раз их было пятеро. К ним присоединились и мы.

Так начался наш путь в Даугавпилс.

Вышли мы днём. Тут партизанский район, и бояться было нечего: немцы углубляться в лес не любили. Старший группы связных, все звали его Юзиком, повел нас на север. Шли дотемна.

На ночь в лесу, на берегу ручья, разбили палатку. К границе вышли следующей ночью.

Теперь продвигались осторожно, часто останавливались и прислушивались. Там, где опасность казалась наиболее вероятной, вперед высылали разведчика. Наконец граница осталась позади.

Здесь была уже Латвия. Мы шли, стараясь не выходить на открытые места, далеко обходя встречавшиеся по дороге хутора. Они были пусты: как и предупреждал командир, жители из этих мест были выселены. Однако в любом, безлюдном с виду хуторе могла оказаться засада.

Шли всю ночь и на следующее утро встретились с группой партизан. Командиром у них был Кравченко. Встреча состоялась на высоком, поросшем соснами холме, с которого хорошо просматривалась окрестность.

— Это что за люди? — спросил Кравченко, поглядывая на нас.

— Разведчики с «Большой земли», ответил Юзик. — Идут в Даугавпилс.

— Понятно, — проговорил Кравченко, — Это не вас ли тут недавно встречали?

— Кто?

— Вот там, чуть подальше, — вытянул он руку, — лесочек. Приезжали туда полицаи на машинах. Ждали... Был слух — ожидали самолёт с парашютистами-разведчиками. Не знаю, вас ли или кого другого... Только идти надо осторожно.

— Понятно.

— Ну, мы тронулись, — прощаясь, Юзик протянул руку. — Отсюда нам не по дороге. Дальше вас Кравченко поведёт.

Кравченко кивнул:

— Пойдем вместе. Правда, не так уж далеко. До города вам придется добираться самим. Только вот далеко ли вы уйдете? — протянул он. И, встретив мой вопросительный взгляд, пояснил: — В таком виде вам и километра не пройти. Больно уж не похожи вы на местных...

Я посмотрел на Веру. Она была в синем летнем пальто, в кокетливом беретике. Явная горожанка. И к тому же ещё — армейская защитная сумка с рацией. На мне — двубортный костюм, в руках — такая же сумка, только не с рацией, а с батареями. То ли в штабе фронта не нашлось другой одежды, то ли там с самого начала рассчитывали на помощь партизан.

— Ладно, — сказал командир отряда, — переоденем вас. Рацию и все прочее надо хоть в корзинки спрятать. А как у вас насчет документов?

Мы протянули ему паспорта, выданные нам майором.

— На всякий случай возьмите вот это.

Я посмотрел. Это была напечатанная по-латышски справка, предъявитель которой, Александр Банбан, являлся бывшим полицейским, освобожденным от должности и воинской обязанности по болезни.

— Вряд ли она сойдет за удостоверение личности, — усомнился я. — Ни фотографии, ни отпечатков пальцев...

— Зато выдана местными властями. Подлинный документ.

Партизаны снабдили нас подходящей одеждой. Вера повязала голову косынкой, рацию спрятала в лукошко. Я облачился в поношенный однобортный костюм, батареи тоже спрятал в корзинку; туда же положил и две гранаты. Чтобы в случае чего оказались под рукой. Наган, запасные патроны, кинжал рассовал по карманам. Просто ходячий арсенал. У Веры для нагана был пришит к подкладке пальто специальный карман. Наган, откровенно говоря, — не лучшее оружие для разведчика: великоват. Он заметно оттягивал пальто, и Вере это очень не нравилось. Но идти без оружия было нельзя.

Мы двинулись, когда сгустились сумерки. Шли медленно, осторожно прошли несколько километров и остановились у какого-то хутора.

— Здесь переднуем, — сказал Кравченко. — Давайте все на чердак. И поменьше двигаться.

Время тянулось. Поели всухомятку. Вера недовольно поморщилась. Я, усмехнувшись, сказал ей:

— Ничего, Вера. Отдохнешь от стряпни... — И, не удержавшись, добавил: — И я от твоих блинов — тоже.

Она обижено надула губы, но не выдержала и рассмеялась — негромко. Смеялась она потому, что я напомнил о днях, когда мы жили в избе с большой русской печью, на которой Вера и готовила еду. Больше всего ей нравилось жарить блины. Это было бы неплохо, но стоило ей приняться за стряпню, как горница, словно снегом, покрывалась просыпанной мукой, а на сковороде жалобно шипели, подгорая, её несуразные изделия.

День кончился. Ночью мы двинулись в путь и шли так же осторожно, как и накануне. Это помогло нам без происшествий добраться до деревни Шкирпаны. Мы остановились на окраине деревни и расположились в бане. Здесь кончался тот участок пути, который мы могли пройти вместе с партизанами. Дальше предстояло пробираться самостоятельно.

Я не мог, конечно, сказать, что мы с Верой не были к этому подготовлены. Однако на месте многое выглядело иначе, чем с той стороны фронта. Впоследствии не раз мне приходилось сознательно идти на риск, чтобы поскорее получить нужные данные, чего-то добиться, куда-то проникнуть. А впервые принять рискованное решение мне пришлось именно той ночью.

Перед заброской в тыл майор учил нас, что идти от места приземления к Даугавпилсу надо будет только ночами. И не дорогами, а держась подальше от них: полями, лесами, болотами. Днём нам полагалось маскироваться, чтобы ни один человек не заметил нас. Люди могли попасться всякие. И эти наставления майора я прекрасно помнил. Но тем не менее...

Идти ночью — значит, продвигаться в темноте. Но шел июнь; много ли темных часов бывает в этот летний месяц? Часа три, не больше. Пробираясь по бездорожью, мы попадем в город в лучшем случае дней через десять, никак не раньше.

Между тем штаб, на связь с которым регулярно выходила Вера, не уставал напоминать, что пробраться в Даугавпилс мы должны как можно скорее.

«А если идти днём, — напряженно соображал я, — по дорогам, не скрываясь, то же самое расстояние мы сможем одолеть за каких-нибудь три дня. Мы не устали, и поклажа наша была не слишком тяжелой. Риск? Да, риск, конечно, будет куда большим. Однако можно ли в разведке обойтись без риска?»

Утром, часов в восемь, мы распрощались с партизанами, чей путь отсюда лежал в другую сторону и, не таясь, вышли на большую дорогу.

Мы старались идти спокойно и беззаботно. Но до чего же это оказалось трудно! Особенно первые несколько километров. Как-никак, до сих пор, хотя и на захваченной врагом земле, мы все же находились среди своих. А теперь каждый шаг по убегающей вдаль дороге приближал к врагам, которые неминуемо должны были нам повстречаться.

Эти самые враги мерещились мне на каждом шагу. Здесь то и дело попадаются села, деревни, хутора, здесь не пройдешь по большаку и сотни-другой метров, чтобы тебя кто-нибудь не заметил. Всякий взгляд казался исполненным угрозы или подозрения. Мне чудилось, что на нас так и написано, что мы не здешние, что мы издалека, из-за линии фронта, что мы не мирные обыватели, а разведчики...

Действительно, дорогу, по которой мы шли, никак нельзя было назвать безлюдной. Вот проехала крестьянская подводка. Другая, третья. А вот и...

Это были солдаты на мотоциклах. Они приближались.

Я покосился на Веру. На лице её больше не играла обычная улыбка, дыхание стало от волнения частым и прерывистым.

Мои нервы тоже напряглись до предела. Больше всего в тот миг хотелось покоя. Хотелось оказаться в каком-нибудь темном уголке, где никто нас не увидит...

Мотоциклисты пронеслись, обдав пылью и даже не обратив на нас внимания. В их обязанности не входило проверять документы у прохожих. И сразу на душе стало легче. Значит, ничего страшного? Значит, мы ничем не выделяемся из числа путников, идущих и едущих по дороге? Никто не глядит на нас с подозрением, даже И вот эти, только что обогнавшие нас велосипедисты — а ведь среди них были и одетые в форму айзсаргов... Да и откуда, в конце концов, им знать, что спрятано в наших, таких привычных для взгляда, лукошках.

Дорога сделала ещё один поворот. За осиновой рощей показались крест и белая колокольня костела. Это была Вецслобода, первое село, через которое мы должны были пройти. Но мое внимание привлекла сейчас не церковь; я не мог отвести глаз от трех полицейских в серой форме, которых до сих пор скрывал поворот.

Один из полицейских опирался на стоявший рядом велосипед. За спиной у него висела винтовка. У остальных я винтовок не заметил, но понимал, что они наверняка тоже вооружены — скорее всего, револьверами.

Что делать? Идти мимо них? Опасно: может быть, это — пост по проверке документов.

Бежать? Только куда тут убежишь, далеко ли? Свернуть к костелу? Но костел — не рынок, с корзинами туда не ходят.

Мы продолжали шагать...

— Спокойно пройдем мимо, — вполголоса сказал я Вере. — Не волноваться!

Она едва заметно кивнула.

Мы уже различали лица полицейских — молодых, здоровых парней. Они оживленно разговаривали и вроде бы не обращали на нас никакого внимания. Но мы подходили все ближе, и они могли окликнуть нас в любой момент. Остановить, потребовать документы, обыскать...

Что ж, если дойдет до этого, — буду стрелять, не давая им опомниться. Застрелить, сбросить в речку, что протекает под мостиком, и бежать...

Жаль только, что далеко не убежишь: был бы тут лес, а то речка да прямая дорога.

Шаг, ещё шаг — и вот мы, наконец, поравнялись с полицейскими. Я перевел дыхание: на меня они не обратили никакого внимания, замаслившись глаза их были устремлены на Веру, Она и правда была очень пригожей девушкой.

Не оборачиваясь, мы продолжали идти, хотя теперь каждый шаг не приближал нас к полицейским, а отдалял от них, и стоило больших усилий не пуститься бегом.

Кажется, обошлось...

Мы без приключений миновали Вецслободу и, пройдя ещё километров пять, свернули с большака на проселок. Вскоре он привел нас к деревне Криница.

Без волнений оставить позади и эту деревню нам не удалось. На её улице нам встретилась компания пьяных айзсаргов; было их пятеро, в том числе двое вооруженных винтовками, а с

ними ещё какой-то штатский с повязкой на рукаве. Хриплыми, пропитыми голосами они горланили песню.

Встретаться с ними лицом к лицу мне очень не хотелось: если у трезвых мы и не вызывали подозрений, то пьяные обязательно остановят — просто так, без всякой причины.

Нас разделяло несколько десятков шагов, когда я заметил узкую дорожку, уходившую в сторону возвышавшегося поодаль дома. Не раздумывая, мы свернули на нее.

— Эй, вы! Подождите!

Я оглянулся. Один из айзсаргов, подавая Поднятой рукой знак остановиться, направился в нашу сторону.

Я помахал ему, и мы, не останавливаясь, продолжали путь. Айзсарг пустился вдогонку, но, пробежав несколько шагов, — я в тот миг снова оглянулся, чтобы оценить обстановку, — споткнулся и растянулся на дороге под пьяный смех остальных.

Размеренно шагая, мы стали обходить хутор. И вдруг, выскочив из конуры, на нас бросилась огромная овчарка. В несколько прыжков собака настигла нас. Мы в растерянности остановились. К счастью, из дома вышел старик и подозвал пса. Облегченно вздохнув, мы зашагали дальше, зашли за сарай и мимо грядок с капустой направились к темневшему невдалеке лесу.

Однако укрыться в нем мы не успели: запыхавшийся айзсарг всё же нагнал нас.

— Вам чего надо на моей земле? — ещё издали крикнул он.

— Нам туда! — и я махнул рукой в сторону строения, крыша которого виднелась у опушки.

Подбежав, айзсарг остановился. У него было вытянутое лицо, острый подбородок, тонкая, с выпирающим кадыком шея.

— Предъявите документы!

— Ты протрезвись сначала! — посоветовал я.

Это ему не понравилось, и он, схватившись за мою корзинку, рывкнул:

— А ну показывай, что несёшь?

— Продукты несу, — ответил я как можно спокойнее. — Так что отстань.

— Ах, спекулируешь! протяжно произнёс он. — Ну-ка, посмотрим, чем именно...

И он с силой рванул корзинку к себе. Однако я держал её крепко и заглянуть внутрь ему никак не удавалось. Но отстать айзсарг, кажется, не собирался. Застрелить бы его, подумал я. Но выстрел услышит компания на дороге...

Вера в эти мгновения держалась в стороне, в глазах её была растерянность. Но понемногу она пришла в себя. Осмотрелась. Рядом на земле валялся кол — наверное, собирались чинить ограду. Вера быстро нагнулась, схватила кол и обрушила его на голову нашего преследователя. Ноги его подкосились, и он рухнул навзничь на землю.

Оказывается, майор был прав; с Верой действительно не пропадешь!

— Бежим! — сказал я.

Пробежав несколько шагов, мы оглянулись. Айзсарг пытался встать, но ноги его не держали, и он снова опустился на землю. Сейчас поднимет крик, и за нами кинутся остальные. Мы побежали быстрее. Позади ударил выстрел. Айзсарг стрелял нам вдогонку. Но лес был уже рядом, и мы поспешили укрыться в кустарнике.

Шли лесом, потом выбрались на дорогу, что вела на Эзерниеки. День клонился к вечеру. Сумерки сгущались. Небо из розового становилось малиновым. На дорогу легли черные тени.

Когда совсем стемнело, мы решили сделать привал. Подходящее место нашли около поселка Эзерниеки, подле озера Эжу, в прибрежном кустарнике. Поужинали всухомятку и решили спать по очереди, чтобы постоянно нести дежурство.

Километров тридцать прошли, — прикинув по карте, сказал я.

— Ты бежал, как сумасшедший, — обиженно молвила в ответ Вера. — Я за тобой еле попевала...

Я взглянул на её ноги. Пятки были стерты до крови. Боль, наверное, была страшная, но Вера не жаловалась. Выдержки у неё было достаточно.

Устроившись на ночь, мы продолжали наблюдать за дорогой. Вот проехали два мотоцикла с вооруженными айзсаргами. Через четверть часа они же прокатили в обратном направлении.

— Нас, ищут, наверное, — шепнул я Вере.

— Жаль, не доби́ли того, — хмуро проговори́ла она.

Ночь была прохладной, не давали уснуть комары — у озера их была тьма-тьмущая. И всё же мы ухитрились поспать. Поднялись с первыми лучами солнца. Поблизости слышались голоса. Я вынул наган. Прислушался. Голоса не приближались. Я осторожно выглянул из-за кустов. Оказывается, мы заночевали шагах в ста от небольшого хутора. Его-то обитатели и разговаривали друг с другом, занимаясь своим хозяйством.

Часов в восемь мы вышли на большую дорогу. Ноги болели, Вера сильно прихрамывала.

— Тыними туфли, легче будет, — посоветовал я.

— Отвыкла я босиком, — виновато ответила она, но все же разулась...

Да, с такими ногами лучше всего было бы лежать в мягкой постели. Но мы должны были идти. И шли.

Вскоре к боли в ногах прибавились и жара, и жажда, а к полудню ещё и голод. Поравнявшись со стоявшим слева от дороги хутором, мы замедлили шаги.

— Зайдем? — предложила Вера.

Я на мгновение задумался. Конечно, какой-то риск в этом был. Но ведь если бы мы были не разведчиками, а просто путниками, то постучались бы, не раздумывая. А нам и надо было вести себя, как самым обыкновенным жителям, и никак иначе. К тому же, воображение услужливо нарисовало мне кружку соблазнительно холодного молока и краюху ржаного хлеба.

— Зайдем!

И мы решительно направились к дому.

— Продайте нам молока, пить хотим, — попросил я хозяйку, женщину лет сорока пяти.

Она неторопливо вышла в другую комнату и через минуту вернулась с кувшином молока. Поставила на стол.

— Не хотите ли свежего творога?

Отказываться мы не стали.

Хозяйка присела тут же, у стола.

— Такой молодой, а не в армии... — задумчиво проговорила она.

— Да вот болею, освобожден от воинской повинности.

— Скажите... — покачала она головой. — А мои вот служат. В легионе. А раньше были айсаргами. — Она указала на висевшие на стене фотографии. — Вот какие они у меня орлы!

— Да, — вздохнул я. — Не каждому выпадает такая честь служить в армии.

А про себя подумал: «Погоди, придут наши — тогда погордишься...»

Перекусив, мы поблагодарили хозяйку, и я положил на стол две немецкие марки.

Обед прибавил нам сил, но вскоре усталость снова дала себя знать. Солнце пекло вовсю. Хотелось растянуться под деревом, на зеленой травке и хоть немного полежать в тени. Но впереди была ещё длинная дорога.

— Юзик, а почему бы нам не подъехать на попутных? — сказала Вера.

— Пожалуй... Если подвернется подходящая подвода.

Подвода подвернулась, не успели мы пройти и ста шагов. Ещё издалека мы услышали её грохот: со взгорка лихо катила телега, ездок, горланя, размахивал кнутом.

— Не люблю пьяных, — заметила Вера.

Транспорт, показался неподходящим и по другой причине: на телеге, держа вожжи, восседал коренастый человек в серой полицейской форме. Рядом с ним сидела женщина. Я решил эту телегу не останавливать. Но полицейский, поравнявшись с нами, сам натянул вожжи, и лошадь, дугой согнув шею, затопталась на месте.

Полицейский, далеко уже не молодой, по-мальчишески резво соскочил с телеги.

— Предъявите документы! — потребовал он.

Что показать ему: паспорт, выданный майором, или справку, что я получил от партизан?

По паспорту я — житель Идрицы, и здесь мне делать вроде бы нечего. Значит, справку. Полицейский долго, разглядывал документ.

— А ещё какие бумаги у вас есть?

— Разве этого недостаточно? Документ выдан мне взамен паспорта, хоть он и временный, но мою личность удостоверяет.

Полицейский ещё раз взглянул на справку и вернул её мне. Я сложил бумажку и сунул в карман.

— Куда направляетесь?

— В Андрупене.

— Садитесь, подвезу. Там как раз наш участок.

Ехать в полицейский участок очень не хотелось. Но Вера уже преспокойно уселась впереди женщины. Мне оставалось только поставить наши корзинки на свободное место за сиденьем. Сам я пристроился рядом с ними.

— А к кому вы в Андрупене? — немного погодя спросил он.

Я сразу понял, что теперь надо назвать какое-нибудь другое место.

— Мы, собственно, чуть дальше — в Маслово.

Эту деревню я запомнил, изучая перед выходом карту. Запомнил, на всякий случай, и название деревни, откуда мы якобы направлялись.

— В Маслово, — повторил я. — Бывали там?

— Нет. А сами откуда будете?

— Из деревни Шкирпаны.

— Шкирпаны... Слышал, слышал... Только где ж это она находится? — спросил он сам себя. Потом повернулся ко мне: — Деревня Шкяуне — это не около вас?

Откуда мне знать, около она или нет. Но вопрос явно означал проверку. Проверку — или ловушку?

— Есть такая, — ответил я.

— Сколько от вас до нее?

— Да километров, пожалуй, восемь в сторону, — я махнул, рукой, показывая направление, тут я мало чем рисковал.

Он назвал ещё одну деревню.

— Путанов из этой деревни знаете?

— Слышал про таких.

— Их сколько братьев?

— А черт их ведаёт! — ответил я. — Знаю, что живут такие.

На этом воображение полицейского, видимо, иссякло, и он долго молчал, прежде чем задать следующий вопрос:

— А что везете?

— Продукты.

— Ну-ка, покажите...

Моя рука медленно потянулась к кинжалу. Но впереди на дороге показалась открытая легковая машина. В ней сидели офицеры. Машина быстро приближалась. Нападать сейчас было нельзя — иначе наша прогулка закончилась бы слишком быстро.

В корзинке лежала упакованная в льняной мешочек рация, а поверх неё — большой кусок сала. Я попытался достать его, но сало запуталось в складках мешка.

— Не вытащить никак. Да сало там! — сказал я наблюдавшему за мной полицейскому и показал ему блестящие от жира пальцы. — Сало!

Полицейский, возможно, спросил бы меня ещё о чем-нибудь; может быть, все-таки заставил бы опорожнить корзинку. Но в это время машина с офицерами поравнялась с нами, и он, приветствуя начальство, вытянул вперед руку. Офицеры махнули в ответ. Полицейский теперь перенес свое внимание на Веру.

— Эта девушка — кто такая?

— Моя невеста. Через месяц справим свадьбу.

— А у неё документы есть?

Вера улыбнулась полицейскому, показав белые, как снег, зубы:

— Предъявить?

— Недурную ты себе невесту выбрал, — сказал он и улыбнулся так, что его спутница прикрикнула:

— Хватит тебе к людям приставать!

— Время такое... — проворчал полицейский. — Партизаны кругом шуруют...

— Они у нас две коровы угнали, — пожаловался я. — Ночью. Будь моя власть, я бы всем им кишки повыпускал!

Полицейский снисходительно глянул на меня:

— Ну, ты уж наверняка...

— А что? Все они дезертиры, воевать не хотят, только бродят по ночам да воруют.

Полицейский, видимо, проникся ко мне доверием. Он вздохнул:

— Да, плохи наши дела. Гонят красные немцев, и чем это кончится — один бог знает. И Англия с Америкой тоже... хороши. Высадили десант во Франции. Не там его надо было высаживать! А знаешь где?

— Ну?

— В Лиепе, вот где!

— Ладно, — сказал я, — давай лучше я тебе анекдот расскажу.

Слушая анекдоты, полицейский блаженно улыбался. Потом начал рассказывать сам и не только анекдоты. Кое-что из рассказанного им пригодились нам впоследствии.

Наконец справа от дороги показалось небольшое Волоховецкое озеро. До Андрупене оставалось менее двух километров, и ехать дальше нам было не нужно, да и опасно. Я попросил полицейского остановиться, взял корзинки и прыгнул с телеги. Слезла и Вера. На прощание мы поблагодарили его за приятное времяпрепровождение.

— Не стоит благодарности, — ответил он. — Будете в Андрупене, заходите. — И назвал адрес.

Когда мы отошли, Вера рассмеялась:

— Телегу так трясло, что я всё время боялась, как бы из кармана не выскочил наган.

Я представил себе, какие глаза были бы у полицая, и тоже засмеялся, к Солнцу уходило за горизонт, сумерки сгущались. Пройдя ещё немного, мы свернули в лесок, чтобы расположиться на ночлег. Устроились в кустарнике. Срезав несколько веток, я попытался замаскировать наше убежище. Но остаться здесь нам не пришлось: прямо на нас направлялась женщина, гнавшая перед собой корову. Заметив нас, женщина вздрогнула.

— Надо уходить, — сказал я, когда она отошла. — Да, здесь уже небезопасно. Может рассказать кому-нибудь.

Мы вышли на дорогу, прошли ещё километра два и снова углубились в лес. К счастью, здесь оказались густые заросли папоротника, в которых мы и расположились на ночь. Мы бы очень хорошо выпались, если бы не назойливое гудение комаров.

На следующий день, умывшись в маленьком болотце, мы двинулись дальше. Я чувствовал себя все более уверенно: приближались знакомые места, так что даже очередная проверка документов меня не смутила. Вскоре показались телеграфные столбы: мы подходили к железной дороге Рига—Орел. Поблизости находилась станция Спруксты.

Я не был здесь лет пятнадцать, но все здесь оставалось таким же, каким было тогда: и просёлки, и старые халупы с перекошенными окошками и поросшими мхом соломенными крышами, и даже гуси, пасущиеся на лужайках.

Вера с трудом переставляла ноги. Усталость, напряжение последних дней, беспокойные ночи все — это давало о себе знать. Наконец мы вышли на большую дорогу, что вела из Даугавпилса в Краславу. Мимо нас, поднимая густую пыль, пронеслись немецкие автомобили, проезжали велосипедисты, тащились телеги. Я волновался. Но вот мы прошли последний поворот, и справа, за полем, нашим взглядам открылась Даугава.

Закончилась самая опасная часть пути.

С тех пор мне пришлось пройти немало трудных дорог. Но эта, первая, навсегда осталась в памяти.

НА ДАУГАВЕ

Солнце клонилось к закату, и на восток протянулись длинные тени деревьев. Река шумела, омывая гранитные валуны. Журчание текущей воды вселяло в меня спокойствие, которое ощутил впервые за последние дни. Мне вдруг показалось, что все опасности уже позади. Может быть, такое чувство возникло оттого, что завершился какой-то этап нашей операции и мы добрались

именно до того места, которое было намечено ещё перед вылетом в тыл врага. Но на самом деле, конечно, самое сложное и опасное было впереди.

Мы остановились в густых зарослях молодых сосенок, доходивших до самой реки. Отдыхая, пролежали добрый час на земле, покрытой тонким слоем мха, усыпанной сосновыми иглами. Надо было собраться с силами перед следующим броском.

— Как мы переправимся на тот берег? — озабоченно спросила Вера.

Вопрос был серьезным. Ещё партизаны предупреждали нас, что все лодки на Даугаве оккупанты реквизируют. Да и раньше, ещё до войны, хозяева лодок не оставляли их в этом глухом месте.

— Утро вечера мудренее, — полушутя, полусерьезно ответил я. — Придётся тебе сегодня переночевать здесь в одиночку. А я переплыву реку, выясню обстановку. Вот только есть тебе завтра будет нечего, кроме соленого сала.

— Ничего, — улыбнулась она. — Было бы что пить, а воды тут — целая река.

Я встал.

— Если не вернусь — мало ли что, — начнешь действовать сама. А это место запомни. Оно останется нашим местом явки на все время, пока мы здесь.

Кивнув на прощанье, я вышел на берег. Стояла темнота, неумолчно журчала река. Я стоял, пытаюсь сориентироваться, запомнить место, где осталась Вера. Но в ночной мгле все деревья походили друг на друга. Вглядевшись, я различил на другом берегу отдельно стоявшее дерево и постарался запомнить его. Потом медленно двинулся вдоль реки, то и дело наступая на невидимые во тьме острые камни. Вопреки логике, я все же надеялся найти хоть какое-нибудь средство для переправы. Увы, ничего не найдя, я вернулся на прежнее место.

Не оставалось иного выхода, как переправиться вплавь. Я разделся, завернул в одежду наган, перевязал получившийся узел, пристроил его на затылке, а концы бечевки зажал в зубах. Потом бесшумно вошёл в воду и поплыл.

На середине реки сильное течение подхватило меня и понесло. Впереди вода пенилась, из неё торчали верхушки огромных валунов.

Я отчаянно греб руками, пытаюсь ухватиться хоть за какой-нибудь камень, чтобы отдохнуть на нём, но мощная струя проносила меня, словно щепку, мимо. Веревка от пакета впивалась в углы губ, раздирая их. Вскоре я почувствовал усталость, но вовремя вспомнил, что в таких случаях нужно вести себя спокойно и не расходовать сил зря. Позволяя течению нести себя, я стал грести медленно, иногда даже отдыхал, лежа на воде плашмя. Уж не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я почувствовал под ногами твердый грунт.

Первым делом я снял узел. Рот болел так, что я подумал — губы разорваны до крови.

Осторожно потрогал пальцем; нет, крови не было, значит, вид мой не будет привлекать внимания. Одежда немного подмокла. Я натянул её и несколько минут постоял, прислушиваясь и глядясь.

Пока я плыл, меня не оставляло чувство, что враги следят за мной и только ждут момента, когда я выйду на берег, чтобы схватить, обезоружить, скрутить. Но кругом стояла тишина, и я понял, что увидеть меня в эту безлунную ночь было бы очень трудно, да никто и не ждал здесь моего появления.

Успокоившись и отдышавшись, я двинулся дальше.

У моего дяди Станислава было шесть дочерей, и — уж не знаю, хорошо это было для них или плохо — все они были похожи на него. Три из них были уже взрослыми, и я надеялся, что они смогут стать моими помощницами.

Эти мысли пришли сейчас в голову, потому что я приближался к хутору дяди Станислава, расположенному совсем рядом с дорогой на Даугавпилс. Последний раз я был здесь пятнадцатилетним парнишкой, но отлично помнил, что дом дяди, срубленный из тесаных сосновых балок, разделялся коридором на две половины, одна из которых в те времена пустовала. Сейчас в ней могли жить выросшие дочери, но нельзя было не считаться с возможностью, то в ней разместились вражеские солдаты.

Остановившись поодаль от дома, на самом краю пшеничного поля, я огляделся. Возле дома не было видно ни мотоциклов, ни машин. Однако это ещё не гарантировало, что фашистов здесь нет.

Дом выглядел, насколько можно было разглядеть в темноте, таким же, как и раньше. По-прежнему у крыльца виднелась собачья конура. Собаки не было ни видно, ни слышно. Может быть, она спала, а возможно, её и вовсе

не было. Для меня это было очень важно, ведь собака могла поднять переполох.

Конечно, лучше всего было бы вообще не приближаться к дому, а выждать момент, когда можно будет встретить дядю в укромном местечке, и там уж поговорить с ним. Но и наблюдение, и ожидание требовали много времени, а я просто физически ощущал, как бежит это время, как оно уходит, как ждут в штабе фронта той информации, которую я должен был сообщить и которой у меня все ещё не было... Нет, все заставило меня действовать по-иному, и я твердо решил увидеться с дядей в эту же ночь.

Наверное, если бы в те дни я обладал своим Сегодняшним опытом, то нашел бы иной выход. Но в то время, в пору первой опасной командировки, опыта было намного меньше, чем желания поскорее начать ту работу, ради которой меня сюда послали.

Стараясь ступать бесшумно, я пробрался к дому со стороны дороги, постарался поточнее вспомнить, за каким окном обычно спал дядя, подкрался к этому окну и прижался к стене дома так, чтобы остаться незамеченным при взгляде изнутри. Потом внимательно прислушался. Было по-прежнему тихо. Я вытянул руку и осторожно постучал.

Ничего не изменилось. В доме не было слышно ни малейшего движения. Только колотилось мое сердце, да от напряжения звенело в ушах.

Подождав минуту, я постучал снова — на этот раз сильнее. Было слышно, как за стеной закрипела кровать. Что-то зашуршало. Спohватившись, я вытащил наган, взвел курок и отвел руку с наганом за спину.

Лязгнула защелка. Дверь отворилась, и на пороге показался молодой мужчина в белой нательной рубахе и солдатских брюках.

Фашист!

Не дав ему времени оглядеться, я, пятясь, скользнул за угол, повернулся и побежал через поле.

Он заметил меня. Через несколько секунд застучал автомат. Немец выпустил несколько коротких очередей. Пули просвистели над моей головой. Я прибавил скорости. Залаяла собака. Словно обрадовавшись неожиданному развлечению, ей стали вторить собаки всех окрестных хуторов. Пробежав ещё метров двести, я налетел на изгородь из колючей проволоки, упал, но тут же вскочил и помчался дальше.

Остановился я, лишь досягнув кустарника. Стрельба прекратилась, но собаки всё ещё лаяли и, чувствовалось, умолкать не собирались. Я постоял, стараясь отдышаться и раздумывая, что же теперь предпринять. К дяде Станиславу хода нет, это было ясно. Но хорошо, когда у человека много родственников...

Не прошло и часа, как я уже приближался к хутору, где жили другие мои дядья — Александр и Донат.

Как и в первый раз, я остановился, не доходя до дома, на пригорке. Я помнил, что с него в ясную погоду можно было видеть вдали тот самый лес, где сейчас ожидала меня Вера. Мысль о ней подстегнула меня. Придётся повторить то же самое, что я уже сделал в прошлый раз. Снова пойти на риск. Если же и здесь окажутся немцы, залечь где-нибудь неподалеку, дожидаться дня и тогда попытаться незаметно встретиться с кем-нибудь из домашних и выяснить, на что я могу рассчитывать.

Прежде чем двинуться к дому, я приблизился к стоявшему по соседству сараю. Он был завален сеном. Здесь, на худой конец, можно было соорудить что-то вроде временного убежища.

В очередной раз я остановился, когда до дома оставалось не более тридцати шагов. Огляделся. Ничего подозрительного не было. Я сделал шаг. Внезапно вблизи что-то зашуршало. Я выхватил наган и замер, готовый к любым неожиданностям.

Это была собака, и она бежала прямо ко мне. Сейчас она поднимет лай — провалится и вторая попытка. А третьей у меня в запасе не было. Но, к моей великой радости, собака, приблизившись, перешла на шаг, спокойно подошла ко мне, обнюхала и завилыла хвостом.

Умница ты моя лохматая! Спасибо, что не лаешь!

Погладив пса по голове, я двинулся к дому. Пёс спокойно шел рядом. Я припомнил, как располагалась в доме большая русская печь, и постучал в окошко той комнаты, где она стояла. Если даже в доме есть немцы, то уж на русской печи они вряд ли расположатся спать.

За стеной послышался шорох: в кухне кто-то завозился. Затем в окне появилось лицо.

Это был дядя Александр.

У меня отлегло от сердца.

Дядя приник к стеклу и замер, пытаюсь разглядеть ночного гостя. Я поманил его рукой. Наконец лицо за окном исчезло. Скрипнула дверь.

— Дядя, это я — Юзик...

— Племянник? — спросил он удивленно. — Откуда, какими судьбами?

— Сперва скажи: немцы у вас есть?

— Нет... Да ты весь мокрый, продрог! Заходи, полезай на печь, обогрейся...

Я вошел в кухню и сразу направился к печи. Дядя подал мне кружку молока и кусок ржаного хлеба. Я почувствовал, что очень хочу есть. Когда я утолил голод, мы улеглись рядом на теплой печи.

— Ну, племянник, рассказывай: где пропадал, откуда пожаловал?

Я улыбнулся:

— Да вот — носил меня чёрт на горбу по белу свету, хотел сбросить в болото, да сжалился и закинул к вам на хутор.

— А если всерьез?

— Всерьез? Служил в немецкой армии, а сейчас понял, что Гитлеру — капут, и решил податься к вам в гости.

— Не мели пустое, племянник. Скажи лучше, что из Москвы прилетел. Тогда поверю.

— Завтра. А сейчас давай спать: устал, как бездомная собака.

От таких трудных ночей я отвык и спал беспокойно. Зато к утру одежда на мне высохла.

Разбудили меня мухи. Их на печи было множество, они надоедливо жужжали, садились на лицо. Лениво отмахиваясь от них, я в полудреме провалялся ещё час.

За завтраком я предупредил родичей:

— О том, что я у вас, не рассказывайте, а что дезертировал — тем более. Время военное, дойдет до полицейских — меня арестуют, да и вам влетит.

Дядя Александр усмехнулся:

— Ладно, пока будешь у нас, свято сохраним твою тайну.

— А если уйду?

— Тоже будем молчать, — заверил дядя Донат, поднимая рюмку.

— Что слышно о моем отце? Давненько я не навешал его.

— Живы, живы и отец, и мачеха. Он на пенсии, ежедневно ходит в костел — богу молиться.

Живет у них баба — какая-то немецкая... — дядя помолчал, подыскивая слово, — прихвостня. Все грозит им расправой за детей- коммунистов. Боятся они.

Значит, к отцу идти пока нельзя. Это меня огорчило.

— А я ведь не один, — сказал я погодя. — С женой. Она в Руданах осталась.

— Ох, племянник, крутишь. То ты дезертировал, то у тебя жена за рекой, завтра, чего доброго, у тебя там и тёща с детьми сыщется... Ладно, тащи всех сюда, места хватит. Только в реке не утопи — лодок-то нет. Немцы все отобрали, а нам приказано строго следить, чтобы никто реку не переплывал...

И все-таки найти что-нибудь, чтобы переправить через Даугаву Веру с рацией, было необходимо. Рацию нельзя было замочить. Да и Вера, как мне было известно, не сумела бы проплыть и десятка метров.

Пошарив в сарае, где хранилась разная утварь, я извлек из груды хлама старую детскую ванночку. Что же, неплохо для рации. А для Веры? Перерыв всё, я в конце концов остановился на

двух узкогорлых бидонах для керосина. Внимательно осмотрел их. Дыр, вроде, не было. Заткнув бидоны пробками, я связал их вместе и оставил в сарае до вечера.

Днём я старался не показываться во дворе, а когда стемнело — нагрузился всей этой посудой, донес её до реки и переплыл на правый берег. Припрятав свой «флот» в кустах, прошел по берегу и сориентировался. Заметив вчерашнее дерево, углубился в лес. Вот и молодые сосенки. Где-то здесь должна быть Вера.

Я прислушался.

— Вера, ты где?

— Я здесь, — негромко прозвучало в ответ.

— Ох, как долго тянулись сутки, — пожаловалась она немного погодя. — Волновалась за тебя — переплывешь ли, не схватят ли. Весь день просидела здесь, как дикий зверь. Перед обедом тут немцы проходили рядом, разговаривали. Хорошо — меня не заметили. Ходят смело, наверное, партизан тут нет. Потом очень захотелось пить, подобралась к берегу, а там какой-то дед рыбу удит. Так я ничего и не ела, не пила весь день.

— Поужинаем на том берегу. Собирайся.

— Мне не переплыть.

— Переплывешь, — успокоил я, подхватывая корзинки. — Там для тебя поплавки приготовлены.

Ночь была безоблачной. Стояла тишина, каждый шорох разносился далеко. По берегу мы дошли до места, где были спрятаны плавсредства. Корзинки я положил в ванночку, рацию накрыл одеждой. Привязал к ванночке один конец его дал Вере, другой оставил для себя. Концы мы зажали в зубах, вошли и поплыли. Ванночка плыла между нами, течение подхватило нас, когда мы были метрах в сорока от берега. Я тянул, как буксир, чтобы проскочить мимо камней. Ванночка угрожающе раскачивалась на волнах, и я боялся, что её захлестнёт и она пойдет ко дну вместе со всем содержимым. А что мы станем делать без рации?

Но на этот раз течение благополучно вынесло нас к берегу, в тихий заливчик. Выйдя, мы оделись, взяли все имущество и направились к хутору. Однако в дом заходить не стали, а переночевали в замеченном мною вчера сарае, в сене.

Утром, когда я проснулся, от моего спокойствия не осталось ни следа.

Действительно: перебраться мы перебрались, как-то устроились. Но ведь не это было нашей целью! Мы должны вести разведку железнодорожной станции Даугавпилс. А как это сделать?

Сколько я ни думал, варианты получались один другого глупее.

Можно, конечно, сходить в Даугавпилс. Документы у меня хоть и липовые, но всё же документы. Ну, а дальше что? К отцу идти нельзя... Родня? Но я пока ещё не хотел признаваться им в том, что мы — разведчики. Со временем я наверняка привлеку их к нашей работе. Но пока лучше быть осторожным. Они дают нам пристанище, это вовсе не так мало. Однако версия с дезертирством, конечно, их не убедила: никто в неё не поверил. Нужно найти другое объяснение.

И, встретившись утром с дядей Александром, я сказал ему:

— Буду говорить откровенно — ни в какой немецкой армии я не был. Я партизан.

Он усмехнулся.

— Я ещё вчера догадался, что ты либо на самолёте прилетел, либо линию фронта перешёл, — невозмутимо ответил он.

— Но бояться вам из-за меня нечего, если даже меня и схватят. Диверсий совершать я не собираюсь, жить буду смиренно. Всё, что мне нужно, — разузнать кое-что о Даугавпилсе.

— А что именно? — спросил он так же спокойно.

— Пока только одно: кто из моих старых дружков служит на железной дороге? Отец рассказал бы, но к нему я зайти не могу: ты сам говорил, что там живет какая-то... Поэтому, дядя, сходить придется тебе.

Дядя с минуту помолчал.

— Ладно, племянник, схожу, может быть, что-нибудь и узнаю. А если твой батя спросит, зачем тебе это, — что сказать?

— А вот так и скажи: Юзик в партизанах, на днях заглянул и просил узнать. А что я у тебя остановился — не говори: для него меньше беспокойства.

Дядя Александр быстро собрался и ушел в Даугавпилс.

Дело начинало двигаться. Но этого было очень мало.

В этой мысли я ещё более утвердился, когда Вера после обеда развернула рацию и передала радиограмму о нашем местонахождении. Сообщила она и о том, что в лесу близ деревни Руданы располагаются немецкие воинские части.

Приняв ответную радиограмму Центра, Вера передала её мне. Там было: «Оправдайте доверие Родины, организуйте разведку».

И в самом деле: после нашего приземления прошло уже двенадцать дней, а от меня в Центр ещё не поступило никаких сведений.

— Мы же просто не могли добраться сюда быстрее, — словно оправдываясь, проговорила Вера.

— Мы могли быть здесь на третий день, — хмуро ответил я.

— Если бы пошли прямо, через полицейские кордоны?

— Да.

— Но ведь партизаны говорили, что там пройти невозможно.

— Пройти везде возможно. Хотя, конечно, могли и не дойти.

— И вообще: почему нас забрасывали через Белоруссию? Разве поближе к городу не нашлось партизан?

— Наверное, так было надо.

Ничего другого я сказать не мог.

Чтобы делать хоть что-нибудь, я устроил себе наблюдательный пункт под самой крышей сарая. Отсюда можно было следить за движением войск по ведущим в Даугавпилс дорогам и на одном, и на другом берегу Даугавы. Но войск тут проходило немного, а главное — моё задание заключалось ведь совсем в другом! Так что я с нетерпением ждал новостей от дяди Александра.

Но первым с новыми вестями прибежал к нам Донат. Это случилось на следующее утро, часов в восемь.

— Немедленно уходите в Енамольский лес! Вверх по реке, пять километров...

— Да что стряслось?

— Жена утром зашла к соседям, в Сителе.

И хозяин рассказал, что ночью выходил, чтобы перевязать лошадь на новое место, и видел, как два бандита переплыли реку и направились в сторону нашего хутора. Узнают немцы или айзсарги — вас схватят, нас всех перестреляют и дом сожгут!

— Что ж, пожалуй, надо уходить. Только вы не волнуйтесь: заметить он нас мог позапрошлой ночью и если бы донёс, то на нас ещё вчера устроили бы облаву. Ладно, будем собираться.

Однако в лес я решил пока не уходить. Важно было встретиться с дядей Александром, и я подумал, что до его прихода нам лучше всего укрыться в кустах на соседнем хуторе.

Его хозяином был айзсарг, и там нас искать вряд ли станут.

Хутора разделял поросший кустарником овражек. По дну его бежал ручеёк с холодной, чистой родниковой водой. Мы расположились в самой чаще, подальше от тропинки. И снова нам не повезло: в кусты забрело несколько овец, и разыскивавший их пастушонок наткнулся на нас. Испуганный, он остановился.

— Не бойся, -ту попытался я успокоить, — Мы прохожие, остановились отдохнуть уж больно припекает сегодня.

Он отошёл. Как только пастушонок скрылся, мы поспешили снова перебраться через овражек и укрыться на дядиной территории. И не напрасно: минут через двадцать к месту, где пастушонок видел нас, подошел вооружённый винтовкой айзсарг. Он стал обшаривать кусты. Но мы находились уже достаточно далеко от него.

К вечеру погода стала портиться. Порывистый ветер гнал низкие, косматые тучи. Потом пошел сильный дождь. Даже укрывшись под большой елью, мы промокли до нитки. Обогреться было негде: в дом мы решили не заходить. Оставалось лишь терпеливо ждать.

Наконец дождь перестал, и послышался голос дяди Доната:

— Тюкочка, тюкочка, тюкочка!

Так он обычно подзывал свою старую лошадь. Но, тут, она пастись не могла: рядом было пшеничное поле, кто ж её пустит! И я понял, что он зовет меня.

Я осторожно вылез из укрытия. Донат сунул мне миску с едой и прошептал:

— Александр приехал, сейчас пришло его.

Дядя Александр пришел через полчаса. Приблизившись, негромко окликнул:

— Племянник! Где ты?

— Тут мы.

— Вот, возьмите брезент, шубу, а то простудитесь, — проговорил дядя.

— Ну, чем порадуешь? спросил я сразу же.

— Один твой знакомый, Леонард Урбан, работает дежурным по станции Даугавпилс, — ответил дядя.

О лучшем и мечтать нельзя было. Леонард — друг детства!

— Кто сказал?

— Твой батя сообщил.

Что ж, хорошо, очень хорошо! Надо было только найти способ встретиться с Леонардом...

Полное его имя было Леонард Иосифович Урбан. Я знал его с детства, знал его отца и братьев: старшего Павла и младшего — Ростислава. В детстве мы часто играли вместе. Но в детстве люди не интересуются политикой. Каков-то он сейчас? Чем дышит и на кого молится? Леонард знал, что я коммунист, знал, где я работал при Советской власти. Сразу идти на свидание с ним было рискованно. Но сейчас оставалось лишь идти к нему на квартиру: я был уверен, что Леонарда надо встретить именно сегодня.

Так что наутро я попрощался с Верой и направился в город.

В кармане у меня были справка, что дали мне партизаны, паспорт, деньги и нож. Наган я решил не брать: на нем был выбит год выпуска — 1944-й, и получить его я мог только в советском тылу. При обыске это погубило бы меня.

Километров пять я прошел пешком, потом меня взялся подвезти проезжавший на телеге старик. Приближаясь к мосту через Даугаву, я заметил на нём двух солдат с автоматами. Однако прохожих они не останавливали, не обратили внимания и на меня. И лишь когда я находился уже на середине моста, то увидел, что на том берегу идет проверка документов. Идти вперед было опасно. Повернуть назад? А если постовые меня приметили?

«Никогда не теряй хладнокровия. Оценивай опасность реально. Не ударяйся в панику. Растеряешься — пропал». Так учил нас майор, и эти слова я неизменно вспоминал в трудные минуты.

Я приблизился к посту. Там были трое вооружённых солдат, офицер и двое полицейских. Эти двое и проверяли документы. Сейчас они рассматривали бумаги шедшего передо мной. Я независимо прошел мимо них и решил уже, что все в порядке, когда услышал окрик:

— Стой!

Я сразу же остановился. Ко мне подошёл молодой, веснушчатый полицейский.

— Предъявите документы!

Я вынул паспорт. Взяв его костлявыми пальцами, полицейай стал неторопливо изучать документ. Я старался подавить в себе волнение паспорт-то всё-таки был фальшивым, — но каждый нерв, каждый мускул напрягся до предела. Казалось, коснись сейчас меня кто-нибудь — и я зазвеню, как струна.

— Где живете? — после, как показалось мне, бесконечной паузы спросил полицейский.

— В Салапайской волости. Работаю с женой у хозяев.

— Почему нет отметки полицейского участка?

— Да мы только позавчера приехали.

Подумав ещё немного, полицейский направился с моим паспортом к офицеру. Теперь они разглядывали документ вдвоём, о чём-то переговариваясь. Я мысленно представлял уже допрос в гестапо со всеми его последствиями. Но вот полицейский вновь приблизился ко мне.

— Завтра же, — строго проговорил он, — предъявите документ в полицейский участок по месту жительства — для отметки.

Кладя паспорт в карман, я подумал, что «липа» у нас не такая уж плохая. Так или иначе, на сей раз обошлось без гестапо.

По Рижской улице, миновав центр города, я добрался до вокзала. На путях стоял воинский эшелон. На перроне суетились солдаты. Было бы, конечно, очень интересно выяснить, куда следовал эшелон.

Я постоял перед расписанием поездов, рассчитывая на обратном пути доехать до станции Спруксты чтобы таким образом миновать проверку документов у моста. Но до этого надо было ещё повидаться с Леонардом. Однако зайти в его кабинет я не решился. Небезопасно было бы и топтаться на перроне, дожидаясь, пока он выйдет.

Я покинул вокзал и направился на Варшавскую улицу. Здесь жил мой отец. Мне очень хотелось заглянуть к нему хоть на минутку. Но на это я не имел права.

Не останавливаясь, прошел я по Варшавской и вскоре добрался до дома на улице Андрея Пумпура. В этом доме, по моим расчётам, должен был жить Леонард. Я остановился у знакомой издавна двери и позвонил.

Через минуту дверь отворилась. Передо мной стоял полицейский. Я сразу узнал его. Это был старший брат Леонарда — Павел.

— Здравствуй, Павел Иосифович.

— Здравствуй... — он вопросительно глянул на меня, не узнавая. Со времени нашей последней встречи прошло много лет.

— Юзик, ты, что ли?

— Я.

Заходи,

Я вошел в комнату. Сел на диван. Павел присел к столу.

— Чем могу быть полезен? — после паузы спросил он.

— Я к Леонарду.

— А-а... Он сейчас живет в Вервялах.

Это меня обрадовало: от той деревни до дядиного хутора было километра три, не больше. Плюс ширина реки.

— Что он в Вервялах, я знаю, — спокойно сказал я, — но мне сейчас туда не по пути. Вот и хочу попросить тебя: передай ему вот это. — Я вынул из кармана пачку денег: — Здесь двести пятьдесят марок. — Я положил деньги на стол.

Павел удивленно посмотрел на меня.

— Ничего не попишешь, Павел Иосифович. Задолжал я ему, а долг, как говорится, платежом красен, усмехнулся я.

— Ты где живешь? — спросил он.

— Скитаюсь по белу свету.

— Покажи документы!

— Что, без них ты меня не знаешь?

— Знаю! — сказал он. — Знаю, что ты эвакуировался в сорок первом. Знаю, что ты коммунист!

— Как видишь, не эвакуировался.

— А живешь ты, значит, — продолжал Павел, — под чужим именем... Он встал, выхватил парабеллум и направил на меня. — А ну-ка, прогуляемся до полицейского участка. Там с тобой живо разберутся.

Видеть направленный на тебя пистолет очень неприятно, особенно когда знаешь, что держащий его человек способен натворить глупостей. Но я постарался скрыть волнение.

— Ты это спрячь, — посоветовал я. — В комнате ты в меня стрелять не станешь, потом хлопот не оберешься, а «железный крест» за убитого не получишь.

— Ты покажи, покажи документы! — размахивая пистолетом у меня перед носом, потребовал он.

— Ну, пусть так, — сказал я, — ты прав, Павел. Живу я под чужим именем. И я мало того, что коммунист, я ещё и партизан.

— Ага, подлюга, попался! — со злобной радостью воскликнул он. — Ничего, с такими, как ты, у нас умеют разговаривать!

— Наверное. Только расстреляют ведь не одного меня. Твоего брата Леонарда тоже: он уже месяц даёт мне сведения о прохождении через Даугавпилс воинских эшелонов. Ты немцев знаешь, они ему не простят. И тебе доверия тоже больше не будет.

— Врешь, сволочь! На пушку хочешь взять! Не может этого быть! Леонард мне ничего не говорил!

— А такое не всякому брату доверяют, вот он тебе и не сказал. Хотя всем давно ясно, что Гитлеру капут и советские войска скоро будут здесь.

Павел промолчал.

— Не будь Леонард со мною связан, зачем бы я принес ему деньги? Так что, Павел Иосифович, не горячись. Лучше обдумай всё, что я тебе сказал, и уж тогда решай судьбу — свою и своего брата.

Он медленно опустил парабеллум. Помедлил:

— Иди отсюда. И больше мне на глаза не попадайся.

Встав, я не удержался, чтобы не добавить:

— И все-таки подумай. Может быть, и ты нам чем-нибудь поможешь? Сумеешь искупить свою вину... Надумаешь — сообщи через Леонарда.

— Ещё агитировать меня станешь? Пошёл вон! — и он указал на дверь.

Я улыбнулся и вышел.

До отхода поезда оставалось три часа, идти на вокзал, чтобы мозолить глаза железнодорожной жандармерии, я не решился. Меня могли тут узнать многие — в 1940 году я работал председателем профсоюзного комитета на Латвийской железной дороге.

Зайти в церковь, скоротать время там? Нет, и это не годилось. Павел мог из окна заметить, что я вошел туда, и что-нибудь выкинуть.

Я успел пройти два квартала, когда из-за угла показался эсэсовский патруль. Он остановил человека, что шёл по улице несколько впереди меня. Я не стал дожидаться своей очереди, свернул в первые же ворота, миновал двор, перелез через забор и другим двором вышел на соседнюю улицу.

Неподалеку виднелись развалины двухэтажного дома. Там-то я и провел остававшееся до поезда время.

Когда я пришёл на вокзал, к перрону был уже подан состав из старых пассажирских вагонов. Двое жандармов расхаживали вдоль него, пренебрежительно поглядывая на суетившихся пассажиров с котомками. Я тоже ощутил на себе их взгляд, это было неприятно. Когда они прошли мимо, я протиснулся через толпу, влез в вагон и занял место у давно не мытого окна.

Кроме штатских пассажиров, в вагоне находились и солдаты. Одни сидели молча, другие негромко переговаривались, а один тихо наигрывал на губной гармошке.

Поезд тронулся. Мимо проплыл стоявший на обезлюдевшем перроне дежурный по станции. Незнакомый. Значит, Леонард сегодня был свободен.

Вначале ехали спокойно. Но когда поезд уже подходил к станции Стропы, в вагон вошли жандармы и полицейские. Снова проверка документов!

Час от часу не легче. Они обязательно заметят, что после Идрицы у меня в паспорте нет ни одной отметки полицейского участка.

По телу пробежала нервная дрожь. Я уговаривал себя не волноваться, ведь не первая проверка сегодня, в конце концов. Но предчувствие подсказывало, что на этот раз я попал в ловушку.

Пока жандармы медленно приближались, я перебирал в уме варианты ответов на неизбежные вопросы. Наконец они подошли вплотную, и один — высокий, с квадратным лицом и усиками под Гитлера — на ломаном русском языке спросил документы. Неизвестно почему у меня вдруг возникла уверенность в том, что им уже известно: я — советский разведчик, парашютист.

Стараясь подавить эту мысль, я протянул им паспорт. Жандарм раскрыл его и стал изучать, поглядывая то в паспорт, то на меня. Я сидел, затаив дыхание.

— Когда выехали из Идрицы? Куда едете? — спросил жандарм.

— Эвакуировался на прошлой неделе. Еду в Краславу. — Как ни странно, голос мой звучал спокойно.

— Где живете?

— В Краславе.

— А почему нет отметки о новом местожительстве? — строго спросил он.

— Не успел прописаться, — равнодушно ответил я.

Жандарм пристально посмотрел на меня:

— Паспорт получите на станции Краслава. Идемте.

Меня отвели в другой вагон и посадили в охраняемое полицейским купе. Там уже сидело несколько человек, у которых документы, видимо, были тоже не в порядке.

Пораздумав, я решил, что дела плохи. Надо было уносить ноги. Не то мне начнут задавать вопросы об Идрице, и я сразу же провалюсь. Но как удрать, если полицейский тут, рядом?

К счастью, неподалеку от нас какие-то пассажиры затеяли перебранку: их возня привлекла внимание полицейского, и он сделал несколько шагов в сторону скандалистов.

Воспользовавшись его любопытством, я скользнул к выходу.

— Стой!

Но я уже распахнул первую дверь, вторую — и прыгнул.

Катясь кубарем по насыпи, я думал лишь об одном: только бы не поломать кости. Но вот последнее сальто — и я остался лежать на насыпи. Прошла секунда, другая. Поднялся на ноги. Нет, вроде все цело...

Поезд удалялся. Оттуда доносились выстрелы. Стрелял, наверное, полицейский. Но пули пролетали где-то далеко.

После прыжка я выглядел не лучшим образом. Но и на том спасибо... Я пересек поляну, миновал кустарник и вскоре вышел на дорогу Даугавпилс—Краслава. Места были незнакомые, но пастушок, пасший неподалеку овец, указал мне нужное направление.

Через час я переплыл реку и, мокрый, добрался до ёлки, где ожидала меня Вера.

— Ну, как успехи? — обрадованная, спросила она.

— Его не встретил, но выяснил, что живет он тут поблизости.

— Дядя Александр принес обед. Вот, возьми. — Вера подала мне миску с жареной бараниной.

— А ты поела?

— Нет, не хотелось. Все думала: схватят тебя — как я одна буду?

— Риск, конечно, был. Но и смысл тоже...

Выслушав мой рассказ, Вера нахмурилась:

— Опять реку переплывать?

— Давай поедим, тогда и подумаем.

Думать, однако, не пришлось: выручил дядя Александр.

— Ну, как дела, племянник? — спросил он, подойдя.

— Да вот, опять придется вплавь...

— Зачем? В шести километрах вверх по реке, в Слутишках, живет Станислав, твой брательник. А у него лодка есть. Там и переедете.

— Видишь, как хорошо, — сказал я.

Наутро я спросил Веру:

— Как твои ноги? Берег каменистый...

— Зажили! — бодро ответила Вера и в доказательство лихо притопнула и сделала пируэт.

Под деревом мы выкопали при помощи столовой ложки яму, уложили туда свои корзинки и замаскировали. Тащить с собой рацию было рискованно. Через два часа поравнялись с деревней Слутишки. Она стояла на противоположном берегу, у которого виднелась лодка с рыболовом.

— Дяденька, или как вас величать, перевезите на ту сторону! — крикнула Вера.

Рыболов обернулся. Это был Станислав. Он сильно постарел, бронзовый от загара лоб покрывали морщины, а вот большой красный нос остался прежним.

— Садитесь, — бросил он равнодушно.

Мы уселись, и лодка медленно поплыла через Даугаву.

— К кому вы едете? — спросил он, явно не узнавая меня.

— К знакомому, — улыбнулся я. — По имени Станислав.

Он удивленно поднял глаза:

— А вы кто такие? И чего хотите от Станислава?

Я медлил, ожидая, что он узнает меня. Но он не узнавал. И бросил весла:

— Пока не скажете, кто вы — не повезу.

— Ну, Станислав! — укоризненно сказал! я. — Ты меня не узнаешь?

На этот раз он взгляделся внимательнее.

— Юзик? Вот так сюрприз! Давненько я тебя не видал! Вырос! Ну, здравствуй братишка! — и он протянул мне мускулистую руку.

Глядя на нас, Вера улыбалась. Потом неожиданно спросила:

— А немцы в деревне есть?

— Сюда они заглядывают редко, им здесь делать нечего. А ты, братан, какими судьбами?

— Был мобилизован, служил у них в армии! Сбежал. Вот и скитаюсь по свету.

Станислав размахисто грёб.

— Ну, и правильно сделал. Пусть сами воюют, а нам зачем — против своих? А девушка эта кто?

— Моя жена, Вера Михайловна. Будьте знакомы.

— Очень приятно, — Станислав пожал ей руку и добавил: — Если негде жить, поживите пока у нас, а там видно будет.

Причалив к берегу, Станислав примкнул лодку к торчащему из земли стальному стержню, взвалил весла на плечи.

— Ну, пошли.

— Спасибо за гостеприимство, — ответил я, и мы направились в деревню.

Дом Станислава стоял на отшибе, последним в ряду у дороги, пересекавшей деревню. Когда мы подошли, на крыльце показалась женщина.

— А вот и моя жена, Вера Адамовна, — сказал Станислав.

Мы познакомились, и через час обе Веры уже пошли вместе в баню. После них помылись и мы.

На ночь Станислав устроил нас на чердаке — принес сено, подушки, одеяла, простыни. Мы выспались, как дома.

Наутро в разговоре с Верой Адамовной я уточнил, что Леонард с женой и годовалым сыном действительно живет в деревне Вервялы. На работу в Даугавпилс ездит на велосипеде, а после работы любит бродить по берегу со спиннингом — ловит рыбу.

Решив, что теперь можно переправить в Слутишки и рацию, я выбрал удобный момент и сказал Станиславу:

— Мы бы у вас ещё погостили, но надо перенести сюда наши вещи.

Станислав согласился. В тот же день он перевез нас на другой берег, а вечером с корзинками в руках мы вернулись в Слутишки (брат ждал нас в лодке). Покидая дядин хутор, я оставил Александру задание: побывать в ближайших городах и поселках и поинтересоваться, ведется ли там строительство каких-либо оборонительных сооружений.

На следующий день Вера связалась с Центром. Но, как на грех, когда она работала на ключе, на чердак поднялась Вера Адамовна.

— Это что за аппарат? — заинтересовалась

— Приемник. Музыка слушать, — ответил я.

Подозрительно покосившись на нас, она спустилась вниз.

Через час к нам пришел Станислав. Он выглядел встревоженным.

— Юзик, здесь оставаться вам опасно.

— Почему?

— Тут деревенские стали интересоваться, что у меня за гости. Я сказал, что брательник с женой приехали из города. Но раз уж стали интересоваться, то... может быть беда. Так что уходите ночью в лес.

Станислав, откровенно говоря, меня обидел. Я полагал, что он просто-напросто струсил, ведь никаких реальных оснований для тревоги у него не было. Мало ли кто что сказал, кто о чем спросил?

МЫ НЕ ОДНИ

В полночь мы вышли из дома. Лил холодный дождь. В деревне все спали. Даже собаки в конурах. Мы пробирались почти наощупь. Река шумела и пенилась. Ветер с дождем сек лица. Вера несколько раз спотыкалась о камни и падала. В конце концов она ушибла ногу так сильно, что стала хромать. Пришлось искать место для ночлега. Впрочем, выбирать нам было не из чего. Мы находились в небольшом лесу, площадью не более десятка квадратных километров, но и на этой маленькой территории мы были не одни.

Здесь разместилась гитлеровская механизированная часть. При малейшей неосторожности нас могли обнаружить. Дождь не прекращался. Колючие ветки хлестали по лицу. Промокшую насквозь, прилипшую к телу одежду просушить было негде. Не разводить же костер под носом у немцев, да и развести его было бы не из чего — теперь в лесу и веточки сухой не найдешь. Дождь прекратился только к утру.

Все же нам удалось кое-как устроиться. Среди высоких сосен мы отыскали пятачок, поросший густым молодым сосняком. Здесь и решили обосноваться.

Корзинки с рацией и батареями решили закопать в землю. Конечно, во влажном грунте они могли отсыреть; однако постоянно таскать аппаратуру с собой было куда опаснее. Кинжалом и ладонями мы вырыли яму, уложили в неё корзинки и замаскировали все так, чтобы земля не отличалась от окружающей. Песок из ямы мы отнесли в сторону, насыпали ручкой и забросали сухой хвоей, так что получилось похоже на небольшой муравейник.

Пока мы занимались работой, тучи наконец разошлись. Лес просветлел, словно пробудился от сна, капли дождя на ветках заиграли радугами. Трудная ночь осталась позади, и я подумал, что нет ничего прекраснее тихого солнечного утра в сосновом бору.

Мы позавтракали взятыми из дому бутербродами, просушили на солнце одежду. Потом я стал собираться в путь. В этот день обязательно надо было встретиться с Леонардом.

Где искать его: на дороге, ведущей через лес в деревню, или на берегу реки? Дорога казалась предпочтительней — в город Леонард ездил каждый день. Однако я быстро убедился в том, что дорога проходит через редколесье, укрыться для наблюдения было негде. Значит, оставалось идти к реке и надеяться, что Леонард не сможет долго обойтись без своего любимого занятия.

Однако в тот день что-то заставило его отказаться от рыбной ловли, и я прождал дотемна напрасно. Расстроенный, возвратился я в укрытие, где томилась от безделья и одиночества Вера.

— Завтра я тоже пойду с тобой!

— Ну, потерпи ещё немного. Встретиться с ним я должен с глазу на глаз.

Назавтра с утра я снова занял свой пост. Большая часть дня прошла напрасно, и я стал обдумывать иные способы встретиться с Леонардом, когда уже под вечер на берегу показались трое: мужчина и две женщины. Мужчина был со спиннингом, одна из женщин несла на руках ребенка. Когда они приблизились, я узнал в мужчине Леонарда.

Я вышел из чащи и неторопливо пошел им навстречу. Но, не доходя шагов шестидесяти, остановился.

— Леонард, подойди-ка! — крикнул я, призывно взмахнув рукой.

Кажется, Леонард не узнал меня. Так или иначе, торопиться он не стал. Я же сам подходить не хотел из-за незнакомых женщин. Пришлось позвать ещё и ещё раз. Лишь после третьего оклика Леонард неуверенно двинулся в мою сторону. Когда расстояние между нами сократилось до десяти, его глаза расширились от удивления.

— Юзик? Как ты сюда попал?

— Пришел тебя навестить.

Мы поздоровались.

— Ну, дружище, где живешь, где работаешь? — торопил я. — Рассказывай!

— Живу здесь, в Вервялах, на хуторе одного полицейского, Пыпор его фамилия. А работаю в Даугавпилсе, дежурным по станции.

— А это кто с тобой?

— С малышом — жена, а вторая, та, что посветлее, — дочь полицейского, у которого мы живем.

Мне нужно было узнать, виделся ли Леонард с Павлом после моего визита в Даугавпилс, и я спросил:

— Ну, как братья? Где Павел, где Ростислав?

— Павел — полицейским в городе, Ростислав — в легионе.

Это прозвучало не очень обнадеживающе. Но я решил идти до конца.

— Вот ты, наверное, встречаешься с Павлом. Что он думает? Шкуру-то спасти надо! Красные ведь наступают, гонят фашистов «нах фатерланд».

— Павла видел на прошлой неделе. Правда, об этом у нас разговора не было.

Значит, о моей встрече с Павлом Леонард ещё ничего не знал. Это хорошо.

— А вообще-то дело ясное, — добавил Леонард после паузы. — Если красные будут подходить к городу, придется Павлу, да и всей полиции, сматывать удочки вместе с немцами.

— А тебе не придется?

— А что я? Никому ничего плохого не сделал. Работал — так не всем же идти в лес. Постой, постой, Юзик! Ты же коммунист! Как же тебя оставили на свободе?

— Не везде же немцы хозяйева, — ответил я. — Есть места, где Советская власть как стояла, так и стоит.

— Выходит, ты — партизан?

— Да. И пришел тебя повидать не просто так, а по заданию командира. Не согласишься ли ты оказать нам небольшую услугу? Ты-то, надо думать, понимаешь, что Гитлер войну проиграл.

Он помолчал.

— Что я могу для вас сделать?

— Будешь сообщать мне, сколько эшелонов, с чем и в каком направлении прошло через станцию.

— Хорошо! — решительно сказал Леонард. — Хотя сейчас могу перечислить все, что прошли вчера и сегодня.

— Давай!

Он рассказал мне все, что помнил.

— В следующий раз запомни до мелочей. Мне нужны точные сведения.

— Постараюсь.

— Значит, я могу сообщить командиру, что ты согласен быть нашим разведчиком?

— Сообщай, — улыбнулся Леонард.

Мы ещё поговорили с ним. Вернее, говорил один я, объясняя, как он должен вести себя, что ему надо знать и помнить. Он внимательно слушал, потом спросил:

— Ну, а сам ты где живешь?

— Тут неподалеку. Но искать меня не придется: когда понадобится, буду находить тебя сам. А сейчас познакомь меня с женой и с этой — дочерью полиция. Я твой двоюродный брат, зовут меня Александр Банбан, или попросту Саша. Но запомни: хотя от жены ты вряд ли что-нибудь скрываешь, о наших делах она знать не должна.

— И не будет, — успокоил меня Леонард.

Мы приблизились к женщинам, с любопытством, поглядывавшим на нас. Леонард познакомил нас, и меня тут же пригласили в гости. Поблагодарив, я пообещал зайти в другой раз.

К нашей базе я возвратился в бодром настроении, и Вера, конечно, сразу же заметила это.

— Встретил?

— Да. Он согласен.

— Молодец. Съешь бутерброд. Только вот вода кончилась.

— Пустяки, река рядом.

Однако от реки я вернулся с пустой бутылкой: по берегу расхаживал какой-то человек. Через несколько минут полученные от Леонарда сведения уже ушли в штаб фронта.

Наконец-то мы начали делать то, ради чего были присланы, ради чего шли опасной дорогой, переходили с хутора на хутор, мокли в реке и под дождем. Начали! И у меня отлегло от сердца.

Однако первый успех надо было развивать.

— Верочка, Леонард предложил мне поселиться там же, где живет он, — в усадьбе полицейского. Как ты на это смотришь?

— А я?

— Пока останешься здесь.

- Ну да! Тебя там сразу сцапают, а меня здесь волки съедят, — недовольно сказала Вера.
- Двоим сразу нельзя, да ещё неизвестно, примет ли хозяин.
- Семейных меньше подозревают.

Это я знал и сам. Однако хотя жизнь под крылышком полицейского обещала определенную безопасность, она, особенно в первые дни, таила в себе немало риска. А один из нас должен был уцелеть в любом случае. Этого я Вере говорить не стал, однако добился того, что она в конце концов сказала:

- Делай, как знаешь.

На другой день я вновь застал Леонарда на берегу со спиннингом в руках.

- Клюет?

- Бросаешь, как в болото, с досадой ответил он, крутя катушку.

В следующий миг леску сильно рвануло. Вогнувшийся в дугу спиннинг едва не вылетел из рук Леонарда.

- Щука! — выдохнул он.

Серебристое тело то мелькало у поверхности, то снова скрывалось в глубине. Леонард, то отпуская, то накручивая леску, подтягивал щуку все ближе к берегу. Попав в мелководье, рыба заколотила хвостом так, что брызги долетели до нас. Продолжала она биться и на берегу. Леонард бросил спиннинг и всем телом упал на добычу.

Это была не щука, а настоящий крокодил — килограммов на пять. Леонард поднял её за жабры.

- Хватит на сегодня. Пошли домой, — сказал он удовлетворенно.

По дороге Леонард подробно рассказал мне об эшелонах, прошедших через станцию за сегодняшний день, а также о том, что на подступах к городу начато строительство укреплений. Я слушал всё и записывал в единственный блокнот, которым может пользоваться разведчик, — в свою память. На щуку я тоже поглядывал с удовлетворением. Когда придём на хутор все будут прежде всего смотреть на неё, а не на меня.

Так и получилось. Когда Леонард бросил рыбину на траву около дома, именно она привлекла внимание и жены Леонарда, и супруги полицейского, и его выбежавшей из дома дочери, а под конец — и самого стража порядка. Краснощекий, усатый крепыш средних лет ходил и дома в серой форме.

- Вот, брата встретил, — представил меня Леонард.

— Очень приятно, — пророкотал в ответ полицейский и протянул большую, холодную руку. Моя рука скрылась в его ладони. Но смотрел он тоже больше на рыбу.

- Старый хищник! Смотрите — на спине даже мох вырос!

Мха на щучьей спине я не заметил, но с готовностью подтвердил, что он там есть.

В тот же вечер рыбу зажарили. Ужинали все вместе во дворе. Леонард принёс бутылку водки. Пыпор, как оказалось, был не прочь выпить. За ужином разговор всё время вертелся вокруг удачной ловли, и лишь как бы между прочим Леонард сказал:

- Ничего, если брательник поживет здесь?

- Что ж, пожалуйста, ответил хозяин.

- Благодарю вас, — сказал я. — Только у меня ещё и жена есть.

— Отдаю в ваше распоряжение вон тот особняк, — заявил подобревший после стаканчика Пыпор. Широким жестом он указал на ветхий сарайчик неподалеку: — Будьте, как дома!

— Что же, сейчас лучшего и желать нельзя. Прямо вилла! — ответил я в тон ему, и все засмеялись.

Пыпор не стал интересоваться, кто я и откуда. Наверное, с него было достаточно слов Леонарда.

После ужина Леонард принес постель. Дверь сарайчика я закрыл изнутри, под подушку положил наган и попытался, по совету полицейского, почувствовать себя, как дома. Но едва я задремал, как где-то заскреблась мышь, я проснулся и больше уже не мог уснуть. Беспокоили мысли о Вере. Надо было подумать и о том, как увеличить число людей, информирующих нас, способных вести разведку. Самое серьезное, как и раньше, оставалось впереди.

Утром, позавтракав, я направился в лес к Вере.

- Ну, как спалось?

— Никак! — сердито ответила она. — Всю ночь вертелась на сырой земле. То комары, то кто-то ходил вокруг — может, волк, так что я держала наган наготове. А утром птицы запели, какой уж тут сон.

Вечером я привел Веру на хутор и представил всем как свою жену. Показал ей нашу «виллу». Сарайчик был завален всяким хламом. Там был и старинный ткацкий станок, и окованный железом сундук, ручная мельница для зерна, ветхие хомуты... И всё же оставалось место для двух кроватей, так что можно было спать под крышей, а не в лесу. Поэтому даже такой ненадежной крыше, как сарайчик на хуторе полицаей, мы были рады.

Конечно, на связь мы выходили не отсюда. Рация по-прежнему хранилась в лесу. Шли мы в лес порознь, разными дорогами и подходили к тайнику с противоположных сторон. Чтобы не дать возможности запеленговать нас, переносили рацию с места на место и вели передачу каждый раз из другой точки. И посланные «Коршуном» сообщения исправно достигали Центра.

В первой же радиোগрамме мы сообщили о помощи дежурного по станции Даугавпилс Леонарда Иосифовича Урбана.

Доставлявшиеся им сведения были самыми значительными и ценными в наших передачах. Так, в разгар наступления войск 1-го Прибалтийского фронта на Вильнюс гитлеровское командование было вынуждено снять с других участков танковую и несколько пехотных дивизий и по железной дороге перебросить их через Даугавпилс на Вильнюс. С помощью Леонарда мы узнали об этом и своевременно сообщили нашему командованию.

Но Леонард оказался не единственным нашим помощником.

Мы жили у Пыпора уже четыре дня, когда нас навестила Вера Адамовна — жена Станислава. Она разговорилась с сидевшими на крыльце женой полицаей и двумя зашедшими поболтать соседками. Заметив меня, она и виду не подавала, что мы знакомы.

— Ходила я вчера в город, — оживленно рассказывала она женщинам, — ой, что там творится! Войска, войска, все идут по шоссе на улице, через мост. А в Стропы сколько народу согнано, больше тысячи, и все роют окопы. Видно, и сюда скоро придет война. Недаром в Юзефове немцы у дороги поставили пушки. Укрыли, правда, да уж так плохо, только дурак не догадается, что там пушка стоит, — она засмеялась.

Я неторопливо побрел к реке. Берегом быстро добрался до леса и притаился недалеко от тропинки, которой Вера Адамовна должна была возвращаться. Когда она появилась, я вышел из кустов.

— А вы недурно придумали, как передать мне сведения среди бела дня! — улыбаясь, сказал я ей;

— А что же оставалось? спросила она в ответ. Но можно подобрать место понадежнее — тайник. Здесь невдалеке стоит старое дерево, с дуплами, очень удобное.

Она привела меня в заросшую кустарником ложбину. Среди молодого ольшаника росла старая, кривобокая ива. Ветви её опускались до самой земли, а корявый ствол очертаниями напоминал огромную рогатку. Там, где ствол раздваивался, виднелось дупло, в которое можно было засунуть руку.

Вера Адамовна вытащила из дупла полусгнившие листья и вместо них положила сухой мох.

— Под этим мхом я и буду оставлять, — сказала она.

— Отлично, — одобрил я. — А не могли бы вы передать Станиславу, чтобы прогулялся в Краславу, поглядел, чем там фашисты заняты?

— Хорошо. В Краславе у него полно старых дружков.

Мы ещё потолковали о том, что и как предстояло сделать. Потом она рассказала, что произошло у них после того, как мы с Верой ушли.

— Оказалось, что на следующий же день к ним явились гитлеровцы. Один из них, в шлеме и с автоматом, приблизился к забору и махнул рукой, приглашая хозяев выйти во двор. Не заметивший других солдат Станислав сказал Вере:

— Выдь, спроси, чего ему. Если перевезти на тот берег — скажи, сейчас выйду только дообедаю.

Вера Адамовна подошла к солдату.

— В вашем доме скрываются бандиты, — заявил он. — Скажите им, пусть выходят, иначе всех вас расстреляем и дом сожжём.

— Никаких бандитов у нас нет и не было, — ответила она, стараясь остаться спокойной.

— Это неправда. У нас есть сведения.

— В нашем доме никто не скрывается. Можете проверить.

— А кто там, за столом?

— Мой муж и дети.

— Он не партизан? А ну-ка, пусть предъявит документы.

Подбежав к окну, она позвала Станислава, Тот вышел, показал свой паспорт. Почувствовавшие неладное ребятишки заревели, цепляясь за подол матери.

— Где у вас прячутся бандиты? — обратился немец уже к Станиславу.

— Нет у нас бандитов, — развел тот руками.

Фашист позвал, и к нему подошли ещё трое автоматчиков. Только теперь хозяева увидели, что дом окружён.

— Будем делать обыск, — сказал старший. — Идите вперед.

Гитлеровцы вошли в дом осторожно, словно ежесекундно ожидали нападения. Они обыскали весь дом, перевернули всё, заглянули под печь, тщательно осмотрели половицы. Обшарили сарай, хлев, чердак. И, ничего не найдя, вновь стали требовать выдачи бандитов, угрожая расстрелом.

Станислав с женой повторяли одно: никаких бандитов здесь не было, произошло недоразумение.

В конце концов фашисты ушли, пригрозив расправой.

Я молча слушал рассказ Веры Адамовны. Значит, прав оказался Станислав, а не я. Чутье не обмануло его. Видимо, кто-то из соседей донёс оккупантам о появлении чужих людей. А возможно, немецкие пеленгаторы засекли нас во время передачи.

Так или иначе, но на этот раз нам удалось избежать опасности.

Теперь мы работали не одни.

Кроме Леонарда, Станислава и его жены, разведанные для нас собирали дядя Александр и мой племянник, пятнадцатилетний сын Доната — Пётр. Завзятый рыболов, он целыми днями просиживал с удочкой напротив того места, где дорога Даугавпилс-Краслава, изгибаясь, подходит к самому берегу. Он наблюдал и запоминал, куда направлялись войска.

Однако, хотя всем этим людям я всецело доверял, чувствовать себя спокойным не мог. Виной тому был Пыпор.

Вначале он не очень интересовался мной. Да и некогда было — он ежедневно уезжал и порой не возвращался даже к ночи. Видимо, работы у полиции хватало.

Но однажды он все же спросил:

— Кстати, откуда вы к нам прибыли?

— Из Зилупе.

— Документы у вас, конечно, есть?

— Пожалуйста, — и я протянул ему все ту же, много раз выручавшую меня справку. Он прочитал её.

— Значит, вы — бывший полицейский?

— Совершенно верно.

— Что же у вас такое со здоровьем?

— Хронический радикулит, — уныло сказал я.

— В вашем-то возрасте?

— Радикулит — не старческая болезнь.

— Никогда не подумал бы. Вы так подвижны.

— Теперь-то я немного подлечился. Могу посоветовать прекрасное средство — пчелиный яд! Меня уже совсем скрутило, только тогда решился попробовать. Пчёлы мне поясницу так отделили, что еле жив остался. Зато потом сразу полегчало.

— Что ж, прекрасное средство. А не хотите ли вернуться на работу в полицию?

— Откровенно говоря, без дела сидеть скучно. Вот только будущее меня беспокоит...

— Я вас не совсем понимаю, — спокойно сказал Пыпор.

— А что, если немецкая армия... гм... эвакуируется из Латвии? Большевики повесят нас на первом же столбе.

— Ну, ваши опасения напрасны, — протянул он. — Немецкая армия сильна. Прибалтику она не оставит.

Я был другого мнения, но благо разумно промолчал.

Видимо, полицейай все ещё продолжал верить в силу германского оружия, ну а я верил в наше. Не в то, конечно, что было у меня в кармане. Сила разведчика не в оружии. Война, которую он ведет с врагом, тихая война, и выстрелы в ней раздаются только в самых крайних случаях. Куда чаще своих врагов даже не видишь в лицо.

Впрочем, с немецкими солдатами мне доводилось встречаться уже не раз, хотя в Вервялах они появлялись далеко не каждый день.

Но встречи эти, как правило, прямой опасности не представляли.

Как-то раз все мы обедали на открытом воздухе, во дворе. Вдруг Вера шепнула: «Немцы». Я поднял голову. К дому приближались два гитлеровца с автоматами. Мелькнула мысль: это за нами. Выхватить наган, стрелять?.. Но вроде бы настроены они не по-боевому. Спокойствие, прежде всего спокойствие.

— Пригласи их к столу, — шепнул я Леонарду.

Он так и сделал. Мирно улыбаясь, солдаты уселись. Леонард объяснил, что усадьба принадлежит полицейскому, а сам он работает на станции. Солдаты лишь улыбались, продолжая о чем-то разговаривать. Вскоре они ушли, и за чем приходили, мы так и не поняли.

В другой раз, тоже в обеденный час, к нам забрел солдат, у которого не было с собой даже автомата. Мы и его пригласили пообедать. Этот немного говорил по-русски. Завязался разговор, и немец откровенно признал, что дела у Гитлера плохи.

Я взял на себя роль утешителя: война — игра, ещё неизвестно, кому повезет. Однако он лишь качал головой, повторяя:

— Нет, немецкая армия не может больше стоять против красных.

Видимо, он действительно был в этом уверен.

Но вот однажды рано утром мы испугались не на шутку. Сквозь сон я услышал треск моторов. Вскочил. Поднялась и испуганная Вера.

Прильнув к щели в стене сарая, я увидел, что от леса к хутору приближаются три мотоцикла с колясками. На них сидели солдаты в шлемах, с автоматами.

Мотоциклы остановились, моторы умолкли. Пять или шесть солдат направились к дому. Навстречу им вышла жена Леонарда — Реня.

Завидев её, один из немцев громко сказал по-русски:

— Мы ищем посторонних, которые живут в этой деревне.

— А у нас посторонних нет, все свои, — убежденно ответила Реня. — Я здесь живу всё лето, сами мы из Даугавпилса, а принадлежит дом полицейскому, он сейчас спит. А в сарайчике, — она указала рукой в нашу сторону, — живёт родственник мужа со своей женой.

Я представил себе, как фашист с автоматом наизготовку подходит к сараю и кричит: «Выйти, предъявить документы!» А что потом? Правда, рация наша все ещё хранилась в тайнике, но, если станут всерьез проверять документы, дела обернутся плохо.

Я вытащил из-под подушки наган. Стрелять, как только они отворят дверь? С наганом против пяти автоматов? Или сейчас же зарыть наган в песок и как ни в чем не бывало улечься в постель? Вот если бы с собой была граната... Но она хранилась вместе с рацией — чтобы взорвать её, оказавшись в безвыходном положении.

Я так и не решил, что предпринять, как вдруг увидел, что гитлеровцы возвращаются к мотоциклам. Затарахтели моторы, и через минуту-другую машины скрылись за соснами.

Видимо, Реня говорила так убедительно, что немцы поверили и не стали утруждать себя проверкой и обыском.

В конце июля Леонард приехал с работы раньше обычного.

— Все, — сказал он мне с досадой. — По станции я больше не дежурю.

— Почему?

— Дежурным назначили немца. Они берут управление станцией в свои руки. Наверное, потому, что фронт приближается.

— Жаль. Но ведь остаются, наверное, стрелочники, путевые рабочие, сторожа? Сходи завтра, посмотри — кого из них можно привлечь к нашему делу.

— Ладно, — поразмыслив, согласился он. Но на следующий день патрули даже не пустили его на станцию. А вскоре, выйдя ранним утром во двор, я увидел, что Пыпор уже запряг лошадь и грузит на телегу барахло. Наложил он столько, что для самого не оставалось места.

— Кто вас гонит? — удивленно спросил я. — Так уж и надо вам уезжать из своего дома?

— Пока не поздно, — сказал он, переводя дыхание. — Красные наступают.

Хорошо, что в этот миг он не смотрел мне в глаза.

— Я полицейский, — невесело продолжал он. — Они меня в Сибирь загонят. К бурым медведям.

Он взглянул на меня с грустной усмешкой и снова стал грузить вещи. А я пошел по своим делам. Наши ещё не пришли, и работа моя не кончилась.

Дорога на Даугавпилс была окутана пылью. Бесперывным потоком с воем и лязгом по ней текла река машин, танков, самоходок, повозок, шагали понурые солдаты...

Ночью нас разбудил сильный взрыв. Не успели мы с Верой вскочить с коек, как снова грохнуло. Наверное, фашисты взрывали мосты.

Мы вышли во двор. Было тихо, безветренно, и эта тишина почему-то усиливала чувство тревоги. Вдалеке на дороге застрочили автоматы, смолкли, снова заговорили и стихли опять.

— Наверное, наши на подходе, — тихо сказала Вера.

А утром, когда ещё не успела сойти роса, к нам прибежала Вера Адамовна:

— Наши! На дороге! Идут потоком.

Я поспешил на дорогу, чтобы увидеть все своими глазами.

Не успел выскочить на большак, как меня подхватил под руку какой-то советский капитан. Он потянул меня вперед, на ходу уговаривая сразу же идти с ними бить гитлеровцев.

Гитлеровцев бить надо, в этом я был с ним согласен. Однако у меня не было права ни идти с ними, ни объяснять, что я выполняю тут свои, особые задачи.

На следующий день наши выбили оккупантов с оборонительного рубежа, а двадцать седьмого июля штурмом взяли Даугавпилс.

Через пару дней я приехал в город навестить отца. Мосты были взорваны, центр города разрушен. Но дом отца уцелел, хотя стены его были испещрены следами пуль. Особенно пострадала крыша. Калитка оказалась запертой, во дворе — ни души. Но едва я перекинул ногу через забор, как откуда-то выскочил вооруженный колом отец:

— Ага, бандит, опять воровать пришел!

Я едва успел отскочить от ограды:

— Папа, это же я — Юзик!

Но он продолжал бушевать. И едва лишь моя голова появилась над забором, замахнулся колом.

— Это я! — крикнул я.

Кол застыл в воздухе, потом медленно опустился. Так мы встретились после трёх лет разлуки.

— Ай! Ай! — повторял отец, качая головой. — Тебе просто повезло, что ты уцелел. А мы каждый день ожидали, что нас поведут на расстрел из-за сыновей-коммунистов. И совсем страшно стало, когда Александр рассказал, что ты прилетел на самолёте и скрываешься по кустам. Всё, думаю, конец тебе, да и нам заодно.

На следующий день Вера связалась со штабом фронта, и мы получили радиogramму с вызовом в свою часть.

С корзинками в руках мы вышли на дорогу. Остановили грузовик, в кузове которого сидел лейтенант с тремя солдатами. Он сразу же завязал разговор с Верой:

— И откуда же вы?

— Из Идрицы.

— Неужели? И я тоже, — обрадовался лейтенант. — Где вы там жили?

— Вряд ли вы знаете, — улыбнулась Вера. — Город большой...

— Идрица? Да это просто деревня! — воскликнул лейтенант.

Не хватало нам попасть ещё в одну проверку документов! Мы ведь не можем открываться не только чужим, но и своим. И я вмешался в разговор:

— Это родилась она в Идрице. А жила всю жизнь в Торопце, со мной на одной улице. Откуда ей знать, какой город Идрица?

В свою часть мы прибыли через день. Расцеловав нас, майор похвалил за успешное выполнение боевого задания.

Ещё через несколько дней на освобожденной территории собрались вместе все уцелевшие разведчики.

Те из нас, кто выполнил задание успешно, готовились к новым. Остальных направили в запасной полк.

ВПЕРЕДИ НАСТУПАЮЩИХ ВОЙСК

— Разведчики должны идти впереди наступающих войск, — негромко сказал подполковник.

— Все понятно, — кратко ответил я.

И на самом деле, всё было понятно. Вот уже больше трёх недель отдыхали мы в тылу наших войск. А война продолжалась, и на фронте гибли люди. Война не может идти без участия разведки. И подполковник сегодня пришел к нам, конечно, не случайно.

— Вам поручается установить круглосуточное наблюдение за железной дорогой Рига — Крустпилс.

— Ну, это задание попроще первого, — заметила Вера.

— С первого взгляда — проговорил подполковник, — Но обстановка сейчас не та. Это в июне вы могли спокойно разгуливать по их тылам и показывать свою «липу» малограмотным полицаям. Сейчас вся местность там плотно насыщена войсками. На убежище рассчитывать не приходится. Жить придется, скорее всего, в лесу.

— Может быть, удастся найти хутор около самой железной дороги? — подумала Вера вслух.

— Разве что вы родились в рубашке. Скажите, Иосиф, у вас есть в тех местах родные или знакомые, что жили бы возле железной дороги?

— Никого, товарищ подполковник.

— Жаль. Но сведения нам нужны срочно. Так что надеемся — с этим заданием вы справитесь не хуже, чем с предыдущим.

— Я готов. Но вести круглосуточное наблюдение вдвоём нам будет трудновато.

— Дадим вам двух радистов и помощника. А что касается Веры, ей идти с вами на этот раз не придётся. Без стрельбы там не обойтись, а это не для неё.

— Товарищ подполковник! — возмущенно вскочила Вера. — Я обучалась работе в тылу врага. Почему же...

— Будет необходимость — пойдёте и вы, — примирительно улыбнулся подполковник. — А сейчас нам надо поговорить с Иосифом.

Вера порывисто выбежала из комнаты. Майор, пришедший вместе с подполковником, развернул на столе карту. Перебрав несколько вариантов, я предложил выбросить нас на болоте севернее озера Лобес. Оттуда мы могли за одну ночь добраться до железной дороги на участке Юмправа—Скривери. Это всего каких-нибудь двадцать километров.

— Что ж, — согласился майор, — озеро — хороший ориентир для лётчика. А вот и ваш новый документ.

И майор положил передо мной довоенный латвийский паспорт. Я с любопытством раскрыл его. Кто я отныне?

«Вайвод Янис, 1912 года рождения, из Каунатской волости Резекненского уезда, 22 февраля 1944 года прошел воинскую комиссию и освобождён от мобилизации впредь до особого распоряжения».

Документ мне в общем понравился. Моя фотография была наклеена аккуратно, печать тоже наложена хорошо, и даже подписи — на фотокарточке и на паспортном бланке — походили одна на другую. Вот только отпечатки пальцев на паспорте принадлежали не мне, а тому неведомому Вайводу.

Подполковник усмехнулся:

— Это — для полицаев на дороге. А единственный надёжный документ в тех местах сейчас — автомат. С ним вы пройдёте куда угодно — если действовать разумно.

Я сунул паспорт во внутренний карман.

— А где остальные члены группы? — спросил я затем. — Хорошо бы хоть несколько дней пожить вместе, познакомиться, подружиться...

Он вздохнул:

— Для этого уже нет времени. Данные нужны срочно. Ребята придут сегодня вечером, а ночью — вылет.

— Я готов, — снова сказал я единственное, что только и можно было сказать.

Мы распрощались. Едва офицеры скрылись за дверью, как в комнату вбежала Вера. С первого взгляда я понял, что настроена она не самым дружелюбным образом.

— Почему ты не настоял, чтобы меня отправили с тобой? Это ведь от тебя зависело!

Я обнял её за плечи.

— Ну, подумай сама. — подвел её, упиравшуюся, к окну. — Погляди только. Осень, дождь, сыро, холодно. Наверняка придется постоянно менять укрытие. Слышала, что сказал подполковник: там полно войск. Думаю, что не раз придется стрелять. Тут нужна группа сильных, выносливых мужиков с автоматами, а не мирная семья, какую мы с тобой изображали. Неужели ты думаешь, что кто-то хотел тебя обидеть? Но все мы — люди военные, и должны поступать так, как нужно для пользы дела.

Резко повернувшись, она сбросила мои руки и отступила на шаг.

— Ты прав, все мы — военные. И я готова выполнять свою работу в любых условиях. Не хочешь, чтобы я шла с тобой, — не надо! Буду просить, чтобы меня забросили в тыл с кем-нибудь другим!

И она вышла, громко хлопнув дверью. Я глядел ей вслед. Нет, всё-таки правы были мы, а не она. В прошлый раз я старался беречь её, насколько это было возможно. А сейчас, я чувствовал, таких возможностей окажется куда меньше. Если бы на войне можно было жить, как хочется, — куда легче было бы воевать.

Правда, Вера, кажется, и сама все поняла. Во всяком случае, вечером, когда приехали три парня, уже снаряженные для операции, Вера выглядела вполне спокойной.

— Товарищ подполковник, — сказала она. — Давайте поужинаем вместе, отметим создание новой группы «Коршун»!

Подполковник улыбнулся:

— По этому случаю я кое-что привез, — и он передал Вере вещмешок, в котором глухо звякнули консервные банки.

Вскоре мы расселись за столом, наполнили рюмки. Подполковник встал:

— Вы идёте на опасное дело. Будете ходить по краю пропасти. Не стану скрывать: можете и сложить головы. Но каждое ваше сообщение будет приближать разгром врага. И благодаря вам будут спасены жизни сотен и тысяч наших солдат. Помните об этом. Ну, за успех!

Мы стали знакомиться.

— Володя, — спросил я сидевшего рядом кареглазого, светловолосого паренька, глянув на нашивку на его груди, — вы где получили ранение?

— Когда переходил фронт. Чепуха, осколком чиркнуло по пятке.

— Далеко?

— В Калининской области.

— А «За отвагу» за что получили?

Он улыбнулся:

— На ней ведь написано: за отвагу.

— А если точнее?

— Там, в Калининской области, я был радистом группы. Ну, и...

— Понятно, — сказал я. — Значит, в тыл идёте во второй раз?

— Нет, в третий.

— Вот как! А во второй?

— В Латвии, возле озера Резнас. — Он слегка нахмурился. — Но на этот раз с результатами нам не повезло. Так что группу расформировали, и меня, вот, к вам...

— Я рад, что ко мне, — сказал я. — А Вы Миша впервые?

Голубоглазый блондин покачал головой:

— Во второй раз. Раньше был радистом партизан.

— А вы, Ваня?

Третий чуть привстал:

— Был полковым разведчиком в латышской дивизии.

— Случалось лично брать «языка»?

— Однажды.

— Вы из Латгалии? — спросить об этом заставил меня его легкий акцент.

— Из Резекненского уезда. Сам я русский, а родной язык латышский.

— А у меня наоборот: латыш, а язык русский. Ребята, документы у вас есть?

Они переглянулись.

— Вот стоят, кивнул Володя в угол.

Там, прислоненные к стене, стояли три новеньких автомата.

— Ну, выпьем ещё по одной — за славу нашего оружия! — предложил майор.

— По второй и последней, — добавил Миша. — Не то в самолёт не влезем.

Напоминаний о том, что ждёт нас через несколько часов, заставило всех замолчать.

Вскоре мы уже спали, улегшись на полу.

А в полночь послышался шум мотора — за нами пришла машина.

— ...Приготовиться к прыжку!

Я встал и, минуя сложенные на полу просторной кабины пачки листовок, наверное, лётчики должны были разбросать их после того, как мы оставим самолёт, встал возле закрытого ещё люка. Мне, командиру разведгруппы, полагалось прыгать первым. За мной встал Володя, затем Миша и последним — Ваня. Несколько мгновений — и люк открылся. Тугая струя воздуха ударила в лицо. Сопровождавший нас капитан скомандовал, я шагнул вперед и полетел вниз. Рокот моторов «Дугласа», на котором мы летели на этот раз, стал быстро отдаляться.

Секунда, другая — и сработал автомат, раскрывающий парашют. Меня основательно потрянуло, купол, хлопнув, раскрылся, и я повис в воздухе. Внизу виднелось отсвечивавшее грушевидное пятно — озеро Лобес. Две серебристые линии, тянувшиеся от него, исчезали в тёмном массиве леса.

Я смотрел на восток, куда удалялся самолёт. Там было пусто. Обожгла тревога: а остальные? Что случилось? Куда я один — без товарищей, без рации? Но вот под самолётом появились белые точки, и я, облегченно вздохнув, снова перевел взгляд на землю. С высоты всё было прекрасно видно. Вот подо мной село Стапраны. В одном доме тускло светятся окна. Плохой признак: бодрствовать сейчас могут главным образом немцы, и если они там, и кто-то из них стоит в карауле, то наверняка слышал звук моторов, а может быть, и видит меня под белым куполом. Может быть, уже взял меня на мушку... Я стал с силой подтягивать стропы с одной стороны, чтобы парашют заскользил подальше от деревни, ближе к лесу. Помог мне и ветер. Над самым лесом мне показалось, что падение ускоряется. Последние метры пролетел мгновенно. Удар... Но не о землю. Что-то вскинулось подо мною. Раздалось дикое ржание. Я упал прямо на лошадь, которая паслась на полянке. Обезумевшее от страха животное судорожно взбрыкнуло и стремглав кинулось в сторону. Через мгновение лошадь скрылась в темноте.

Этого ещё только не хватало! Чего доброго, гитлеровцы прибегут и схватят меня, пока я ещё не успел освободиться от подвесной системы!

Я с усилием отстегнул широкие лямки. Движения сразу стали свободнее. Собрав парашют и туго перетянув сложенный купол стропами,

я взвалил его на спину и понёс прятать. Подходящее место нашлось не сразу. В сосновом лесу спрятать такую вещь нелегко. За поляной я увидел кусты. По дороге к ним попал на картофельное поле, идти сразу стало труднее — ботва путалась в ногах. Зато за полем оказалась глубокая

канава, местами поросшая ольшаником. Там я и спрятал парашют, накрыв его прогнившими ветками.

Где-то, не очень далеко, лаяли собаки. Может быть, это преследователи? Приземлился я, откровенно говоря, не в самом безопасном месте. Рядом — огород, недалеко — деревня, а ведь я рассчитывал оказаться на болотистом участке, где трудно было бы ночью наткнуться на чужих.

Что ж, так или иначе — дело сделано. Я не стал терять времени и быстро зашагал на восток — туда, где должны были находиться остальные члены моей группы.

Идти было легко. Высокие старые сосны и мохнатые ели стояли далеко друг от друга, местами между ними поднимался молодой сосняк. Я часто останавливался, прислушиваясь. Мне казалось, что я иду уже очень долго, но не было ни одного подающего надежду звука. Только звенело в ушах. Неужели я так и не встречу никого из ребят?

Вдруг послышался шорох. Я застыл. Кто-то пробирался через лес. Я выхватил кинжал, но не для защиты; его рукояткой я трижды стукнул по прикладу автомата. Это был условный знак. Прошло несколько секунд ~ и в ответ прозвучал такой же тройной стук. Это были Ваня и Миша.

— А Володя?

— Мы его искали, сигналили. Он не отозвался.

Я раздумывал недолго.

— Будем искать ещё. Не оставлять же его одного — места тут опасные.

— Не пропадет, — заметил Ваня. — Рация у него есть, свяжется с разведотделом, даст свои координаты, и его выведут на нас. Надо поскорее уходить. Слышите, собаки?

— Это дворняги перекличку устроили, — отмахнулся Миша.

— Без повода, конечно, и дворняга не лает, — сказал я, — и уходить действительно надо. Но сперва все же поищем Володю.

Из Леса мы вышли на небольшую поляну.

— Вот здесь мы приземлились, — негромко сказал Ваня. — И бутылка разбилась. — Он поднял с земли отбитое доньшко.

— Плохая примета.

— Не тужи, — отозвался Миша. — Понадобится - достанем у фрицев.

Мы повернулись назад и снова вошли в лес. Ваня ударил суком по стволу дерева. Мы прислушались. Ответного сигнала не было. Мы шли обратно в том направлении, в каком летел самолёт. Сигналили, но безрезультатно.

— Времени прошло много, — сказал Ваня. — Он нас не ждёт. Наверное, пошёл нам навстречу. В такую темень возьмёшь несколько десятков метров в сторону — и разминёшься.

Время, действительно, бежало. И надо было уходить. Я ещё раз прикинул маршрут. Сначала на запад до шоссе Скriverи—Мадлиена, затем повернуть на юго-запад и лесом добраться до железной дороги. Километра через два лес кончился, начались луга. Затем путь нам преградила медленная речка. Над ней тонким слоем, не больше метра, висел туман. Глубина речки достигала полутора метров, пришлось раздеться, прежде чем переходить её вброд.

— Выкупаться бы как следует, да погода не та, — сказал Ваня, одеваясь.

Дальше путь завёл нас в болото. Ноги с каждым шагом всё глубже погружались в топь. Край болота виднелся совсем близко, шагах в пятидесяти, но перед ним лежала полоса чистой, а значит, глубокой воды. Мы остановились в нерешительности. Огляделись. Луна то и дело выскакивала из-за быстро летевших облаков, освещая и нас, и всё вокруг. Шагах в ста в стороне начиналась заросль камыша, где что-то шевелилось. Вполголоса посоветовавшись, мы решили идти назад и искать другую дорогу. Едва мы тронулись, тишина вдруг взорвалась. Тысячи ночевавших в камыше птиц, захлопав крыльями, разом поднялись в воздух и закружились в бешеной карусели. Оглушительный шум наполнил тишину. Черная туча, треща и галдя, пронеслась над нашими головами. Вот уж нехстати! Если нас ищут, птицы могли указать наше местонахождение. Надо было и отсюда уходить побыстрее.

Мы возвратились к месту, где переходили речку, и, чтобы обогнуть болото, повернули на север. Вскоре снова начался лес. Он был устлан пушистым мхом. Мох покрывал полусгнившие деревья, даже старые пни нарядились в пушистые моховые шапки. Мы сделали минутный привал. При лунном свете лес казался прекрасным и таинственным.

Отдохнув немного, пошли дальше. Вышли на пересекавшую лес дорогу, уходившую на запад. По правилам, мы должны были идти лесом, а не по дороге, где нас могли заметить. Но нам обязательно надо было до рассвета достичь железной дороги, а времени оставалось не так уж и много. Мы решили рискнуть. Шли осторожно. Местами я выдвигался шагов на пятьдесят вперед, ведь возле дороги в лесу могли располагаться воинские части. В одном месте мне показалось, что у куста затаился человек с автоматом. Я насторожился и, продолжая идти, не сводил с него глаз. Вблизи оказалось, что это была просто тень.

Такое повторялось ещё не раз.

Через некоторое время дорога повернула на север. Где мы? При лунном свете все краски на карте сливались, разобрать что-либо было невозможно. Пришлось сойти с дороги, накрыться плащ-палаткой и зажечь фонарик. Миша с Ваней следили, чтобы не пробивался свет.

На дорогу мы вернулись не сразу. Некоторое время шли лесом, вырубкой. Валявшиеся бревна затрудняли путь. Пришлось снова выходить на тракт. Дорога пролегла теперь по открытой возвышенности. По сторонам виднелись хутора. В домах было темно; видимо, люди спали. Один дом стоял совсем рядом с дорогой. Когда мы поравнялись с ним, залаяла собака. Лай подхватили псы во всей округе, и мы ускорили шаг, опасаясь погони.

Вот наконец и шоссе. Когда мы прошли по нему с полкилометра, позади что-то засветилось. Машина. А вокруг только поле и никакого укрытия. Мы сошли с шоссе, отбежали шагов на пятьдесят и залегли, выставив автоматы.

— Стреляю первым, если понадобится, — предупредил я.

Стрелять не пришлось, так как машина промчалась, не сбавляя скорости. Поднявшись, я сказал:

— По шоссе больше не пойдем. Пройдем мимо деревни и выйдем к лесу.

Остановились мы в кустарнике на опушке. Наиболее опасный участок пути был позади. Дальше, до самой железной дороги, должен был тянуться лес. Мы уже чувствовали усталость. Да и действительно, событий случилось немало. Полет, прыжок, поиски товарища, дорога...

Мы поели бутербродов, приготовленных Верой перед вылетом. Потом я лег на спину и стал смотреть в небо. С высоты сорвалась звезда. Чиркнула и погасла. Другая... Не хотелось думать о том, что идет война, гремят выстрелы, гибнут люди. Хотелось лежать, смотреть на падающие звездочки, загадывать желания. Но война шла. А мы пока едва преодолели половину пути. Мы встали и зашагали дальше. Оставили позади ещё километров пять, когда невдалеке хлопнул выстрел. Мы одновременно упали на землю. В небо взвилась ракета. Холодный зеленоватый свет озарил лес. Ракета

на мгновение замерла в высоте и заскользила вниз. На смену ей взвилась вторая. Третья. Казалось, им не будет конца.

— Ребята, — шепнул Ваня, — здесь какая-то часть. Как только ракета станет гаснуть — давайте отсюда, короткими перебежками. Так мы и сделали.

Идти становилось все тяжелее. Не потому, что хуже делалась местность, — одолевала усталость. Подгибались колени. Приходилось бороться со сном.

Но цель была уже недалеко. Прогудел паровоз. Стук колес словно придавал нам силы. Вот и насыпь. Ваня шёл впереди. Вот он остановился, долго прислушивался. Близость дороги требовала особой осторожности. Ваня присел. Мы в отдалении последовали его примеру. По полотну кто-то шёл — вернее всего, обходчик. Несколько минут мы просидели, не шевелясь. Наконец шаги его затихли.

Время приближалось к рассвету. Мы снова углубились в лес и, пройдя с полкилометра, решили расположиться на отдых. Редкий лес не обещал надежного укрытия. Пришлось забраться в заросли папоротника. Улеглись прямо на землю. Спать договорились по очереди.

ЛИЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Худо ли, хорошо ли мы отдохнули, но шли-то сюда не отдыхать. Пора было начинать работу.

Прежде всего Миша, забросив антенну на сосну, передал в Центр: «Вышли к железной дороге Юмправа—Скривери. Орлика после приземления не нашли».

Орлик — это был псевдоним Володи Пронина.

По железной дороге то и дело проходили поезда. Но, что они везут, мы, разумеется, отсюда разглядеть не могли.

— Дай-ка я залезу на дерево, — предложил Ваня. — Попробую наблюдать оттуда.

— Нет, — отверг я его предложение. — На дереве тебя могут увидеть, а тогда в самом лучшем случае от дороги придется уходить. Дождемся темноты, обследуем местность и попытаемся найти местечко поудобнее. Чтобы мы дорогу видели, а нас с ней — нет.

Днём пришлось бездействовать. Но это не означает, что всё было спокойно. После полудня в лесу, недалеко от нас, прозвучали два выстрела. Мы тревожно переглянулись.

— Фрицы развлекаются, — шепнул Ваня. — Надо быть наготове. Может быть, придется вести бой.

Мы быстро изготовились к стрельбе. Но я предупредил:

— Лежим тихо. Если они нас заметят, открываем огонь первыми. Чтобы уничтожить.

Ждать пришлось несколько минут. Затем послышались голоса. Я чуть приподнял голову, прикрытую листьями папоротника. Шагах в пятидесяти шли четыре фашиста с винтовками. Двое из них тащили за ноги лесную козочку. Голова её волочилась по земле.

— Фрицы косулю подстрелили, — почти беззвучно проговорил я, чтобы ввести своих в курс дела.

Пришлось, соблюдая осторожность, пролежать на земле до сумерек.

Лишь когда стемнело, мы собрали свой нехитрый багаж и тронулись к железной дороге, чтобы разведать местность.

Чем ближе к полотну, тем лес становился реже.

— Да, здесь не понаблюдаешь, — разочарованно протянул Миша. — Придется искать другой участок.

— Идти вдоль насыпи опасно, — сказали Ваня. — Можем наскочить на засаду. Путь наверняка охраняется.

— Сделаем крюк лесом, выйдем к полотну в другом месте.

Так мы и поступили. Но и на новом месте не нашли ничего подходящего. Редкий лес везде хорошо просматривался с железной дороги.

Один раз нас угораздило выйти к самому переезду, около которого стоял белый двухэтажный дом.

— Наверное, тут размещается охрана, — шепнул Миша.

— Может быть, — согласился я. — И все же пройдем через переезд, может быть, что-нибудь найдем по ту сторону.

— А если у дома собака? Поднимет лай...

— Если даже и залает, вряд ли кто-то сразу выскочит и начнет палить. Время ночное, все спят. Пока они глаза протрут...

Мы миновали переезд — все было тихо — и свернули с дороги налево. И, к великой своей радости, увидели именно то, что нам было нужно. Вдоль полотна в этом месте рядом росли ёлочки. Посажены они были для защиты пути от снега. А перед ёлочками виднелись неглубокие впадинки. Вернее всего, то были остатки окопов, вырытых здесь не в эту, а ещё в первую мировую войну.

Мы выбрали самое просторное углубление, расчистили его от сухих веток и расположились совсем по-домашнему.

— Кто-то идет по шпалам, — вслушавшись, шепнул вдруг Миша.

Ваня прополз вперед и выглянул между ёлочками.

— Сторож. И с ним собака.

Мы встревоженно переглянулись.

Через час сторож прошёл назад. Собака бежала рядом с ним. Мы замерли, удерживая даже дыхание. Сторож проходил ещё несколько раз...

Но вот послышался новый звук. Мы наострили уши. Звук приближался. Спутать его с чем-нибудь другим было трудно. Со стороны Риги шел поезд.

— Ну, ребята, глядеть в оба, — предупредил я.

Длинный эшелон на большой скорости грохотал мимо нас. А мы, протиснувшись между ёлочками, считали, считали, считали...

— Ну, выкладывайте, у кого сколько, — шепнул я, приготовившись записывать, сразу же, как только эшелон прошёл.

В тот первый раз мы считали каждый по отдельности, и каждый — всё подряд. Когда мы сопоставили свои подсчеты, оказалось, что в танках и тяжелых орудиях наш счёт совпал, но количество миномётов, легких орудий и повозок у каждого получилось другим. Тогда мы решили разделить обязанности: я и Ваня считаем то, что перевозится на платформах, а Миша — крытые вагоны и общее число платформ.

Такое разделение труда оказалось полезным. В конце дня я составлял сводку для передачи в эфир. Что касается боевой техники, за сведения мы ручались, а количество солдат должен был подсчитывать штаб фронта, исходя из числа крытых вагонов. Время шло, и мы постепенно привыкали к нашей новой работе. Нам посчастливилось найти действительно удачное место.

Однако, как говорится, полного счастья не бывает. Насколько хорош был сам пост, настолько плохи подступы к нему. Это мы поняли в первый же день, познакомившись с окружающей местностью. Ёлочки и впадина, в которой мы разместились, находились на насыпи, поросшей травой, метра на три-четыре возвышавшейся над железнодорожным полотном. Между железной дорогой и лесом лежала поляна шириной метров в сто. Дальше, со стороны станции Скривери раскинулось поросшее бурьяном поле. Со стороны Риги находился тот самый переезд с домом сторожа. От переезда вдоль железной дороги, мимо наших кустов, шёл проселок, но, кроме него, была ещё и протоптанная пешеходами тропинка — она пересекала кусты и проходила в пяти шагах от нашего поста.

Учитывая всё это, выходить из укрытия или возвращаться к нему мы решили только в ночное время. Иного выхода не было. Я поручил Ване сделать из ветвей и листьев веники, чтобы прикрывать лица во время наблюдения. Некоторые эшелоны проходили по нашему участку медленно, и из вагонов нас могли заметить.

Больше всего споров было по поводу радиопередач: вести их прямо отсюда или уходить для этого в лес?

— Отсюда передавать, конечно, удобнее, зато опасно, — доказывал Ваня. — Достаточно один раз выйти в эфир и через час можно ждать облаву. А ведь связь нужна будет ежедневно. Так что придется постоянно рисковать. Передавать из лесу куда надежнее. Будем переносить рацию с места на место, так что службе пеленгации придётся повертеться.

— Так-то так, — сказал Миша, — но тогда мы сможем передавать лишь сведения за минувший день: выбраться отсюда можно только ночью. А если вдруг понадобится срочная передача?

Несмотря на риск, мы решили вести передачи все же прямо с наблюдательного пункта. Так было быстрее. Кроме того, никто не мог гарантировать, что в лесу мы не наткнемся на фрицев (или они — на нас), которых вокруг действительно было немало. К самому же полотну они не подходили — делать им здесь было нечего.

Выработалась такая практика: если на фронт проходил эшелон с большим количеством танков или артиллерии, мы радиовали немедленно, чтобы наша авиация могла застать и разбомбить его ещё в пути или на одной из ближайших станций. Если же танков в эшелоне было два-три, то эти сведения входили в сводную радиogramму за весь день. Дела постепенно налаживались. Но не во всем так хорошо, как хотелось бы.

Разведчик, в каких бы он ни работал условиях, остается человеком с присущими ему человеческими слабостями. А это, прежде всего, означает, что ему, как и прочим смертным, время от времени хочется пить и даже есть.

Но главное — пить. Это мы почувствовали в первый же день. Еда — консервы — у нас ещё была. Но после консервов жажда мучит особенно сильно. И главной задачей для нас стало — разыскать питьевую воду.

Судя по карте, недалеко должно было находиться болото. Мы молча решили, что болотную воду можно считать питьевой. Однако и до этого источника всё же было около двух километров. Мы решили, что это далекоовато. Вода была и ближе — на хуторе, располагавшемся за запаханым полем, имелся колодец; но там жили солдаты, да ещё и собака, которая — характер у нее, что ли,

был такой — непрерывно лаяла, даже когда для этого не было ни малейшей причины. Этим трудности не исчерпывались. Из болота ли, или из колодца, но воду надо было в чем-то принести. За пазухой её не унесёшь. Ведро у нас не было, даже резинового, какие делают из старых камер шоферы. В заботах о батареях и патронах такая мелочь, наверное, никому не пришла в голову. Значит, ведро надо было достать. Достать — в данном случае лишь деликатная замена слова «украсть». Но где? На ближайшем хуторе — неразумно, идти за ведром десяток километров тоже не очень-то хотелось. И мы сшили ведро из куска плащ-палатки. Оно получилось похожим на мешок с ручкой.

Когда стемнело, мы с Ваней вышли из ёлочек, пересекли грунтовую дорогу и пошли по поляне собираясь в первую очередь обследовать местность между лесом и хутором, на котором жили солдаты. По предложению Миши, там могла оказаться канава, наполнявшаяся водой из болота.

Темнота стояла — хоть глаз выколи. По небу, едва не цепляясь за вершины сосен,плыли серые тучи. Дул ветер, сеял мелкий осенний дождик. В десяти шагах уже нельзя было рассмотреть ничего. Поэтому, как осторожно мы ни пробирались, Ваня всё же зацепился за веревку, которой была привязана лошадь, и упал. Я, в свою очередь, наскочил на ограждение из колючей проволоки. Потом мы запутались в каком-то тростнике. Зато за ним обнаружили не то что канаву, но целый пруд, хотя и покрытый зеленой ряской.

Прильнув к воде, мы напились до отвала, наполнили ведро и бодро двинулись в обратный путь. Нас не смущало, что, когда мы пили, на зубах что-то хрустело, и в ведре было полно каких-то жучков и червячков. Вода, несмотря на это, оставалась водой, а призраки желудочных заболеваний нас тогда почему-то вовсе не пугали.

К утру в ведре по-прежнему копошились насекомые, а вот воды не осталось: самодельное ведро её пропускало. Однако я не отчаивался. Против этого было средство: куском сала я натер ведро изнутри, и оно стало водонепроницаемым.

На следующую ночь за водой пошли Ваня с Мишей. Ночь была светлее прошлой, и им удалось подойти к пруду с другой стороны, где не было ни тростника, ни грязи.

Одного ведра нам едва хватало на питье, так что умывались мы не всегда. Мыться же в пруду мы не решались, потому что солдаты находились слишком близко, и рисковать своим прекрасным наблюдательным пунктом нам не хотелось.

Само собой разумеется, нечего было и думать о том, чтобы развести в нашем убежище костер: как ни прикрывай пламя, он нас обязательно выдал бы. Поэтому жили мы всухомятку, и на кружку чая могли рассчитывать только при каких-то совершенно необычайных и нереальных обстоятельствах. И все-таки мы жили и делали свое дело.

Жизнь приобретала какой-то определенный распорядок. Например, на ночь мы установили такой режим: двое спят — один бодрствует и следит, чтобы спящие не храпели и не разговаривали во сне. У Вани была такая слабость — храпеть; нередко он получал за это дружеского тумака, а проснувшись, рассказывал, что во сне его избивали гитлеровцы.

Однако смех смехом, но... Однажды, когда мы проснулись, дежуривший Ваня сообщил новость: — Ночью, пока вы спали, сторож делал очередной обход. Слышу — в кустах что-то шуршит. Схватил автомат, изготовился, стал слушать. Гляжу — из-под елок глядит на меня собака. Злобно глядит, глаза блестят...

— Какой породы? — поинтересовался Миша.

— Да кто её знает, я в них не разбираюсь. Ну, шерсть длинная, хвост бубликом, морда сытая, глаза свирепые, зубы белые, вот такие! Глядит и ворчит, вот-вот залает. Прибежит сторож с винтовкой — без стрельбы не обойтись, и, конечно, отсюда придется сматываться подальше. Я ей — кусок хлеба для знакомства. Она обнюхала — и не берёт. Тут сторож ей свистнул, она повернулась, махнула хвостом и исчезла. Я долго ещё не мог прийти в себя, поверить в наше счастье.

— Она ещё придет, — мрачно предрек Миша.

— Вполне возможно, — согласился я. — Так что каждую ночь, хочешь — не хочешь, надо быть к этому готовым.

— Пса — и того приходится бояться, — вздохнул Ваня. — Ну и жизнь... Сидим под кустом, как зайцы.

— Да, жизнь такая, — подтвердил я, — Но в этой жизни каждый из нас стоит не меньше, чем десяток бойцов на фронте. — Я помолчал. — Будем потом вспоминать эти дни всю жизнь. Может быть, как самые лучшие наши дни...

Возможно, я бы и ещё пофилософствовал. Но уже слышался шум очередного эшелона.

Эшелоны шли и шли, и в штаб фронта регулярно летели сводки. Трудности быта не сказывались на нашей работе, хотя пожаловаться на их недостаток мы не могли. Кончились продукты. Потом простудился Миша. Его душил кашель. Он кусал губы, старался думать о чем угодно, только не о кашле, но ничто не помогало. Чтобы не демаскировать пост, я в свободное от передач время отправлял его поглубже в лес. Пусть себе кашляет на здоровье. Однажды, пробыв там полдня, он вернулся обратно ползком: по кустам немцы шуруют.

Мы притаились. Вскоре показались и те, о ком он говорил. Группа солдат с автоматами наизготовку прошла мимо нас по тропинке, внимательно оглядывая каждый метр пути. Но в сторону снегозащитных насаждений никто из них даже не глянул: разве могла возникнуть мысль, что рядом, под ёлочками, расположились советские разведчики? Немцы ушли, а мы долго ещё сидели, не шевелясь.

Однако фашисты ушли, а проблема пищи осталась. Без еды можно прожить дольше, чем без воды, но не бесконечно. А наша работа могла быть закончена только с приходом Советской Армии.

Ничего не поделаешь: ночью мы с Ваней взяли автоматы, пересекли полотно и направились в лес. Это был ещё не знакомый нам лес, густой и темный. Под деревьями и кустами тьма ещё более сгущалась. Кругом не видно ни зги; чтобы не сбиться с дороги, мы ориентировались, глядя вверх, на просвет между вершинами.

Пройдя несколько шагов, я споткнулся обо что-то мягкое и упал. Вдруг мягкое заверещало, выскочило из-под меня и скрылось в темноте. Ваня засмеялся:

— Что же это ты упустил косога? Надо было его за уши — и в мешок, завтра на любом хуторе обменяли бы.

Достать продукты можно было только на хуторах. Риск или не риск, но мы туда заходили. Почти везде продукты нам давали, но не всегда из добрых чувств: кое-кто — просто из страха, увидев нас, обросших и вооруженных.

Однако того, что мы достали в первую вылазку, хватило лишь на три дня. Пришлось идти снова. На этот раз не обошлось без неожиданностей.

Мы некоторое время наблюдали из кустов за одним из хуторов. И не заметили ничего подозрительного. Солдат, видно, не было, из дома выходили мужчина и женщина. Убедившись в безопасности, мы покинули укрытие, на всякий случай изготовили автоматы, я толкнул дверь, и мы вошли.

В комнате сидели четыре здоровенных мужика. Трое — за круглым столом, им было лет по сорок, один из них носил форму полицейского. Он что-то говорил, размашисто жестикулируя, двое смеялись. Четвертым был паренек лет семнадцати.

Отступить было поздно, и мы решительно шагнули вперед. Сидящие растерялись, умолкли, вытаращили глаза. В этот миг из соседней комнаты вошел ещё один в форме айзсарга, и с ним — две женщины.

Я крикнул по-латышски:

— Мы партизаны! Всем оставаться на местах, не шевелиться!

Услышав латышскую речь, полицейай и айзсарг оцепенели от страха. Ткнув автоматом в сторону соседней комнаты, я скомандовал:

— Ваня, проверь!

Больше в доме никого не оказалось. Я настороженно сжимал автомат, но никто и не пытался сопротивляться.

— Дайте нам продуктов! — приказал я. Видимо, поняв, что страшные партизаны убивать их на сей раз не собираются, полицейай повернулся к женщинам:

— Принесите, что там есть на кухне. Женщины вернулись почти сразу с половиной буханки хлеба. Они принесли также масло, сало, кувшин молока.

Я решил воспользоваться охватившим пленников страхом.

— Если хотите остаться в живых, расскажите, где стоят немецкие части.

Полицейский с айзсаргом затрещали наперебой, как базарные торговки. Я внимательно слушал. Их рассказ представлял для нас немалую ценность.

На подоконнике я заметил небольшое зеркало и, не удержавшись, глянул в него. На меня смотрело чужое бородатое лицо.

Мы собрались уходить. Приободрившийся полицай сказал:

— Заходите через два дня. Жена испечет новый хлеб.

— Придем, — спокойно ответил я, — только не вздумай устроить засаду.

— Будьте спокойны! — громко заявил он. — Я не из тех, кто фрицам в глаза смотрит и хвостом виляет!

Мы действительно заглянули к нему снова, но не через два дня, конечно, а — для безопасности — дней через десять.

На этот раз мы вышли со своего поста в полночь, чтобы оказаться у полицейского наутро. Ночь была ветреной. Лес шумел. Но сквозь этот шум я все же явственно услышал собачий лай. Я замер. Как собака попала в лес? Хуторов поблизости нет. Но собака — не дикий зверь, она всегда с человеком, значит, где-то поблизости должен быть и её хозяин.

— Ты что остановился? — тихо спросил Ваня.

— Опасно. Слышишь лай?

Он прислушался.

— Как она сюда попала ночью? Для охоты вроде бы не время.

Мы пошли другой дорогой, вдоль которой черными призраками стояли деревья. Вверху большие звезды дрожали, словно боялись за нас.

Позже мы узнали от хуторян, что в ту ночь в лесу остановился военный обоз, и мы забрели в его расположение. К счастью, нас почуяла только собачонка какого-то обозника. Иначе мы наткнулись бы на часовых, и неизвестно, чем бы кончилась эта встреча.

Под утро мы все же оказались возле дома знакомого уже полицая. Понаблюдали. Убедившись, что солдат в доме нет, как и в прошлый раз изготовили автоматы и без стука вошли.

Стоявший посреди комнаты полицейский, уже в полной форме, увидев нас, отшатнулся, затем натянуто улыбнулся:

— А, старые знакомые... Ну что же, будьте гостями, садитесь, — он указал на стулья.

— Спасибо за любезность, — ответил я, — Но недосуг. Дайте немного продуктов, чтобы дожить, пока наши придут.

— Какие это ваши?

— А вы что, не слышали, что советские войска прорвали фронт? На Скривери идет латышская дивизия.

Румяное лицо полицая побледнело, он медленно опустился на стул и несколько секунд тупо глядел в пол. Потом вытащил платок, вытер пот со лба. Мы стояли напротив, не опуская автоматов.

— Лида! — позвал он жену. — Принеси ребятам поесть.

Через минуту женщина поставила на стол ржаной хлеб на тарелке, масло в чашке, кувшин молока, две эмалированные кружки.

— Ешьте, ребята, — сказал полицейский.

— Спасибо, — ответил я. — Садись, Ваня. Ваня не заставил себя упрашивать. Он налил молоко в кружку, сел, положив автомат на колени, намазал хлеб толстым слоем масла и стал с аппетитом есть. Я продолжал стоять с направленным на полицая автоматом.

— Откуда у вас такие сведения насчет фронта? — решившись, спросил он.

— У нас в отряде рация.

— Да, то-то они зашевелились в последние дни, — задумчиво протянул он. — Артполк, что был у Мадлиены, вчера ушёл в Ригу.

— Вот видите, — сказал я. — Уже драпают.

Закончив есть, Ваня встал из-за стола и навел автомат на нашего хозяина. Настала моя очередь перекусить. Я всегда любил настоящий ржаной хлеб с маслом и молоком, но на этот раз мне показалось, что такого вкусного я никогда не ел. Когда я заканчивал, полицейский сказал:

— Лида, принеси ребятам на дорогу буханку хлеба и сало.

Наверное, он действительно сообразил, что оккупантам приходит конец.

Из дома Ваня выходил первым, я прикрывал его отход, не отводя автомата от полицаев.

Все вроде бы, сошло благополучно. Но мы отлично понимали, что наша жизнь постоянно висит на волоске. В районе все время происходило передвижение войск, и в любую минуту можно было натолкнуться на солдат.

На обратном пути мы остановились отдохнуть около стога сена. Сидели спокойно, переговариваясь, глядя на бегавшую по соседнему дереву белочку. Захотелось пить; я встал, взял автомат и направился к канаве, что пролегла метрах в сорока.

И вдруг увидел, что по дороге идут пятеро солдат в полном боевом снаряжении. Я замер.

Гитлеровцы шли, опустив головы, глядя на серую, мокрую после дождя дорогу. Если бы хоть один поднял голову, то обязательно увидел бы меня. Без боя не обошлось бы. И кто знает, как бы он кончился.

На этот раз мне повезло. И везло ещё не раз.

День выдался дождливый. Мы, съездившись, сидели в своей ямке, накрывшись плащ-палаткой. Миша стучал ключом, передавая очередную радиogramму. И вдруг сквозь шорох капель мне почудился чей-то приглушенный разговор. Сбросив палатку, я выглянул из-под ёлочек. Выставив «шмайсеры», через поляну прямо на нас двигалась цепь. Немцы прочесывали местность. Минута-другая — и они окажутся перед нами. Я сорвал с Миши наушники:

— Фрицы! Складывай рацию!

Миша, не поняв, недоуменно взглянул на меня.

— Смотри, немцы! — показал я на солдат.

Миша стал укладывать рацию и второпях всё никак не мог засунуть её в сумку.

— Уходим в лес к Даугаве. Если разойдемся — сбор ночью, в условленном месте, — предупредил я.

Место это мы подыскали заранее на случай, если непредвиденные обстоятельства разбросают нас в разные стороны.

Схватив сумку с рацией и автомат, Миша замер:

— Антенна...

— Беги, я сорву! — Миша и Ваня побежали.

Я дернул за антенну. Куст шевельнулся, но антенна не поддавалась — второй конец её был привязан. Немцы были уже у ёлочек. Я бросился вслед за товарищами. Пробежав с километр по лесу, упал под дерево. Сердце готово было выскочить из груди. Немного отдышавшись, встал и быстро зашагал дальше, стремясь как можно скорее оторваться от возможного преследования.

На явку я пошёл под вечер. Путь пролегал через заболоченный сосновый лес. Ноги тонули в толстом слое мха, под которым попадались то кочки, то остатки сгнивших деревьев. Неожиданно хрустнул сухой сучок. Я замер, выставив автомат. Шорох приближался. Меж деревьев показалась дикая козочка. Я облегченно опустил оружие, коза шархнула в сторону и скрылась в кустах.

Быстро темнело, но я уже достиг условленного места. Товарищей там не было. Я ждал, прислушиваясь к каждому звуку. Для разведчика хороший слух не менее важен, чем зрение, а порой и более необходим; вот и сейчас я услышал, что где-то неподалеку опять прошел кто-то, ломая сухие ветки. Наверное, снова коза. А ещё некоторое время спустя явственно послышались шаги и уже можно было различить приглушенный шепот.

— Ваня, Миша! — тут тихо позвал я. — Я здесь!

— Иосиф, ты антенну снял?

— Нет. Не удалось сорвать. Не хватило времени.

— Как же быть? Без антенны — ни принять, ни передать.

— Ну, медную проволоку уж как-нибудь раздобудем, — решил Ваня.

— Придется сходить на разведку, — решил я. — Фрицы могли антенну и не заметить, она ведь защитного цвета. Может, и сейчас висит там.

Перекусив, я двинулся в путь. Опушкой леса дошел до грунтовой, уже знакомой нам дороги, что вела к переезду. Что предпринять теперь? Можно затаиться в бурьяне на заброшенном поле и понаблюдать оттуда. А можно идти прямо к ёлочкам и забраться в самый

крайний окоп, шагах в пятидесяти от нашего наблюдательного пункта. Первый вариант, конечно, безопаснее. Но хорошего укрытия в бурьяне нет, да и обзор оттуда тоже не очень хороший. Так что придется снова идти на риск. Когда до ёлочек оставалось шагов сорок, я замедлил шаг и пошел так тихо, что не слышал сам себя. Автомат я держал наготове. Осталось десять шагов. А что, если именно здесь, с краю, они и засели? Палец на спусковом крючке напрягся. Шаг, другой, третий... По-прежнему стояла тишина, но в любой момент её могли расколоть выстрелы. Вот и ёлочки. Я присел, стараясь слиться с ними. Под ногой хрустнула ветка. Я замер, ожидая последствий. Прошла минута, другая — ничего не произошло. Только по полотну медленно, как всегда, протопал сторож. Уже начало светать, но в зарослях ёлочек ещё держалась тьма, и разглядеть что-либо было невозможно. Приходилось снова положиться на слух.

Стало уже совсем светло, когда со стороны нашего укрытия послышался разговор. Говорили по-немецки. Смена засады? Словно подтверждая мою догадку, по тропинке застучали сапоги. Я боялся высунуть голову, хотя имело смысл увидеть — кто идет и сколько их. Солдаты прошли метрах в пяти от меня, и снова все стихло.

Время текло медленно. Наступил полдень. Хотелось есть, но нечего было. По рельсам по-прежнему громыхали эшелоны. Вокруг было спокойно. - Мне надоело сидеть без движения, хотелось вылезти и — будь что будет — двинуться на наш наблюдательный пункт. Но тут же рассердился сам на себя: что же я за разведчик, если и дня не могу просидеть, затаившись? И, справившись с нетерпением, пробыл в своем укрытии до темноты.

За весь день ничего не произошло. Никто не приходил, не уходил. А если здесь была организована засада, то посты должны были бы

смениться хотя бы к вечеру. Но этого не случилось. Не было и никаких признаков присутствия людей. Я стал склоняться к мысли, что встревожившие меня утром фрицы просто случайно проходили по тропинке.

Наконец, выждав для верности ещё немного, я направился к нашему убежищу. Шёл очень медленно, осторожно. Ночь стояла темная, и в зарослях нельзя было ничего увидеть уже в двух шагах. Вот приметное дерево, теперь только подняться на бугор — и я «дома». Постоял с минуту, прислушиваясь. Всё спокойно. А что с антенной? Я пошарил — и нащупал её. На месте. Значит, не заметили. И засады нет.

Теперь предстояло решить, как поступить с наблюдательным постом. Риск продолжать разведку отсюда теперь намного увеличился. Но где найдёшь другое такое место? Я решил, что отныне дежурить здесь будем по одному, чтобы не подвергать опасности всю группу сразу. Я и Ваня будем сменять друг друга, а радиста Мишу оставим в лесу, и связь станем поддерживать оттуда.

С такими планами я вернулся к товарищам. Распорядок наших действий стал теперь другим: я вёл наблюдение, Ваня был связным, а Миша из леса передавал радиogramмы. Так мы работали два дня. На третью ночь оба явились и сообщили, что сидеть в лесу больше не желают.

— Если погибать, — убежденно сказал Миша, — то всем вместе.

Но вести передачи с наблюдательного пункта означало — рисковать вдвойне. И я, не принимая никаких отговорок, приказал Мише отправляться обратно. Он был недоволен, однако подчинился.

Мы надеялись, что теперь всё это уже ненадолго: назревали крупные события, и даже здесь, во вражеском тылу, чувствовалось их приближение, хотя личным наблюдением их ещё и нельзя было обнаружить.

ВОЙСКА УХОДЯТ ВПЕРЕД

Утром двенадцатого сентября мимо нас на большой скорости промчался воинский эшелон. Он был набит танками, тяжелыми орудиями, тягачами. В вагонах было полно-солдат.

— Ну и техники набралось, — покачал головой Ваня.

Эшелон этот задал нам загадку. Не тем, что в нем было много техники: это случалось и раньше. Задуматься заставило то, что шел он не к фронту, как обычно, а наоборот, в Ригу, которая в те дни считалась ещё тылом.

Мы ещё не успели понять, в чем дело, как загромыхал ещё один эшелон. Этот, как и полагалось, шел в сторону фронта. Но ни танков, ни пушек на нем не было только лошади и телеги. Солдаты в вагонах пели популярную в те времена песню «Летит белая чайка». Мне, правда, песенка эта всегда казалась унылой.

— Пушечное мясо покатило в мясорубку, засмеялся Ваня.

Эшелоны с мощной техникой шли на Ригу двое суток, с очень малыми интервалами. Сообщения об этом непрерывно отправлялись в штаб фронта. Сами мы поначалу обрадовались, решив, что началось наше наступление, и фрицы отходят на новый оборонительный рубеж. На самом же деле (мы узнали об этом позже) это было не отступление, но маневр: немецкое командование снимало боевую технику с левого крыла фронта и через Ригу перебрасывало её на Елгаву и Балдоне, против наступавшей 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Они опасались, что 43-я армия выйдет к Рижскому заливу, замкнет кольцо и не даст немцам возможности вывести войска из Эстонии и Латвии.

Наши сообщения о переброске техники были учтены командованием, и, начав четырнадцатого сентября наступление между городами Эргли и Плявиняс, советские войска смогли, прорвав фронт, продвинуться на двадцать километров вперед, в то время как на главном направлении первые два дня наступления не принесли такого успеха.

Что наступление вот-вот начнется, мы чувствовали по оживившейся авиационной разведке, которую наша армия вела теперь не только днём, но и ночью. Особенно активно действовали по ночам По-2. Тогда эти самолёты назывались ещё У-2.

Самолёты кружили, фотографируя местность. Они прилетали всё чаще и сбрасывали осветительные бомбы, которые рассыпались в небе мириадами огней. Когда ночью в небе вспыхивала такая бомба, становилось светло, как днем. И хотя бомбы эти изрядно мешали нам, не позволяя передвигаться под покровом темноты, нам нравилось смотреть на них. Они напоминали гигантские новогодние елки, парящие в небесах. Мы понимали, что немцам бомбы эти приносят куда больше неприятностей, чем нам. Обычно рядом с такой «ёлкой», всегда невидимый, тарактел самолёт. И мы радовались ему: он тоже был разведчиком.

Однажды самолёт сбросил такую бомбу, когда мы с Ваней шли на очередную заготовку продуктов. Вспыхнув, она осветила на дороге группу солдат. До них было метров шестьдесят. Обычно я, чтобы избежать лишнего шума, старался пройти незамеченным, но на этот раз уйти было невозможно: не только мы видели немцев, но и сами были у них, как на ладони.

— Огонь! — крикнул я.

Мы открыли огонь, бросившись в канаву. Фашисты шарахнулись в разные стороны и вскоре открыли ответный огонь. Стреляли плотно. Пули свистели над нашими головами, крики солдат сливались с треском автоматов.

Бомба уже погасла, но фрицы всё ещё продолжали стрелять, хотя огонь вели теперь наугад.

— Уходим, Ваня, — скомандовал я. — Пока не поздно.

— Только ползком, — сказал он.

Выбравшись из канавы, мы ползли в глубь леса. Пули сшибали над нами сучья, а мы ползли: всё дальше. Когда стрельба на миг затихала — вскакивали и делали короткие перебежки.

Через несколько дней местные жители рассказали нам, что ночью на дороге партизаны уложили двух гитлеровцев.

Откровенно говоря, мы надеялись, что счёт этот будет больше.

Вскоре мы засекли на дороге странное устройство. Мчавшийся во весь опор к Риге паровоз тащил за собой сооружение, напоминавшее огромный крюк. С его помощью немцы при отступлении выводили из строя железные дороги, выламывая шпалы. Видно, теперь им было уже не до того: наши стремительно наступали.

В тот же день Миша принес из леса радостную весть:

— Володя нашелся!

Он передал мне радиограмму. Я прочел: «Ночью встречайте Орлика на мосту через реку Локмане, в километре севернее озера Лобес».

— Интересно, почему он только через месяц нашёлся? — спросил Ваня.

— Я думаю, он просил встречи с первого дня. Но, наверное, Центру нужнее было, чтобы он находился близ озера. Представляете, как он обрадуется, встретив нас? Насколько ему в одиночестве было труднее, чем нам... Ваня, придется тебе сходить за ним.

— Дорога знакомая, — кивнул Ваня. — Но всё же дай карту и фонарик. Компас у меня есть.

— Возьми ещё запасные патроны и гранату.

— Патроны возьму, а гранаты не надо.

— Гляди, — развернул я карту. — Можешь дойти до речки по лесу, по полям, по болотам — где безопаснее. Но надо почаще поглядывать на компас. А ты, как я неоднократно замечал, на него не смотришь, полагаешься на свой опыт. Опыт может когда-нибудь и подвести...

Ваня почистил и смазал автомат и с наступлением сумерек пересек полотно и скрылся в лесу. Они с Володей должны были встретиться в эту же ночь.

Однако утром их ещё не было.

Мы скудно позавтракали, затем Миша передал радиogramму: за истекшую ночь на дороге не было никакого движения — ни к фронту, ни от него. Он ещё не успел закончить передачу, как я услышал лязг металла, гудение моторов. Рельсы были пусты, зато по грунтовой дороге пошла какая-то техника. Ничего подобного раньше здесь не бывало. Я взял автомат:

— Схожу, посмотрю.

Дорога была окутана клубами пыли. Тягачи, натужно воя, тащили тяжёлые орудия. Лязгая гусеницами, шли танки. Мчались грузовики с запыленными солдатами в кузовах. Много немцев, группами и в одиночку, шло пешком. Ездовые нахлестывали лошадей. Все они явно спешили. Нетрудно было догадаться почему.

Я вернулся к Мише.

— Сходи, полюбуйся. Фрицы драпают.

Миша вернулся, сияя от счастья.

— Давай передадим радиogramму, пусть наши шлют авиацию!

Через десять минут Миша заработал ключом. А я пытался понять, чем вызвано отступление гитлеровцев по этой дороге, извилистой и неудобной, в то время как вдоль Даугавы в том же направлении шло прямое широкое

шоссе. Объяснение могло быть только одно: левый берег Даугавы уже занят нашими!

Немцы отступали весь день и всю ночь. Но, к нашей радости, всё ощутимее примешивалась тревога. Ваня с Володей не показывались. Уже прошла вторая ночь, а их все не было. Видимо, с ними что-то стряслось. Утром я сказал Мише:

— Тут своё дело мы сделали. Поезда больше не идут. Подождем ещё одну ночь; если ребята не придут, уходим в лес.

Оккупанты отступали не только по грунтовой дороге; целыми толпами шли они и по рельсовому полотну. Как раз напротив наших ёлочек они останавливались на привал; не успевали уйти одни, как их место занимали другие.

Мишу это стало злить.

— И что их сюда тянет? Загорают себе, а мы даже чихнуть не можем. Да, уходите пора.

Однако уйти можно было только с наступлением темноты, а до той поры приходилось терпеть и быть постоянно наготове, потому что неожиданности могли случиться в любой момент. Так оно, кстати, и получилось. Когда напротив нас отдыхала очередная группа отступающих, Миша внезапно подал сигнал тревоги. Я схватил автомат, приготовился. Неподалеку шевельнулись, зашуршали ёлочки.левой согнутой рукой защищая глаза, правой раздвигая еловые ветки, по направлению к нам пробирался здоровенный солдат — правда, без оружия. Протиснувшись наконец сквозь насаждения, немец опустился в одну из ямок, шагах в десяти от нас. Он, конечно, и не подозревал о нашем присутствии. Мы лежали, затаившись: рядом расположилась группа вооружённых солдат, и, заметь они нас, пришлось бы худо. Но немец, к счастью, был всецело занят своими делами. Приведя в порядок обмундирование, он двинулся к своим, даже не посмотрев в нашу сторону. А если бы взглянул, нам оставалось бы только отстреливаться до последнего патрона — уйти было некуда. Солдат прошёл под самой антенной, не заметив её, и смерть снова миновала нас.

Наконец-то стемнело. Улучив момент, когда немцев поблизости не было, мы перебежали полотно, пересекли поляну и скрылись в лесу; ночевать решили где-нибудь в чаще. Но уснуть в ту ночь так и не удалось. Невдалеке рвались снаряды. Разлетающиеся осколки жужжали, словно жуки. Трещали автоматы — немцы, отступая, оказывали сопротивление. Лишь под утро всё затихло. Расслабившись, мы лежали на мягком мху и блаженно вдыхали свежий, напоенный хвойным ароматом воздух. Фронт перешагнул через нас, наступающие войска снова оказались впереди. Впервые за много ночей мы смогли спать спокойно.

Проснулся я оттого, что на меня упала шишка. Протер глаза, осмотрелся. Стояла тишина. С ветки на ветку перепрыгивали белки.

— Миша! Хватит нежиться! Пойдем, выясним, на чьей же территории мы находимся.

— На освобожденной, — не открывая глаз, пробормотал он.

— Ты уверен?

— Вполне. — Он открыл глаза: — Тут фашистам удержаться не за что: нет подготовленной обороны. Они наверняка ушли на оборонительную линию «Сигулда».

— Я думал, ты о ней забыл.

— Как тут забудешь? Я же эти данные передавал! Все помню: линия идет от Сигулды до Кегумса.

— Да ты прямо стратег, — сказал я, наслаждаясь возможностью говорить и смеяться во весь голос, не опасаясь, что тебя кто-то услышит.

— Давай завтракать, сказал Миша. Он протянул мне кусок черствого хлеба.

— Если они действительно отошли на свою линию, то в следующий раз позавтракаем чем-нибудь посущественнее, — этим рассуждением я попытался хоть немного скрасить наше меню.

Позавтракав, мы тронулись в свою последнюю разведку. Шли, наслаждаясь покоем. Лучи солнца пронизывали лес, вдалеке между стволами синел легкий туман. Вдруг я вздрогнул: на сосне кто-то зашевелился. Но, не успев вскинуть автомат, я успокоился: на дереве сидел мальчишка лет десяти, а внизу за деревом стояла сероглазая, лет семи, девочка с синей ленточкой в волосах.

— Вы кто такие? — спросил я строго.

— Зайцы, — ответила девочка, улыбаясь.

— А где родители?

— Там, — мальчик вытянул руку.

Теперь и я разглядел за стволами сосен какие-то фигуры. Мы приблизились. На небольшой поляне стояло несколько подвод. Беженцы встретили нас настороженными взглядами.

— Не бойтесь, мы не бандиты, мы партизаны, — успокоил я их. — Стрелять в вас не станем. Угостите молочком, если есть. Мы давно не пили, да и не ели тоже.

Услышав латышскую речь, один из путников, седой старик, улыбнулся, подошел к повозке и налил нам из глиняного кувшина по кружке свежего молока.

— Пейте, раз партизаны.

Мы выпили, не отрываясь.

— Налить ещё?

— Спасибо, хватит. Папаша, а что вы здесь собираетесь делать?

— Немцы ночью отступили.

— А где немцы остановились?

— Да, наверное, уже за лесом.

— Чего же вы ждете? Езжайте домой.

— Боимся красных, — сказал стоявший рядом крестьянин средних лет.

— Чего же их бояться? Вот я — красный, что же, я такой страшный?

Кое-кто засмеялся. Молодая черноглазая женщина заметила:

— Конечно, страшный. Борода — как шуба у ежа!

Крестьянин сказал:

— Немцы страшали — придут косоглазые монголы и перережут всех, кто не успеет уйти. Вот мы и тронулись — вроде бы с ними, а на самом деле — в лес.

— Поверили Геббельсу! — пристыдил я. — Пришли в ваши места латыши да русские. Так что спокойно возвращайтесь домой, никто вас не тронет. Не верите? Ну вот, я — латыш, мой товарищ — русский. Мы здесь партизанили, но мирных жителей не трогали.

— Ну, что, — сказал старик, — по домам, что ли? — И стал запрягать лошадь.

Уехали, однако, не все — некоторые остались, ещё ждали чего-то. Что же, пусть ещё покукуют.

— Сходим, Миша, в гости к тому полицаяу! Может быть, узнаем что-нибудь про Ваню, а нет — возьмём у него лошадь и поедем к Володе.

Полицейский встретил нас, расплываясь в улыбке и расточая любезности. Угостил отличным обедом, даже с выпивкой. О Ване он ничего не знал, а может быть, не захотел сказать. Обслуживал он нас в тот день, как официант в первоклассном ресторане, а вместо чаевых рассчитывал, верно, на отпущение грехов, которых за годы оккупации у него наверняка накопилось немало.

После обеда полицай заложил бричку и отвез нас в Стапраны. В деревне я поинтересовался у встречной старушки:

— Мамаша, русские партизаны у вас есть?

— Как же! Вон в том доме.

Мы подъехали к серому дому с верандой. Сдерживая волнение, я постучал в дверь.

— Володя был там. Это и был «партизан». Мы обнялись, как братья.

— А Ваня где? — спросил я.

— Ваня?

— Он пошел к тебе сразу же после радиограммы.

— Не знаю, — развел он руками. — Я ждал, где было условлено, две ночи — никто не пришёл.

Что же с Ваней? Ему надо было пройти двадцать километров по местности; где полно было немцев, так что все могло случиться...

Разыскивать его мы в этот раз не стали. Если жив — сам доберется до нашей части. Забрав Володю, вернулись к полицаяу, ожидавшему у дома, сели и поехали. Бывший гроза волости сидел пасмурный и, подергивая вожжи, размышлял о чем-то — наверное, старался заглянуть в будущее. Володя был весел, разговорчив, рассказывал, как скрывался у озера, Миша ему — о наших приключениях.

А я вспомнил разговор с Ваней, незадолго до его ухода.

— Если напорюсь на них, живым не сдамся, — сказал он тогда.

— А есть у нас право на это? — спросил я. — По-моему, если солдат кончает с собой, то это похоже на помощь врагу.

— Это ещё почему?

— Потому что ты стреляешь в себя вместо того, чтобы выпустить последнюю пулю в фашиста. И вообще, может, тебя сразу и не убьют, а значит — будет шанс... Вдруг придут наши, например.

— А если я знаю, что пыток мне не выдержать?

— Тогда — смерть от руки врага, но не от своей.

— Ну, прощай, — сказал тогда Ваня.

И вот он не пришел. Я поймал себя на том, что машинально оглядываю местность, ожидая увидеть где-нибудь в канаве его тело.

Забегая вперед, скажу, что через некоторое время, когда мы уже жили в указанном нашими командирами месте, была предпринята экспедиция в те места с целью выяснить обстоятельства исчезновения разведчика. Следуя тем путем, каким должен был двигаться Ваня, мы заходили на хутора. Расспрашивали жителей. Но никто не смог рассказать нам ничего о его судьбе. Ничего нам о нём не известно и по сей день. Я уверен: останься он жив — рано или поздно подал бы о себе весть.

Солдаты невидимого фронта сражаются и гибнут не так, как бойцы на переднем крае. Мы знали это с самого начала. И все-таки тяжело вспоминать о погибших.

...Проспав ночь в сарае на сене, рано утром мы двинулись в путь — опять в тыл, но теперь уже в наш.

Услужливый полицейский довез нас до шоссе и попрощался. Мы же остановили попутную машину, чтобы добраться до Крустпилса. Ехавшему в «газике» капитану представились как партизаны и попросили довезти до военной комендатуры.

Военный комендант Крустпилса направил нас в комендатуру города Лудзы, а там я попросил военного коменданта города сообщить в нашу войсковую часть о прибытии группы «Коршун».

Не прошло и получаса, как к комендатуре подкатил на «виллисе» подполковник штаба фронта. Он обнял и расцеловал нас, восклицая:

— Какие вы молодцы! Как я рад за вас!

Он отвез нас на окраину, где мы должны были жить в небольшом одноэтажном домике. Хозяева оглядели нас с некоторым удивлением, но возражать не стали. Бородатые, вооруженные, мы и в самом деле не вызывали особого доверия. Так или иначе, нам отвели застеленные чистым бельем кровати, мы смогли вымыться, побриться, привести в относительный порядок одежду. Впервые за долгие времена нам удалось отдохнуть в нормальных условиях.

И все же это был ещё не конец. На следующий день хозяин дома спросил:

— И долго вы у нас собираетесь жить?

— Об этом спросите подполковника.

Наш ответ явно не удовлетворил хозяина, но в тот раз он промолчал. И вернулся к разговору лишь на третий день.

— Вы военные или гражданские?

— Гражданские.

— А почему вооружены?

— Партизанили.

— Теперь издан закон, что проживать в городе имеют право только те, кто в нём прописан или имеет направление военного коменданта. А у вас документы есть?

— Нам они не нужны.

— Как? И вы без документов, в военное время, живете в моем доме?

— Это вас удивляет?

— Конечно! Если вы завтра же не представите мне разрешение официальных властей, вам придется оставить мой дом!

Вот уж действительно — час от часу не легче.

Убедившись в том, что власти нас знают, хозяин дома больше не требовал прописки.

Через некоторое время мы распрощались с ним и переехали в Бауску. Там, в двух километрах от города, было найдено подходящее место для размещения нашей группы — две просторные, светлые и теплые комнаты на хуторе Раей. Зажиточные хозяева усадьбы ухитрились сохранить в целости и строения, и даже всю свою живность, хотя бои в этих местах шли упорные. Хозяев было трое: спокойный, немногословный отец, умная и сдержанная мать и их дочь — двадцатипятилетняя Милда, привлекательная девушка с твердым, властным характером. Она-то и была подлинной хозяйкой. Кроме всего прочего, она умела вкусно готовить. Мы отдавали хозяевам все продукты и питались за одним столом с ними, отъедаясь после голодных дней.

Я успел съездить в Даугавпилс и повидаться с отцом. Он все повторял:

— Зачем же ты пошел в разведку, сынок? Это ведь очень опасное и тяжелое дело!

— Да. Но кто-то должен его делать! Каждый выбирает ту жизнь, которая ему нравится, и ту меру трудности, какая ему по плечу.

Потекли Свободные дни. Мы были сыты и бодры духом, но понемногу начали скучать. Занятий с нами не проводили: видимо, считали, что мы уже достаточно опытные разведчики и во всём разберемся сами. Мы бы, может быть, и разобрались, только никаких заданий нам не давали. А война, между тем, продолжалась.

Миновал месяц, другой. Не пора ли нам, наконец, взяться за какое-нибудь дело? Но я знал, что пора эта придет, когда ей положено — ни днём раньше и ни часом позже.

В «КОТЛЕ»

И вот час настал.

— Командование предлагает вам вылететь в «Курляндский котел» для разведки побережья Балтийского моря, точнее — в районе поселка Мазирбе.

«Курляндский котел»...

Стоял уже конец декабря. Землю укрыл снег. Белый, не закопченный гарью, не изрытый воронками от бомб, мин, снарядов. Война шла на территории Германии.

Но здесь, в Латвии, на её северо-западе — в Курземе ещё гремели выстрелы. Окруженная, прижатая к морю фашистская группировка насчитывала сотни тысяч солдат, обильно оснащенных техникой. Путь отхода по суше у них не было. Эвакуировать такое количество войск морем было невозможно. Им оставалось только сдаться. Но немецкое командование требовало, чтобы они держались до конца.

— Вам будет нелегко, — сказал подполковник. — Из района Мазирбе все жители эвакуированы, там запретная зона. В ней размещаются только немецкие воинские части. Но они-то нас и интересуют. Мы должны знать об этом районе всё: где установлены орудия, каков их калибр, численность войск, номера частей, есть ли минные поля и где... — Он слегка пристукнул ладонью по столу: — Словом, повторяю: всё!

Закурив папиросу, подполковник ещё помолчал и негромко добавил:

— В районе Мазирбе возможна высадка нашего десанта с острова Сааремаа. Поэтому разведка должна быть очень тщательной.

Майор, непременный участник наших разговоров на такие темы, вынул из планшета карту, расстелил на столе.

По карте было видно, что Мазирбе — ближайший к острову населенный пункт на материке. В нескольких направлениях, по побережью и в глубь суши, от него шли грунтовые дороги и даже две железнодорожные линии правда, узкоколейные, каких в то время в Латвии было немало. Они в какой-то мере возмещали отсутствие густой сети автобусных маршрутов, имеющих у нас теперь.

Подполковник повел по карте карандашом:

— Нам нужно знать все о достаточно узкой полосе: по пять километров в обе стороны от поселка. Вы поняли?

Что ж тут было непонятного? За исключением разве что одного: если там нет местных жителей, как же смогу я выполнить задание, да ещё зимой, когда на снегу каждый след виден, как на ладони? Неужели придется таскать «языков» из запретной зоны? Зимой это непросто. Долго так не продержишься. А тут меня и совсем «успокоили»:

— Только учтите, что кроме войск там, по нашим данным, собралось много гитлеровских прихвостней — полицейских, айзсаргов, власовцев. Там, где разрешено жить гражданским лицам, все дома забиты беженцами. Так что, когда будете подбирать себе помощников, не забывайте об осторожности.

— Без местных все равно не обойтись, — отозвался я. — Задание серьезное. А каков состав группы?

— Кроме вас и радиста ещё два разведчика. А теперь выберите место выброски.

Я склонился над картой.

— Пожалуй, вот сюда, — и указал на болотистую местность километрах в десяти севернее города Дундаги. Судя по карте, хуторов в тех местах было немного — значит, мало окажется и немцев: время зимнее, и вряд ли они стоят лагерем в открытом поле.

— А поближе не хотите?

— Нет, — поддержал меня офицер штаба. — Думаю, это место подойдет.

— Когда вылет?

— Думаю, что Новый год встретите уже под елкой, — снова улыбнулся подполковник. —

Выберите постройнее да попышнее.

— Разведчик «Коршун» приложит все силы, — серьезно ответил я, думая помимо прочего и о том, что под ёлкой мне придется не только встречать Новый год, но и, вероятнее всего, квартировать все время, пока будет длиться операция. А зима даже в приморском мягком

климате остается зимой. Но, как я сам не так давно сказал отцу, должен же кто-то делать это дело...

Прошло несколько дней. Я гулял около замерзшего пруда и любовался росшей по соседству березкой. Как же я раньше не замечал, как красива она не только летом, но и сейчас — нежно-розовая в лучах встающего солнца, покрытая инеем, трогательная в своей беззащитной наготе? Сигнал автомашины заставил меня оглянуться. Приближался грузовик. В кузове стояли, придерживаясь за кабину, двое в штатском. Из кабины вылез майор.

— Знакомьтесь, — сказал он кратко.

— Эдгар Америкс, — протянул мне руку парень лет двадцати двух. Я заметил, что два пальца его руки были короче остальных. Наверное, в мирной жизни он был плотником или столяром.

— Михаил Крепкин, представился второй, коренастый и загорелый.

Значит, ещё один Миша. Однако он остался у нас единственным: тот Миша, с которым мы выполняли предыдущее задание, уже через час распрощался и уехал вместе с майором. Ему предстояло действовать в составе другой группы.

За обедом ребята рассказали кое-что о себе. Крепкин служил в дивизионной разведке, не раз переходил линию фронта. Эдгар Америкс в армии не служил, во время оккупации жил в Риге и скрывался от мобилизации в фашистские войска.

— Значит, опыт конспирации у вас уже есть?

— Да. Только партизанить не приходилось.

— Ничего, — успокоил Володя. — Этому мы вас научим.

Вечером двадцать седьмого декабря мы как следует вымылись в бане, надели тёплое белье, уложили в мешки продукты, патроны, гранаты и другие нужные вещи.

После тепла на улице было неуютно. Мир, распростершийся под темным небом, обжигал холодом. Из-под колес грузовика круглой белой волной летела снежная пыль. Ледяной поток воздуха, пронизывая одежду, струйками расползался по телу.

Ли-2 держал курс на Рижский залив. Ночь была безоблачной, дул порывистый ветер. Самолёт сильно бросало, к горлу подступала тошнота. И когда раздалась команда «Приготовиться к прыжку!», я вздохнул облегченно.

На этот раз я должен был прыгать последним. Первым шел Эдгар. До этого ему никогда не приходилось прыгать.

Раздалась команда, и мы полетели в бездну. Так началась для меня третья опасная прогулка в тыл врага.

Мы приземлились в десятке шагов друг от друга. Спрятали и замаскировали парашюты и сразу же двинулись прочь от этого места. Невдалеке находилась Дундага, и если нас заметили, то через полчаса преследователи окажутся здесь.

Обстановка нас не радовала. На снежной целине следы отпечатывались четко. Даже новичок сразу смог бы определить наше направление.

— Посыпь спецтабаком, — посоветовал мне Володя.

— К чему? След виден простым глазом, тут собака не нужна.

Табак, предназначенный для того, чтобы не дать врагу возможности преследовать нас с собаками, я пустил в дело чуть позже, когда мы вышли на шоссе, ведущее в Дундагу: там наши следы не были заметны глазу. Мы прошагали по дороге метров пятьдесят и лишь тогда продолжили движение в прежнем направлении, постаравшись свернуть с шоссе в таком месте, где найти наш след было бы труднее всего.

Снег лежал повсюду. Вверху к бледной луне неторопливо подбирался холодный туман. Мы уходили всё дальше. Но время шло. Подступала усталость. Тело просило отдыха. Позади осталось болото, за ним лес. На поросшем березняком холме мы сделали привал, позавтракали, выпили по чарке. Наступало утро. Луна побледнела, уже подслеповато щурились утренние звезды. Мы с Эдгаром пошли на разведку. Спрятавшись в молодом густом сосняке у дороги, наблюдали целый час. Никто не проходил, не проезжал. Мы терпеливо ждали. Наконец показались два солдата.

Мы пропустили их. С этим успеется, сперва нужно было встретить местных жителей и узнать, какая в окрестностях обстановка и много ли размещено гитлеровцев.

Мы ждали ещё минут двадцать, прежде чем на дороге показались сани. В них сидели мужчина и женщина. Я сказал Эдгару:

— Выйдем без оружия.

Оставив автоматы в кустах, мы вышли на дорогу. Сани остановились. Седобородый старик вопросительно посмотрел на нас.

— Куда едете? — спросил я по-латышски.

— В поселок Невея, — ответила женщина.

— А где живете?

— Там и живем.

— Далеко это?

— Километра три, — сказал старик. Он вытянул руку: — Вот за тем лесом.

— Немцы там есть?

— Почти в каждом доме.

— А у вас?

— И у нас живут, — кивнула женщина.

— Что ж, поезжайте, — сказал я.

Сани тронулись. Мы глядели им вслед. Женщина обернулась и помахала нам. Мы ей тоже.

— На ночь поищем место, где лес погуще, — сказал я, когда время приблизилось к вечеру.

Мы бродили по лесу больше часа, пока не увидели наконец высокую, пышную ель, окруженную молодняком, образовавшим как бы плотный естественный забор. Место нам понравилось. Мы наломали лапника и удобно устроились на душистом, пружинящем матрасе. Надвинулся сумрак, пошел снег — крупный, лохматый. Вскоре он совсем скрыл наши следы. Натянув сверху плащ-палатку, мы уснули — все, кроме караульного. Проснулись утром, когда плащ-палатка под тяжестью снега осела нам на головы. Было восемь часов, но ещё держалась густая темнота, и мы лежали, отдыхая, до самого рассвета.

В этот день нам предстояло установить контакты с местными жителями. Мы с Эдгаром снова пошли к дороге. Наблюдали долго, но нам так и не удалось увидеть ни одного подходящего человека. То пройдет сгорбившийся старик с клюкой, то ребятишки, то прошагают вооруженные до зубов немецкие солдаты.

После полудня мы решили пойти поискать в другом месте. На опушке леса увидели одинокий хутор.

— Зайдем? — предложил Михаил.

— Сначала понаблюдаем, — остановил его Володя. — Не то зайти зайдем, да не выйдем.

Более часа мы наблюдали. Казалось, в доме нет ни души. Никто не входил и не выходил. Тогда мы приблизились и вошли.

— Есть кто-нибудь живой? — крикнул я.

— Есть! — глухо отозвался женский голос.

— Выходите!

Послышалось кряхтенье, и из-за шкафа появилась худая, сгорбленная старуха. Она с любопытством смотрела на нас маленькими слезящимися глазами.

Серьезного разговора с ней быть не могло, и я сказал лишь:

— Мы партизаны. Дайте нам краюху хлеба.

Дрожащими, костлявыми руками она протянула нам полкаравая:

— Берите. Вам тоже есть хочется.

— Спасибо, мамаша, — поблагодарил Эдгар, и мы вышли.

Надвигался вечер, пора было искать новое место для ночлега, а установить какие-либо серьезные контакты нам так и не удалось. А ведь вечер этот был не простым: близился Новый год, и мои товарищи, то один, то другой, все чаще заговаривали о том, как они проводили этот вечер дома, когда не было войны.

Как-то мы встретим его на этот раз?

— Пойдем спать, и дело с концом, — предложил Володя.

— Зачем? Разведём костер, выпьем по чарке, spoём, — отозвался Михаил.
— Ни костра, ни песенок, — категорически заявил я. — А по чарке, пожалуй, не помешает. Зато обещаю, что следующий Новый год будем встречать дома, в тёплой комнате. Ну пошли, поищем местечко поуютнее.

В наступивших сумерках мы шли по открытому месту. Вдруг Миша шепнул:

— Ребята, смотрите — двое фрицев на дороге.

— Нападаем, — шепнул я Эдгару,

— Руки вверх! — Звонко крикнул он.

Увидев наставленные автоматы, прохожие растерялись.

— Мы не бандиты, мы местные, — робко сказал один из них.

— Ну-ка, сойдем с дороги, — скомандовал я.

Мы отвели их в лесок.

— Кто вы такие? — строго спросил я. — Где живете и почему шляетесь так поздно?

— Идем домой, в поселок Невея.

— Где были?

Они замялись.

— В вашем доме немцы стоят?

— Нас и так много, для них места не осталось, — ответил один из задержанных. Оба они были совсем ещё молодыми людьми.

— Кто же вы такие?

— Мой отец — рыбак, — ответил тот же парень. — Раньше мы жили в поселке Кошрагуциемс, на самом берегу. А когда там объявили запретную зону, переехали в Невею.

Люди с побережья могли оказаться полезными нам, и я спросил:

— А что, если мы зайдем к вам в гости?

— Отчего же нет, пожалуйста! Сегодня ведь Новый год, и отец рад будет вас видеть.

— Вы братья?

— Свояки. Я — Волдемар Бернштейн, а он — Эдгар Юмис, муж моей сестры.

Мы зашагали вместе с ними. До поселка было километра два, и это время мы использовали, чтобы поподробнее расспросить наших новых знакомых о том, что происходит на морском побережье, слышно ли что-нибудь о партизанах, чем занимаются их семьи. Они охотно отвечали.

Но вот лес кончился в открывшемся за ним поле, в сотне шагов стоял хутор. Окна дома тускло светились. За домом мы увидели большой сарай.

— Хутор Кеныни, здесь мы и живем, — тихо проговорил Эдгар Юмис.

— Тогда вот что. Идите в дом и выясните, можно ли нам зайти. А вы, Волдемар, пока побудьте с нами. Ничего не поделаешь, осторожность вынуждает нас к этому.

Через несколько минут силуэт Юмиса снова возник на фоне серого неба. Он дал знак, и мы приблизились.

— Немцы были, — сказал Юмис, — но ушли минут десять тому назад. Заходите.

Мы вошли. Посреди комнаты стоял длинный некрашенный стол. Ярко светила керосиновая лампа. Вокруг стола сидело множество взрослых и детей всех возрастов. Действительно, семейка немалая!

— Добрый вечер! — поздоровался я.

— Добрый вечер! — прозвучал в ответ целый хор голосов.

— Раздевайтесь и садитесь. Встретим Новый год вместе, — пригласил человек с умным, чуть насмешливым лицом — Август Янович Бернштейн, глава семьи.

— Очень вам признательны. Вот уж не ожидали, что удастся встретить Новый год в тепле, в дружеском кругу, а не в лесу под ёлкой, — ответил я. — Только, может быть, лучше завесить окна, а мы выставим на дворе караул? Вокруг много немцев, а время сами понимаете какое.

— Так будет, пожалуй, безопаснее, — согласился хозяин.

Тут же завесили окна, а дежурить во дворе, по предложению Августа Яновича, должны были наши недавние пленники.

Мы сбросили вещмешки, разделись, сели за стол. Стали знакомиться. Эмилия Петровна — так звали жену Бернштайна — была на десять лет моложе мужа. Их старшему сыну, Волдемару, шел двадцать первый год, а младший, девятый по счету, едва достиг трехлетнего возраста.

— Ну, что же, выпьем по рюмке в честь гостей, — сказал Август Янович, когда мы утолили первый голод и в свою очередь оделили малышей шоколадом и печеньем из наших запасов.

— У нас ещё вот что есть, — и Эдгар вытащил из своего вещмешка бутылку «Московской».

— О, это не эрзац! — воскликнул глава семейства, с удовольствием выпив рюмку. — Такого мы при немцах не видим.

Компания за столом казалась дружной. Не хватало лишь хозяина хутора: Бернштейны ведь только жильцы. Хозяин был дома, но так и не появился. Он сидел в своей комнате и, надо полагать, отчаянно трусил. Остальные же, кажется, были действительно рады нам.

— Немцы к вам часто заходят? — спросил я Бернштейна между прочим.

— Это они к нам заходят, — ответила, смеясь, одна из взрослых дочерей — Только они по-нашему не говорят, а мы не знаем немецкого. Вот и приходится им разговаривать с папой.

— Да, — усмехнулся он, — только я стараюсь поскорее спровадить их. Не люблю немцев с, тех пор, как они пришли сюда.

— Эдгар, — преодолевая застенчивость, спросила одна из старших дочерей, — Вы давно партизаните?

— Вообще — давно, — не задумываясь, ответил он.

— Перешли фронт или прыгали с парашютами?

— Мы с Иосифом местные, из-под Салдуса. А Володя с Мишей сбежали из лагеря. Вот, вместе воюем.

— Откуда же у вас шоколад, русская водка?

Эдгар улыбнулся. Мне было интересно, как он выкрутится.

— Отряд у нас большой, — сказал он. — К Новому году получили груз с самолёта. Вот кое-что и нам досталось.

— И все же, думается мне, вы не местные, слегка улыбнувшись, вмешался в разговор Бернштейн. — Все у вас новое: автоматы, валенки, одежда — как с иголки. — Он нахмурился: — Не бойтесь, немцев мы ненавидим не меньше вашего. Они меня ещё в сорок первом хотели расстрелять как коммуниста.

— Вы коммунист?

— Никогда не был.

— Почему же они так решили?

— Да, наверное, из-за брата: он ещё в девятьсот пятом году активно участвовал в революции. И я своих взглядов никогда не скрывал, говорил открыто. Так что кто-то держал камень за пазухой, а в сорок первом бросил его в меня. Вот айзсарги и схватили, повели в лес на расстрел. Детишки плачут, жена голосит. В лесу уже и яма была вырыта. Но под конец их главарь решил сжалиться — детишек, мол, пожалел. Отпустили. Через две недели арестовали снова. Увезли в Вентспилс, посадили в тюрьму. Я и не знал за что. Потом оказалось: по обвинению в том, я еврей и работник ЧК. Я хохотал так, что даже следователь не выдержал, тоже стал смеяться. Через месяц снова отпустили, но предупредили, чтобы я на море и смотреть не смел.

— Ну, и как вы, выдержали? Вы же рыбак.

— Терпел. Но однажды два немца все же уговорили. Как я ни отказывался — твердили одно: «С нами всё можно!» На следующий день пришел офицер с автоматчиками, снова повели расстреливать. Потом передумали, повели в Мазирбе, в комендатуру. А там эти двое солдат за меня заступились. Когда советские войска подошли к Тукумсу, собрались расстреливать в третий раз. Но тут уж меня предупредили, мы всей семьей ушли в лес, пожили там. Потом переехали сюда — подальше от глаз.

— Как же вы живете здесь без своего хозяйства?

— Нелегко приходится. Но, видно, ждать уже недолго осталось. — Он в упор взглянул на меня: — Так что если нужно помочь, можете мне доверять.

Мне и самому казалось, что верить ему можно.

В разговорах время подошло к полуночи.

Мы дружно выпили за победу. Посидев ещё часок, стали собираться. Бернштейн сказал:

— Ночуйте в сарае, на сене. А утром — в лес.

Я повернулся к Волдемару:

— Не откажите — переночуйте эту ночь вместе с нами.

— Согласен.

Мы забрались на чердак сарая и улеглись, выставив караул. Рано утром Август Янович разбудил нас и, когда мы спустились, сказал:

— Идите в лес вместе с нашими ребятами. Достроите вместе с ними землянку и будете жить там.

Так вот почему замялись вчера наши пленники, когда мы спросили, откуда они идут!

— Мы сперва решили, что вы — власовцы, — пояснил Волдемар. — А им знать о землянке было бы ни к чему.

Значит, этой ночью мы нашли не только друзей, но и место для своей базы!

Новый год начался для нас хорошо.

НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

К землянке мы подошли, когда уже светало.

Собственно, землянки ещё не было. Была вырыта яма восьми метров в длину, пяти в ширину и двух метров глубиной. До половины она была уже выложена жердями.

— Зачем такая большая? — спросил я Волдемара.

— Для всей семьи, в случае чего, — ответил он. — Место тут надёжное, и речка шагах в трехстах.

— Обычно партизаны строят землянки поближе к воде. Почему выбрали место в таком отдалении? — удивился Володя.

— Как раз поэтому отец решил так. Немцы ищут партизанские землянки именно близ воды. На нашей речке было уж построено несколько землянок, и все они немцами разрушены.

Мы дружно взялись за строительство. На следующий день Волдемар достал лошадь. Одни заготавливали жерди, другие их возили, а Эдгар обкладывал стены. Как-никак в мирной жизни он был плотником. Стучал топор, звенела пила. Конечно, на соседних хуторах этот шум был слышен, но тайком такую работу все равно не сделаешь, а строительство землянок на всякий случай в то время и в тех местах не являлось чем-то редким, к этому успели привыкнуть. И тем не менее, кто-нибудь обязательно должен был к нам наведаться, и мы старались постоянно быть готовыми к неожиданностям.

Долго ждать не пришлось. Первым нас навестил лесник. Он был в полагающейся ему форменной одежде, так что не пришлось гадать, кто он такой.

— Мы из поселка Осте, — представился я. — Строим землянку, чтобы было куда укрыться, если фронт приблизится. Так что не штрафуйте нас слишком строго.

Он помолчал.

— Можете быть спокойны.

И после очередной паузы заключил:

— В своем лесу я знаю все землянки и их жителей. Но то, что я знаю, при мне и останется.

Ни Волдемар, ни Эдгар не могли сказать, таков ли он на самом деле. Но иного выхода не было, приходилось верить ему на слово.

Второй гость появился на следующий день. Это был молодой парень, о котором знавший его Волдемар отозвался так: комсомолец, смелый, находчивый, скрывается от немцев, дома бывает только по ночам, оккупантов ненавидит и с охотой поможет каждому, кто борется против них. Звали его Волдемар Биркманис. Когда он явился в следующий раз, я решил узнать у него кое-какие подробности.

— Волдемар, местного лесника вы знаете?

— Как же не знать. А что?

— Да вот, наведывался он к нам сюда.

— Что ж, ему положено знать обо всем, что

происходит в его хозяйстве. Но немцев он до сих пор ни на кого не наводил. Хотя сам айзсарг, и не рядовой, а офицер, и лично знаком с начальником полиции в Дундаге.

— Неужели среди айзсаргов бывают и такие?

— Как видите. Он просто не дурак и понимает, что если начнет выдавать партизан, то хозяином в лесу ему уже не быть! Его просто уберут. А он хочет жить. Да и чувствует, конечно, что дни оккупантов подходят к концу.

Что ж, своя логика в этом была. И все же мне ещё долго не давало покоя, что наша землянка обнаружена человеком, не имеющим отношения к нашему делу.

С первых дней нового года установился южный ветер. Снег сошёл. Это облегчило нашу работу. Обшив стены, мы накрыли землянку крышей из бревен и жердей, на которые потом положили мох. Сверху насыпали песку и насадили молодых сосенок. Замаскировались так, что поначалу сами иной раз не могли найти наше обиталище.

Внутри из доставленных Юмисом кирпичей сложили печь, сделали люк, закрывающийся на ночь на задвижку. Посреди землянки стояли стол и скамейки работы Америкса, а вдоль стен шли сколоченные им двухэтажные нары из добытых Юмисом досок. Для освещения служила керосиновая лампа, а в качестве резерва имелось небольшое динамо, приводившееся в действие приводом от велосипедного колеса.

Но надо было подумать и о безопасности. Что, если нас в землянке окружают? Как будем выбираться? Мы выкопали канаву метров в сорок длиной, накрыли её и замаскировали. Так получился подземный ход, оканчивавшийся замаскированным лазом.

Вновь выпавший снег завершил маскировку.

Тропа к землянке изгибалась полукругом, чтобы мы своевременно могли увидеть, а ночью — услышать, что к нам кто-то приближается. Другие подходы заминировали ручными гранатами, которые при необходимости можно было взорвать прямо из землянки. Поверх сосенок натянули антенну, а на столе стоял постоянно готовый к действию передатчик. днём поочередно несли дежурство.

Итак, у нас появилась своя база. В зимних условиях это было, пожалуй, самым важным. Теперь можно и нужно было начинать то, для чего наша группа и была заброшена в «Курляндский котел». Надо было. Только как? Этого я пока не знал.

Вести разведку в запретной зоне, где находятся только военные и каждый человек сразу же привлекает к себе пристальное внимание, трудно даже летом. Что же говорить о зиме, когда снег выдает каждое твое движение? А ведь мы могли передвигаться лишь самым примитивным способом: на своих двоих. Что же предпринять?

Перебрав несколько вариантов, я остановился на одном. И его решил осуществить в первую очередь.

Для его реализации я прежде всего попросил Волдемара Бернштейна привести сюда отца, чтобы он опытным глазом оценил нашу работу.

Через день я услышал такой разговор наверху:

— Ну, вот мы и пришли.

— Шутишь. Где же она?

— Да ты на ней стоишь.

Пауза, затем:

— Ну, никогда не догадался бы!..

— Иосиф, принимай гостей! — крикнул сверху Володя.

Я вылез, пригласил Бернштейна спуститься, выслушал его похвалы.

— Август Янович! Хочу просить вас о помощи.

Лицо его стало серьезным.

— Чем я могу помочь?

— Меня интересует побережье. Ну, скажем, в районе вашего поселка Кошрагутшеме или около Мазирбе. Нужно узнать, что у них там за оборона.

— Там ведь запретная зона. В неё входят все поселки.

— А что, если вы попросите у коменданта в Дундаге разрешение съездить домой? Ну, скажем, за сеном, или мало ли что может понадобиться в хозяйстве. Ещё лучше вам ехать не, одному, а с

односельчанами. Им ведь наверняка тоже хочется наведаться в свои края. Подскажите им. Думаю, что коллективной просьбе комендант не откажет.

— Ну, хорошо. Допустим, разрешение получено. А дальше?

— Нужно узнать, какие части охраняют побережье, их номера, сколько в каждом поселке немцев, сколько орудий, какого калибра, есть ли минные поля, на какую глубину установлены мины. Одним словом, меня интересует всё.

— Ну, что же, — сказал он, вставая. — Придется попытать счастья...

Итак, план начал осуществляться. Но этого было мало, слишком мало.

Охотно помог бы нам Биркманис. Но его возможности были очень ограничены: у него не было документов, которые позволяли бы свободно передвигаться по окрестностям. Поэтому я решил познакомиться с его женой.

С нами пошел и Эдгар Америкс. Когда стемнело, мы уже подходили к поселку.

На опушке леса стоял небольшой домик. В окнах его виднелся тусклый свет.

— Пойду посмотрю, — сказал Биркманис.

Через минуту он позвал нас.

Войдя, мы встретили невысокую сероглазую женщину.

— Это мои друзья, Алиса, — представил нас Биркманис.

— Рада вас видеть, — приветливо сказала она. — Раздевайтесь, садитесь. В последнее время я рассказала всем, что Волдемар ушёл служить в легион, и меня перестали тревожить.

— И все же они могут прийти в любой момент — предостерег я.

Эдгар вышел во двор и занял там пост. А я разделся, поставил автомат в угол.

— Волдемар мне говорил, что ваш родственник служит на железной дороге.

— Да, стрелочником на линии Дундага-Мазирбе.

— Как вы думаете, на него можно положиться?

— Он не болтлив.

— Хорошо, если бы он сообщал вам, когда и сколько воинских поездов прошло по линии и что именно на них перевозили.

— Попробую договориться, — кратко ответила она.

— Да и вы сами, Алиса, всё, что услышите о передвижении воинских частей, о их номерах, составе, количестве техники, — запоминайте и через мужа пересылайте мне. Только специально расспрашивать, конечно, никогда не надо. Наоборот, нужно быть очень осторожной. Вот, кстати, Волдемар каждую ночь приходит домой. А ведь в поселке много гитлеровцев, и однажды может случиться, что ваш муж попадает в западню. Тут может сыграть роль какая-нибудь случайная встреча.

Я заметил, что Волдемар не очень со мной согласен, но продолжал:

— Да вот спросите хоть у нашего Володи.

— У него есть что порассказать об этом.

Я имел в виду случай с Володей, когда он во время нашей предыдущей вылазки во вражеский тыл один скрывался недалеко от места нашего приземления. Он рассказал нам эту историю уже позже, когда мы встретились.

Когда у Володи кончились продукты, он решил попытать счастья на хуторе, стоявшем на отшибе у деревни Стапраны. Наблюдая, установил, что немцев там не было. Во дворе он увидел двух женщин. Старуха рубила в деревянном корыте капусту, молодая женщина в другом корыте готовила корм для свиней. Возле неё возились две маленькие девочки. Ничто не говорило об опасности. Володя поздоровался. Ему не ответили. Он попросил продать хлеба, вынул пачку оккупационных марок; старуха покосилась на них и продолжала заниматься своим делом, молодая женщина делала вид, что ничего не замечает. Тогда, чтобы расположить хозяев к себе, Володя взял из рук старухи секач и стал рубить капусту сам. Увлечшись работой, Володя и не заметил, как молодая женщина исчезла. Спихватился лишь минут через двадцать и сразу понял: надо уходить. Оставив хутор, он направился к деревне, но не сделал и нескольких шагов, как увидел приближавшихся к хутору четырех вооруженных солдат. У Володи был только пистолет, автомат он оставил в своем укрытии. По нему открыли огонь. Он побежал, немцы преследовали его. Наконец ему удалось добраться до болота и укрыться в камышах; немцы искали его, но не

смогли найти. Позже он узнал, что молодая хозяйка усадьбы была женой человека, служившего в войсках СС.

— А ведь, казалось, все условия ему благоприятствовали, — заключил я. — И опыта у него было достаточно. А спасся он совершенно случайно. В своей рубашке, пиджаке, фуражке и даже майке Володя обнаружил пробоины от пули, но самого его, по счастью, не задело. Опасность часто возникает именно тогда, когда меньше всего ждешь. Всегда имейте это в виду.

Посидев ещё немного, я распрощался и уходил с уверенностью, что этот дом окажется для нас, разведчиков, такой же неоценимой находкой, как и дом семьи Бернштейнов.

Уже через несколько дней Биркманис пришел ко мне:

— Алиса велела передать, что в лесу, по дороге на Яунэмари, размещён склад боеприпасов.

Я развернул карту. Но она тут мало чем могла помочь. Дорога на Яунэмари была достаточно длинной, а мне нужно было установить точное местоположение склада.

— Что же, поищем, — решил я. — Этой же ночью.

— Сегодня я не смогу. Надо предупредить жену, а то, если я не приду, она будет волноваться.

— Хорошо. Тогда завтра.

На следующий день Биркманису удалось уточнить, что склад находится в трёх километрах. Но и этого было недостаточно. Место нужно было знать совершенно точно. Требовались не только координаты, но и заметный ориентир, которым смогли бы воспользоваться наши летчики.

— А если ориентира не найдется?

— Тогда придется его создать, — сказал Миша, закуривая самокрутку. — Когда услышим, что самолёты приближаются, зажжем вокруг склада костры.

— А может, взорвём его сами? — весело вмешался Америкс.

Он шутил, но я ответил ему совершенно серьезно:

— Прикажут — подорвем. Если, конечно, сбросят всё, что для этого потребуется.

В условленный час мы отправились на разведку. Морозило, под ногами похрустывал снежок. Пересекли железную дорогу, затем — идущее на Вентспилс шоссе и наконец вышли на дорогу, что вела в Яунэмари и Угале. Но идти по ней нам было нельзя: слишком уж оживленным оказалось движение. Пришлось продвигаться по лесу, параллельно дороге. Здесь лежал глубокий снег, идти было трудно, но зато спокойно.

Пройдя с километр, мы наткнулись на ограждение из колючей проволоки. Вгляделись. За проволокой, среди сосен, на мерцающем ночном снегу четко вырисовывались штабеля ящиков. Их было много.

— Это, наверное, и есть то самое, — прошептал Миша Крепкин.

— Обойдем вокруг, — предложил Биркманис.

Мы двинулись вдоль ограждения.

— Хальт! — неожиданно раздалось в тишине.

— Ложись! — скомандовал я, и мы упали в снег.

Прозвучала автоматная очередь. Но немец промахнулся. Зато выпущенные Мишей в ответ пули попали в цель. Фашист упал. Однако уже открыли огонь другие часовые.

Надо было уходить. Мы поднялись и побежали туда, где деревья стояли погуще. Потом, утомившись, перешли на шаг. Видимо, преследовать нас в темноте не решились. Так что через несколько часов мы благополучно возвратились в свою землянку.

Задача была выполнена, координаты уточнены. Уже на следующий день данные были переданы Володей в штаб фронта. Склад был действительно крупным.

Между тем пришла пора ожидать каких-то новостей от Августа Яновича Бернштейна. Миновало уже три дня с тех пор, как он согласился съездить в свой поселок. Наконец утром четвертого дня пришли Вольдемар Бернштейн и Эдгар Юмис. Кроме свежего хлеба, которым делилась с нами семья Бернштейнов (а у них ведь ртов и без нас хватало!), они принесли и добрую весть:

— Разрешение посетить Кошрагуциемс получено.

— Когда они должны вернуться? — спросил Володя.

— Сегодня вечером. А о результатах я сообщу завтра утром. Так что, Володя, — улыбнулся Волдемар, — Смажь свой передатчик, чтобы не заело завтра во время работы.

Однако утром наши друзья не пришли. Мы волновались за них: они ведь тоже скрывались, уклоняясь от мобилизации в фашистскую армию, и их могли задержать немцы. Но думалось и о худшем. Август Янович мог выдать себя неосторожным вопросом, и его могли схватить там же, в приморском поселке. Правда, в последнее мы не очень верили. В легкомыслии или неосторожности заподозрить старого Бернштейна было трудно.

— Не будем гадать, весь день ещё впереди, — подытожил наши размышления Миша.

После полудня пришел Биркманис. Он принес новые, собранные Алисой данные. Я рассказал ему о нашем беспокойстве.

— Если до утра они не придут, завтра Алиса сходит к ним на хутор, предложил Биркманис.

К счастью, это не понадобилось. Наши связные пришли вечером. В тот день немцы и полицейские вели наблюдение за домом Бернштейна. Видимо, кто-то заметил, как парни пробирались из леса. Им пришлось отлеживаться в сарае, зарывшись в сено. Обыск не помог гитлеровцам, хотя они шарили и в сарае. И все же их дозорный следил за домом весь день и был снят только к вечеру.

— Ну, ладно. А что слышно с моря? — не терпелось мне.

— В Мазирбе — девятьсот солдат, из них четыреста размещены в бывшей школе. В Кошрагуциемсе их около трёхсот. Во всех поселках на побережье установлены дальнбойные орудия. Номер артполка установить не удалось. Неизвестно также, сколько пушек стоит в каждом поселке, но в Кошрагуциемсе их четыре, и они укрыты в дюнах.

Неплохие данные! А Волдемар Бернштейн продолжал:

— Отец завёл там знакомство с немцами, дал им свой адрес, приглашал в гости. Они собираются заехать, чтобы запастись яйцами.

— Какие сейчас, зимой, яйца? — удивился Америкс.

— Неважно, — засмеялся Волдемар. — Не будет яиц — найдется пол-литра, а немцы доверчивы, когда с ними разговаривают на их языке.

— Очень хорошо, — одобрил я. — Передай отцу благодарность.

Свежие данные мы незамедлительно передавали в наш тыл. Оттуда приходили и новые задания. Например, во второй половине января нас вдруг запросили: «Установите, что находится на кладбище в Мазирбе».

Мы попробовали спросить Бернштейна. Но Август Янович лишь пожал плечами:

— Что там может быть, кроме покойников?

Тем не менее, задание оставалось заданием и наверняка было дано неспроста. Так что на следующий день мы с Эдгаром и Волдемаром двинулись в путь с таким расчётом, чтобы прийти в Мазирбе к полуночи.

Шли лесом, держа по компасу путь на север. С наступлением темноты вошли в запретную зону. До моря оставалось два километра, но мы свернули на северо-восток и пошли, держась между двумя дорогами — шоссе и железной, чтобы обойти посёлок, где, как уже знали, располагался целый гарнизон.

Кладбище, как обычно в сельской местности, располагалось, к счастью для нас, на отшибе. Мы медленно пробирались между могилами, до боли в глазах всматриваясь во тьму. Кладбище покрывал толстый слой снега, и ничего подозрительного заметить нам не удалось. Немцы сюда, видимо, и не заходили.

Мы уже собирались повернуть назад, когда Волдемар, шедший поодаль от нас, вдруг быстро оказался рядом и прошептал:

— Там пушки! Много!

Обнаруженные Волдемаром орудия стояли на краю кладбища. Мы насчитали двенадцать пушек. Мощная батарея! Неужели она никем не охраняется? Никаких признаков караула мы не замечали. Шаг за шагом стали приближаться, ведь обязательно надо было установить калибр орудий. Наконец подошли вплотную. Что за чудеса? Калибра у этих пушек не было! В их стволах просто не было отверстий, и были они деревянными. Вот почему орудия не были замаскированы и не охранялись! Они предназначались для дезинформации нашей воздушной разведки. Но, как оказалось, наши летчики не были столь легковерными.

— Ну-ка, оставим немцам нашу визитную карточку, — сказал Волдемар и опрокинул одну из пушек. Кое-как сколоченный макет с треском повалился набок и рассыпался.

На обратном пути, примерно в километре от землянки, Эдгару Америксу удалось подстрелить косулю. Свежее мясо — для нас это был настоящий праздник.

А радиограмма о ложной батарее сразу же ушла в штаб.

Между тем, наши связи среди местных жителей всё расширялись.

Через Эмилию Петровну ко мне стали поступать сведения о дислокации и прохождении войск в Дундаге — самом северном городе «Курляндского котла». Сведения эти она добывала у своих родственников и знакомых в этом городе. Волдемар Бернштейн ежедневно сообщал эти данные мне, а Володя Пронин передавал их в Центр.

Сведений, поступавших от одной этой семьи, уже было достаточно, чтобы оправдать наше пребывание здесь. Но мы искали все новых и у новых помощников. И находили.

Например, однажды Эдгар Юмис сказал:

— В километре севернее Стенде — ещё один склад боеприпасов.

— Откуда такие сведения?

— Мой брат Жанис служит в стройбатальоне недалеко оттуда.

— Давно он там?

— Месяца три.

— А раньше что делал?

— Служил в легионе. Дезертировал. Скрывался.

— Почему же снова пошел к немцам?

— Хозяин, у которого они живут — немецкий прихвостень, — с досадой сказал Эдгар. — Узнал, что Жанис скрывается в лесу, и собрался заявлять властям. Чтобы с родителями не случилось беды, брат решил пойти в строительный батальон. Но не опасайтесь, ему можно верить.

— Ты познакомь нас.

— Ладно. В следующую субботу.

Прошла неделя. Не переставая, падал снег.

Добрались лесом до нужного нам хутора. Не доходя до дома, я спрятался за молодыми сосенками, а Эдгар направился к усадьбе и минут через десять вернулся вместе с молодым парнем. Это и был Жанис.

— Эдгар рассказывал мне о вас много хорошего, — начал я весело.

— А мне говорил, что вы тут вместе партизаните.

— Так оно и есть.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Безусловно. Нам надо знать всё о немцах.

— Всё — не обещаю, но кое-что могу узнать. У меня друг живёт в Валдемарпилсе, а знакомая работает в немецкой жандармерии.

— И вы так уверены, что они станут нам помогать?

— Они ждут наших не меньше моего.

— Но дело ведь не шуточное. Рискованное. А как у вас с документами?

— В порядке. Кроме удостоверения личности, есть для предъявления ещё и такая бумага — и он протянул мне справку на немецком языке за подписью какого-то капитана СС.

— Без печати?

— Ничего. С нею я доберусь и до Берлина.

— До Берлина — как сказать, — усмехнулся Эдгар, — но для полиция сгодится. А для Жаниса важно, что отныне он будет делать нужное дело.

— Желаю успеха, ^попрощался я.

В те же дни Волдемар Биркманис посоветовал мне познакомиться с его другом, Эдгаром Колманисом из поселка Осте.

— Чем он сможет нам помочь? — усомнился я. — Если он и его родные никуда не выезжают из своего поселка, то это нам ни к чему. У нас ведь не партизанский отряд, и лишние люди нам не нужны! Разведку надо вести тихо. — Я задумался. — Если вы считаете, что ваш товарищ может

быть полезен, сделаем так: создадим отдельную группу, вы возглавите её и будете держать с нами связь.

— Пожалуй, так будет лучше, — признал Биркманис. — Чем меньше народу знает об этой землянке, тем лучше. Но ему сейчас негде приютиться, он тоже в бегах.

— Ну, пустых землянок в лесу достаточно. Начнёте вдвоём, потом подберёте ещё кого-нибудь, глядишь, и вырастает группа. Только не берите пришлых, живущих в лесу. Нужны местные.

Через несколько дней Биркманис с гордостью сообщил:

— У меня уже два помощника!

— Кто второй?

— Местный житель. Карл.

— Он тоже скрывается?

— Нет, он от воинской повинности освобожден. Работает в лесничестве и может свободно ходить, куда потребуется.

— Вот это хорошо. Да, вас уже можно считать группой. А как с оружием?

— Есть один браунинг, — и он вынул пистолет.

— Где достали?

— Купил у одного дезертира.

— Если понадобятся деньги на такое дело, я дам.

Он махнул рукой.

— За деньги ничего не купишь. Только обмен, как у первобытных людей, — и он засмеялся.

Количество поступавшей к нам информации всё росло. Однако это была не та информация, ради которой нас сюда послали. Слов нет, она обладала определенной ценностью, но не имела никакого отношения к самому побережью и к возможной высадке десанта.

Пришлось снова обращаться к Бернштейну.

Он был единственным, кто имел хоть какую-то возможность показаться на берегу.

На мою просьбу он ответил:

— Сам я к коменданту больше не пойду. Не стоит им глаза мозолить. Но желающих съездить у нас много. Вот один из них и сходит за разрешением.

Они уехали через три дня. Встречать Августа Яновича я вышел сам. Он был весел.

— Ну, с чем поздравить?

— Между Кошрагуциемсом и Цайнеде располагается восьмьсот десятый артполк. Штаб его находится в Саунагциемсе. В каждом посёлке по всему побережью установлено в дюнах по четыре орудия.

— И как это вы ухитряетесь выведать?

Он засмеялся:

— Где шуткой, где хитростью. Например, спрашивает фриц яйца, а я ему: «Вас здесь всего-то десяток, стоит ли из-за такой малости переть в эту даль!» Он тут же обижается: «Какой десяток!», и начинает болтать. А чего я не сумею — Эмилия дознается...

— Спасибо вам, Август Янович!

— Да что там. Делаю, что могу.

БОРЬБЫ БЕЗ ПОТЕРЬ НЕ БЫВАЕТ

Бернштейны приносили нам не только такие сведения.

В конце февраля мать Волдемара через своих дундагских друзей узнала, что немецкое командование готовит большую операцию по прочёсыванию леса. В Дундагу прибыли триста карателей с собаками. В лес были заброшены сорок провокаторов, игравших роль партизан.

— Это не против нас, — задумчиво проговорил Миша, когда мы узнали об этом! — Это против партизан.

— Нам от этого не легче, — сказал Володя. — Думаешь, если они натолкнутся на нас, то скажут: «Ах, извините, мы ищем партизан, а за разведчиками придём в другой раз»?

— Думаю, что они будут прочёсывать всё же южнее, в наших местах партизан нет, — сказал Биркманис, когда я попросил его высказать своё мнение.

Прочесывание леса каратели начали через два дня. Ближе к вечеру мы услышали доносившуюся с юга автоматную стрельбу. Она раздавалась достаточно далеко, но к сумеркам приблизилась настолько, что мы собрали вещи и приготовились уходить — хотя толком даже не знали куда. Однако, когда стемнело, стрельба улеглась. Немцы по-прежнему избегали воевать ночью.

— Да, — озабоченно сказал Володя. — Как бы завтра они не добрались до нас.

— Куда уходить-то? — спросил Миша.

— Есть землянка неподалеку, — предложил Эдгар. — О ней пока никто не знает.

— А там безопаснее? — поинтересовался Америкс.

— Если немцы пойдут цепью, то безопасных мест в лесу вообще не останется.

— Тогда вот что. Нашу землянку замаскируем, а когда прочёсывание кончится, вернемся сюда, — решил я.

С утра мы замаскировали землянку: сняли трубу, на люк насыпали снега. Эдгар Юмис повёл нас на новое местожительство. Землянка таилась под высоким склоном пригорка, по которому проходила дорога. Она была маленькой — пять-шесть квадратных метров — и холодной: в узком окошке не было стекла. Вход в землянку был почти не замаскирован. Если нас обнаружат здесь, то, выбираясь, мы сразу попадем под пули. Нет, это сооружение нельзя было сравнить с нашим комфортабельным убежищем.

Однако одну ночь — куда ни шло. Правда, поспать не удалось мороз давал о себе знать. Утром, после скудного завтрака, Америкс мрачно сказал:

— Хватит сидеть в этой могиле. К вечеру надо перебираться на старое место.

Его единодушно поддержали. Но всё же решили передневать здесь.

Был полдень, когда до нас явственно донеслась немецкая речь. Мы замерли.

— По дороге фрицы идут, — шепнул Миша.

Я приблизился к окошку. Каратели были уже на поляне. Они двигались цепью, с автоматами наизготовку. Цепь приближалась, а мы сидели, как в мышеловке.

— Тихо! Идут сюда! — прошептал я. — Если влетит граната, я её хватаю и выбрасываю в окно, вы только не мешайте, — предупредил Миша. — После взрыва всем уходить! Главное — не дать им времени вести прицельный огонь.

Мы стояли, не шевелясь, и считали секунды. К счастью, цепь карателей прошла мимо.

Вечером мы вернулись на свою базу. Судя по всему, землянка так и не была обнаружена. Миша затопил печь, и стало тепло и по-домашнему уютно.

Прочесывание леса было не единственным, что предприняли в эти дни оккупанты. Участились облавы. Строже стали проводиться проверки документов. Почти в каждом поселке арестовывали людей. Жандармы и полицейские отправляли их для допроса в город. Двадцатого февраля в Дундаге набралось уже около трёхсот задержанных.

Не обошлось без потерь и у нас. В Осте был арестован Жанис Колманис. Видимо, кто-то донес, что он уклоняется от мобилизации. Задержали его, когда он возвращался домой на ночь.

Посадив в сани, его в сопровождении двух солдат отправили в Дундагу. По дороге он выпрыгнул из саней и кинулся в лес. Немец вскинул автомат, и беглец был убит, не успев отбежать и двадцати шагов.

Об этом рассказал нам Биркманис.

— А вы, Волдемар, все ещё ходите домой. Не пора ли вам перебраться в нашу землянку? — спросил я.

— Мой дом рядом с лесом, и в темноте им меня не выследить, — ответил Биркманис. — И потом, Алиса всем сообщила, что я служу в легионе.

— Полицаи вовсе не такие наивные, — сказал Америкс. — Они знают, где вы. Просто ваша очередь ещё не наступила.

Биркманис продолжал верить в свою удачу. Но утром четвёртого марта его дом был окружён полицейскими и жандармами, Волдемар, Алиса и мать Биркманиса были арестованы и отправлены на допрос.

Через пять дней старуху отпустили. Она рассказывала, что при обыске у них дома нашли пистолет и, самое главное, пачку сигарет. Волдемар заявил, что купил их у немецкого солдата за кусок сала. Однако допрашивавший его жандарм этой версии не принял.

— Врешь! — крикнул он. — Это американские сигареты, которыми красные снабжают своих парашютистов! Скажи лучше, что получил сигареты от живущих в лесу бандитов, тогда поверю.

— Если вы своих солдат называете бандитами... огрызнулся Биркманис.

— Молчать! Я научу тебя, как надо отвечать!

Его повалили, начали избивать ногами. Все это происходило на глазах у матери. На следующий день допрашивали Алису. Хотели чтобы она рассказала, где находятся парашютисты, где Волдемар достал пистолет, откуда у него сигареты. На все вопросы Алиса отвечала стереотипным «Не знаю». Её, беременную, начали мучить. Находившийся при этом Волдемар вырвался из рук державших его полицейских и ударил жандарма. На него набросились и били, пока он не лишился сознания.

Через день Биркманиса вывели в лес. Он был без пальто, без шапки, хотя стоял мороз, руки Волдемара были связаны колючей проволокой. Полицейские требовали, чтобы он показал им, где живут парашютисты. Биркманис привел их к пустым землянкам, давно известным полиции. За это полицейские избили его резиновыми дубинками и прикладами.

Ещё в день ареста Биркманис сказал жене: «Пусть делают с нами, что угодно, никогда и ничего не говори им о наших связях с разведчиками. Может быть, мы умрем, но те, кто на свободе, пусть живут».

Находясь под стражей, Волдемар однажды напал на вошедшего к нему охранника, повалил на пол и стал душить, чтобы завладеть автоматом. К несчастью, в этот миг в окно заглянул мальчик лет восьми и закричал, что дядя бьёт солдата. Охранники кинулись на помощь, и Волдемара снова страшно избили.

Через несколько дней, в сумерках, Алиса услышала неподалеку выстрел. Через минуту к ней вошли двое полицейских и заявили, что муж её расстрелян и что она может спастись, лишь сказав, где прячутся парашютисты.

Алиса крикнула: «Стреляйте и в меня!» Однако в то время Волдемар был ещё жив.

В заключении Алиса родила мертвого ребенка. Ещё через неделю её под охраной перевезли в Дундагу. Там она узнала, что среди заключенных её мужа нет и что, по слухам, он бежал. Решила бежать и она. Когда заключенных на улице выстраивали в колонну, чтобы вести на станцию, она скользнула за угол и побежала. Бежала до тех пор, пока, потеряв сознание, не упала в канаву. Ночью её подобрал какой-то проезжий и отвез к её родственникам, на хутор Аболкалны. Алиса заболела воспалением легких. На следующий день усадьбу окружили немцы. Алису искали. Смерть грозила не только ей, но и укрывшим её родственникам. Спасла положение пятидесятилетняя Берта Неле. Она уложила Алису под матрац, сама легла сверху и притворилась тяжелобольной. Немцы обыскивали хутор четыре часа, перерыли даже весь навоз в хлеву. Алису так и не нашли. А её сестренка на все вопросы отвечала:

— Её нет, она арестована.

Когда каратели, наконец, ушли, Алиса с трудом поднялась с кровати. На её теле остались глубокие отпечатки металлической сетки.

Тело Биркманиса нашли в апреле в лесу, в километре от нашей землянки. Он лежал со связанными колючей проволокой руками, одна из которых была сломана. Грудь его была прострелена, челюсть разбита пулей, затылок раздроблен.

Гитлеровцы разрешили матери похоронить сына. В случае появления на похоронах Алисы старуха должна была немедленно сообщить об этом полиции. Но Алису предупредили об опасности, и на похороны она не пошла. Хотя ей было очень горько оттого, что она не могла проводить мужа в последний путь.

При каких обстоятельствах был убит Биркманис, выяснить нам не удалось. Так или иначе, он погиб как герой, не выдав своих друзей советских разведчиков.

А мы, оставшиеся в живых, должны были работать ещё упорнее. Хотя условия становились все сложнее.

Мы не знали, сколько времени нам ещё предстоит пробыть здесь. Вылетая в «котел», я рассчитывал, что вся операция продлится месяца два, однако шёл уже третий месяц нашей деятельности. Ежедневно принимая сводки Совинформбюро, мы видели, как стремительно развивалось наступление наших войск на запад. Но здесь, в Курземе, никаких изменений не происходило. Вероятно, главной задачей нашей армии на этом участке было сковать фашистские силы, чтобы они не могли принять участие в боях на территории Германии. Отдаленные звуки канонады доносились до нас почти ежедневно, но не приближались. А ведь наше снаряжение не было рассчитано на столь долгое пребывание здесь. Естественно, что с течением времени мы начали испытывать недостаток во многих вещах, в том числе и в тех, которые на месте никак не могли добыть своими силами.

И вот однажды Володя стал передавать в эфир очередную сводку новостей. Данные были достаточно интересными, хотя ни о каких особых переменах в стане врага они не свидетельствовали. В Вентспилсе находится немецкая школа диверсантов; на побережье восемьсот солдат, квартировавших в поселке Мазирбе, были переброшены к Салдусу, иным словом — на фронт. Именно в тех местах сейчас шли бои. На их место прибыли пятьсот человек из 639-го пехотного полка; в Микельторнисе размещаются семьсот солдат; 810-й арtpолк перебазируется в Стенде, а его место заняла другая артиллерийская часть, чей номер пока не установлен. Одним словом, обычное донесение, которое должно было в той или иной степени пригодиться нашему командованию. Однако, закончив передавать, Володя озабоченно сказал:

— Если и дальше будем так работать, то после двух-трёх сеансов останемся без связи. Надо просить новые батареи. У меня резервный комплект на последнем издыхании.

— И табаку тоже, — добавил заядлый курильщик Миша.

— Лучше побольше продуктов, — возразил Америкс. — Сами знаете, каково теперь добывать еду. Как-никак, мы тут уже два с половиной месяца.

— Будем просить груз, — согласился я. — Надо только найти подходящее место.

— Есть такое местечко, километрах в трёх. — сказал Волдемар Бернштейн. — Сходим, посмотрим.

Поляну, на которую привел нас Волдемар, окружали тонкие серые осинки. Посреди поляны стоял пустой, давно заброшенный сарай без дверей и с напоминавшей решето крышей. Для наших целей поляна вполне годилась. Я отметил на карте её координаты.

Володя передал радиogramму с детальным перечислением всех наших нужд и с координатами. Ответ гласил: «Ждите самолёт три дня подряд».

Обрадованные, мы в тот же день отправились на выбранное место. Светила холодная белая луна. Глухую морозную тишину нарушал только скрип снега под ногами. На месте мы быстро натаскали хвороста, разделили его на четыре кучи, расположив их в один ряд с юга на север, и принялись ждать.

Час проходил за часом. Было холодно, как мы ни приплясывали, как ни хлопали себя руками. Мы промерзли до дрожи. Но в конце концов услышали гул мотора. Америкс, перебегая от кучи к куче, поливал их керосином. Следовавший за ним Володя поджигал. Костры разгорелись, осветили поляну. Мы смотрели в небо. Гул приближался. Вот показался и сам самолёт. Увидевший его первым, Эдгар вытянул руку, словно приветствуя гостя. Низко летевший самолёт держал курс прямо на костры. Сейчас под ним раскроется белый купол...

Но ничего не произошло. Самолёт пролетел над нами и столь же быстро скрылся в темноте.

Нас стали одолевать сомнения. Может, это и не наш? Опознавательных знаков мы не заметили, а определить тип самолёта по звуку никто из нас не умел — не хватало практики. Даже Миша Крепкин только пожал плечами.

Костры догорали. Но если это был не наш самолёт, то другой, которого мы ждали, вполне мог ещё прилететь. Я распорядился снова набрать хворосту. Опять потянулись часы ожидания. Но самолёт так и не появился.

С рассветом мы спрятали хворост, замаскировали места, где горели костры, и молча отправились в свою резиденцию, утешая, себя тем, что все ещё впереди.

На следующую ночь предстояло снова идти на поляну. На этот раз вылазка казалась уже не такой простой и безопасной. Если вчерашний самолёт был немецким, то пилот должен был

доложить начальству о замеченных им кострах. Так что можно ожидать засаду. Ждать груза второй раз на том же месте опасно. Но мы всё же решили рискнуть, приняв, правда, некоторые меры предосторожности.

Меры эти заключались в том, что, не доходя до поляны, я остановил отряд и сказал:

— Всем сразу идти опасно. Должен пойти кто-то один, чтобы разведать, нет ли там засады. Если все благополучно, дать сигнал свистком. Если нет... Сами услышим.

— Я пойду! — вызвался Крепкин, не дожидаясь, пока я закончу.

Он ушёл, и через несколько минут мы услышали свист. Все было в порядке.

Мы снова разложили хворост на четыре кучи, а сами спрятались в ёлочках за поляной и постарались запастись терпением.

— Кого мы, собственно, ждем? Фрицев или самолёт? — полушутя спросил Волдемар.

— Кто первым поспеет. Второго ждать уже не придётся, — ответил в том же духе Юмис.

Снова текли часы на морозе. Сидеть без движения в такую погоду — не лучший способ отдыха: мерзли руки, ноги, зубы уже сами собой начинали постукивать.

Первым не выдержал Америкс:

— Прилетит ли самолёт, не знаю, но что немцы в такую ночь не придут, это уж точно. Надо побегать, а то примёрзнем к земле, как тот волк к проруби...

Шёл второй час ночи, когда мы снова услышали гул самолёта. Мы тут же зажгли костры. Сейчас, сейчас... Самолёт приближался к поляне.

— Наш! — крикнул Миша, задрал голову. — Видите, делает круг. Сейчас сбросит.

И снова наша радость оказалась преждевременной. Сделав над кострами круг, самолёт улетел на северо-запад. Мы стояли на освещённой поляне, не зная, что и думать.

— Это тоже был немец, — уверенно сказал Америкс.

— А где же наш? — сердито спросил Володя.

— Завтра прилетит, — утешил его Миша.

Мы подавленно замолчали, потом Юмис сказал:

— Ничего, мы все-таки получили хоть привет. Разве вы не заметили, как летчик смотрел вниз и махал нам рукой?

Мы дружно рассмеялись и ещё часа три просидели на поляне, надеясь, что в конце концов прилетит и тот, кого мы с таким упорством ожидали, но не дождались.

На третью ночь не было никакого самолёта. Правда, и каратели тоже не появились.

Лишь через несколько дней нам радиовали, что груз выброшен в соседнюю группу. В радиограмме нам сообщили время и место встречи, опознавательные сигналы и пароль.

В назначенный день и час мы пришли на указанную нам просеку и гуськом, один за другим, пошли по левой её стороне. Впереди из леса вышел на просеку человек в пальто, поднял правую руку и дважды описал ею над головой полукруг.

— Сигнал правильный, — заметил Володя.

Я тоже вышел на середину просеки и, как было предписано, описал рукой один полукруг. Затем приблизился к незнакомцу и остановился в десяти шагах от него. Мы обменялись паролями и только после этого пожали друг другу руки, знакомясь:

— Иосиф Иосифович.

— А я — Карл Карлович, — улыбнулся он. — Должен передать вам груз.

— А я принять, — тоже улыбнулся я.

Познакомившись с моими спутниками, Карл Карлович отвёл нас в сторону от просеки. Там мы увидели запряженные тощей лошадежкой сани, а в них — долгожданный мешок, продолговатый, защитного цвета и, что самое приятное, — плотно набитый. Вокруг саней стояло несколько вооруженных автоматами молодых парней, одетых очень пестро, кто в пальто, кто в куртке, кто в немецкой шинели.

— Наши партизаны, — сказал Карл Карлович.

— Ого! И транспорт свой, и бойцов немало.

— В нашем отряде больше семидесяти человек! — не скрывая гордости, заявил он.

Я не был уверен, что ему требовался такой отряд. Однако, пораздумав, пришёл к выводу, что если умело расставить такое количество людей на дорогах, то, пожалуй, можно работать.

— Вот опиши груза, — нарушил он мои мысли. — Прошу проверить и расписаться.

— Зачем такая формальность?

— Из Центра я получил строгое указание передать вам весь груз.

Я расписался: «Коршун».

— Да вы проверьте!

— А я вам и так верю. Если бы мне пришлось принять груз для вас, он тоже был бы передан в полной сохранности.

— Ну что же, спасибо за доверие. Если не возражаете, мой завхоз довезёт его до вас.

Кто тут стал бы возражать? Сани тронулись, я попрощался с нашим соседом и пошёл вслед за ними. Ребята были очень довольны тем, что груз не пришлось тащить на своем горбу.

Но все же им пришлось испытать тяжесть присланного, когда мы стали приближаться к тому месту дороги, где от неё ответвлялась тропинка к нашему укрытию. Можно было подъехать и ближе, но я попросил остановить лошадь: не хотелось прокладывать туда санную колею, да и ни к чему было знакомить партизан с нашей базой.

Когда сани уехали, мы потащили груз в свою землянку. Там распаковали и обрадовались увиденному. В мешке оказались батареи, патроны, гранаты, табак, водка, шоколад, консервы и другие продукты. Все это было переложено бельём, которое нам, конечно, тоже пригодилось. Можно было снова работать в полную силу — так долго, сколько потребуется.

Однажды — было это уже в конце марта — Волдемар Бернштейн сказал мне:

— В Дундаге есть человек, который ищет связи с советскими разведчиками. Не с партизанами, а именно с разведчиками. Как с ним быть?

— А кто он такой?

— Работает стрелочником на железнодорожной станции. Кроме того, у него есть знакомства среди полицейских.

— Что же, — сказал я, подумав, — познакомь нас. Но меня представишь как партизана.

Приведи его к сараю — тому, что у лесной дороги.

В назначенный день я пришёл на условленное место заблаговременно, когда там ещё никого не было. Можно было провести несколько минут, отдыхая и любуясь природой.

А полюбоваться было чем. Наступала весна, четвертая военная весна для нашей страны и, как все мы были уверены, — весна победная.

И природа как будто задалась целью поддержать наше настроение. Шумела речка. С неба потоком лился свет. Кругом все сверкало. Земля оживала, сбрасывая зимний покров. И даже в лесу, где снег ещё держался — темный, рыхлый, тяжёлый, — видно было, что дни его сочтены. Весна...

От мыслей меня отвлекли два человека, появившиеся на лесной дороге: Волдемар, а с ним, видимо, тот самый железнодорожник.

— Партизан Саша, — представился я, когда они подошли.

— Вы имеете связь с советскими разведчиками-парашютистами? — с этого начал разговор новый знакомый.

— У меня есть связь со всеми, кто борется против оккупантов.

— А с советскими разведчиками?

— Ну, значит и с ними.

— Вот и познакомьте меня с ними.

— Зачем?

— Я могу передавать им сведения о прохождении немецких войск через станцию Дундага.

— Можете передать и через меня.

— Нет, не согласен. Хочу передавать лично.

— Если вы искренне хотите помочь, то не всё ли равно?

— Не все равно! Добывая разведданные, я буду рисковать жизнью. Поэтому я хочу за свою работу получить документ, подтверждающий, что я сотрудничал с советской разведкой.

— Вы ещё ничего не передали, а уже торгуетесь.

Он ещё некоторое время пытался спорить, но в конце концов согласился. Однако посылать разведчиков за сведениями к нему в город я не хотел. То, что он мог нам сообщить, на мой

взгляд, не стоило риска. Станция, на которой он работал, принадлежала узкоколейной железной дороге, и сколько-нибудь важных перевозок по ней вряд ли можно было ожидать. Мы тут же подыскали на берегу речки тайник и договорились, что там он будет оставлять свои донесения.

Через некоторое время я, вооружившись пистолетом и гранатой, отправился к тайнику. Но недалеко от места встречи из кустарника навстречу мне выскочили двое в немецкой форме с винтовками:

— Руки вверх!

Руки я держал в карманах. Левая грела холодную сталь гранаты, правая сжимала пистолет. Засада? Стрелять через карман? Тогда второй успеет застрелить меня. Нет. Когда один станет меня обыскивать — вот тогда я выстрелю сперва в дальнего, а потом и в первого: стоя рядом, он не успеет воспользоваться винтовкой.

Однако они не приближались. Да немцы ли они? Шинели, шапки, винтовки говорили за это, но положенных по форме ремней у них не было. Шинели явно поношенные. Немцы, увидев, что я не спешу выполнять их команду, успели бы уже снова потребовать, чтобы я поднял руки. Скорее, это партизаны. Но если так, почему они ожидали меня в засаде? А может быть, лжепартизаны — провокаторы, запущенные в леса гитлеровцами?

Так несколько секунд мы стояли лицом к лицу в напряженном молчании.

— Кто вы такой? Зачем здесь ходите? — спросил наконец один из них, долговязый и тощий.

— Разве запрещено? Я с того хутора, — и я мотнул головой в сторону видневшейся невдалеке крыши.

— Почему ходите один? — спросил второй, пониже и помоложе.

— Что же мне, жену таскать с собой или тещу? Да опустите винтовки, видите же — у меня нет оружия.

Переглянувшись, они опустили стволы.

— Ладно, ребята, — сказал я тогда. — Идите-ка своей дорогой. Я тоже такой — вроде вас.

Они снова переглянулись, вскинули винтовки на плечо и пошли по лесной дороге, а я постоял, глядя им вслед.

В тайнике было пусто. Стрелочник, наверное, решил данные в лес не носить. Вернее всего, он хотел прослыть патриотом, ничем не рискуя. Но так в жизни не бывает.

Однако подобные осечки случались редко. А старые наши друзья работали исправно и давали неплохие сведения, иногда совершенно неожиданные. Продолжал снабжать нас данными Жанис Юмис, служивший в стройбатальоне. В середине апреля он сообщил:

— Познакомился с гитлеровцем, полковым врачом. Ехали в одном вагоне, сидели рядом. Разговаривали о военных делах. И он, между прочим, сказал: «Я знаю такие военные секреты, какие даже не каждому генералу положено знать». Я спросил: «Очередные «фау», что ли, появятся?» Он в ответ: «Нет, мол, не «фау», а кое-что посерьезнее». Я прикинулся дурачком: «Что может быть серьезнее, чем «фау»? Пустили один снаряд на Лондон — и целый квартал словно корова языком слизала». — «И все же «фау» ещё не самое страшное оружие. А вот отравляющие вещества — вещь посильнее», — почти шепотом сказал фашист.

«Ну, это очень неудобно: жди, пока ветер подует в сторону врага, чтобы пустить газ», — возразил Юмис. «Баллоны — это старая техника. А вот снаряды, наполненные ОВ, — куда современнее и страшнее, — сказал он. — Такой снаряд поражает в радиусе ста пятидесяти метров». — «О, это действительно колоссально, — согласился Юмис. — Но, к сожалению, на нашем фронте такого оружия нет». — «Ошибаетесь, мой юный друг: десять дней тому назад шесть вагонов с такими снарядами прибыли из Лиепаи на фронт, под Салдус». — «Почему же их не применяют?» — «Ещё нет распоряжения из Берлина».

На этом разговор закончился.

Я выслушал рассказ Юмиса с интересом:

— А где находятся эти снаряды, ты узнал?

— Нет.

— Жаль. Стоило попытаться. Была бы очень ценная информация.

Мы сразу же отправили радиogramму. Сообщение очень заинтересовало Центр. На следующий день нас запросили: «Дать источник информации об ОВ!», на что мы немедленно ответили. Снова запрос: «Срочно уточните местонахождение снарядов ОВ».

Я понимал, что эта задача вряд ли окажется нам по плечу. Где находятся снаряды, было известно у гитлеровцев крайне ограниченному кругу людей, даже не всем генералам. Наша группа располагалась далеко от фронта, и вести разведку в районе Салдуса было крайне затруднительно. Тем не менее я дал задания всем нашим помощникам.

Забегая вперед, скажу, что уже после капитуляции курляндской группировки врага офицер из штаба фронта рассказал мне при встрече:

— Ваша радиogramма принесла нам много хлопот. Командование фронтом требовало уточнить, где находятся снаряды ОВ. Мы дали задание всем группам, находившимся в районе «котла», но ни от кого не получили подтверждения. И всё же ваши сведения оказались правильными: эти снаряды были обнаружены при подсчете трофеев после капитуляции фашистов.

Узнать, где расположены склады снарядов ОВ, нам тогда так и не удалось. Но всё же мы смогли своевременно предупредить командование, и, если бы гитлеровцы даже решились на применение отравляющих веществ, наши войска уже не были бы застигнуты врасплох.

Продолжал активно работать и Август Янович Бернштейн. Он был незаменим при сборе сведений о том, что происходит на побережье.

А ведь мы не забывали, что основной задачей, для решения которой нас забросили, был сбор информации, которая могла бы понадобиться при высадке десанта с острова Сааремаа.

И вот в апреле мы получили радиogramму: «Доложите, есть ли в Мазирбе пристань».

Видимо, вопрос о десанте уже стоял на повестке дня. К тому времени мы уже знали, что пристани в Мазирбе нет, а есть лишь мол, к которому могли приставать небольшие рыбацкие лодки. Немедленно сообщили об этом, одновременно решив, что необходимо снова наведаться к морю и выяснить, что там происходит.

И опять Август Бернштейн ухитрился получить пропуск для посещения своего дома в приморском поселке. Это с каждым разом становилось все труднее: надо было изобретать убедительные доводы, чтобы избежать подозрений, — ведь охота за партизанами не прекращалась. Тем не менее Бернштейн побывал в поселке и, вернувшись, доложил:

— Четырнадцатого апреля в Микельторнис прибыли полторы тысячи солдат, туда же доставили ещё четыре батальона полицейских. В Мазирбе увеличили количество орудий, а гарнизон вырос на тысячу человек. Побережье заминировано на полкилометра в глубину. Один солдат даже успел подорваться на своих же минах.

— Дальше?

— Из Тукумса в Осте прибыло тридцать пять грузовиков с солдатами. В Невее немцы ходили по домам, намечая квартиры для размещения новых войск. На дорогах, что ведут к морю, взорваны некоторые мосты, сделаны завалы.

Сведения были очень важными, и мы немедля передали их в Центр. Так же без промедления сообщали и всё, что узнавали дополнительно о концентрации немецких войск в районе Дундаги и окружающих сёл. Каждый день мы ожидали десанта. Но Наше командование пришло к выводу, что необходимости в нём больше не было. Ведь исход войны решался уже не здесь, и все свидетельствовало о том, что победа не за горами.

Но пока война ещё не кончилась, опасность продолжала существовать. Фашисты, несмотря на безнадежность своего положения, собирались, видимо, держаться до последнего. Это чувствовалось и по тому, как они продолжали бороться с партизанами. Борьба не прекращалась ни на день, и мы ощущали это на себе.

Однажды Володя Пронин, стоявший на посту, поднял тревогу:

— Фашисты!

Мы схватили автоматы и поднялись к люку, чтобы достойно встретить карателей.

Действительно, меж сосенок протискивался человек в немецкой форме. Мы уже готовы были открыть огонь, как вдруг показались ещё двое — на этот раз в штатском. И каждый вновь появившийся был одет иначе.

— Да это партизаны! — понял Володя.

Это были наши соседи — партизаны из отряда Карла Карловича. Некоторых мы уже знали в лицо. Они успели рассказать нам, что их преследует карательный отряд.

Значит, надо было уходить и нам.

Мы стали собираться, а я решил тем временем снять гранаты, которыми были заминированы подступы к землянке: мы и на этот раз надеялись, что фашисты не обнаружат наше укрытие, пройдут мимо. В спешке я задел за проволоку и вырвал чеку из одной гранаты. До взрыва остались секунды. Я успел прыгнуть в люк, захлопнул за собой крышку. Однако взрыва так и не произошло. Потом мы выяснили, что боек обледенел и капсюль не сдетонировал. Мне повезло, иначе вряд ли я успел бы добраться до землянки.

Но это послужило для нас определенным уроком.

Мы замаскировали люк и ушли. Пройдя километров пять, решили переждать. К вечеру, принимая все меры предосторожности, вернулись и убедились, что землянка осталась нетронутой. В ней по-прежнему можно было жить. Видимо, карателям трудно было представить, что целая группа может размещаться так близко от населённых мест, а не в глухой чащобе.

Прошёл день-другой — и повторилась та же история. Снова каратели преследовали партизан Карла Карловича, которые снова, уходя по знакомой дороге, пришли к нашей землянке. На этот раз среди них был и Карл Карлович с радистом Иваном Поповым. Всего пришли девять партизан.

— Иосиф Иосифович, — попросил меня Карл Карлович, — выручи, дай отсидеться у тебя хотя бы дня три. Одиннадцатый раз выходят на нас!

— А хвост не притащишь?

— Да нет, сегодня мы ускользнули.

— Тогда живите. Места хватает.

Мой новый товарищ — в действительности его звали Иябс Пуце — был заброшен в «Курляндский котел» на две недели раньше нас.

До сих пор землянка выручала нас. Но было ясно, что это не может продолжаться вечно. И мы, не прекращая работы, были готовы ко всяким неприятностям.

Однако нам удалось пользоваться своей базой почти до самого конца апреля. Лишь тогда очередная группа карателей вышла на нас. У них были собаки. Мы успели вовремя услышать голоса и лай. Схватили вещи, быстро выбрались из землянки и залегли, наблюдая каждый за своим сектором. Ждать долго не пришлось: кусты зашевелились, и мы увидели пробиравшегося меж молодых сосенок немца. На шее у него висел автомат, рукава были засучены до локтей. Вот он остановился, подозрительно огляделся. Рука его потянулась к болтавшейся на поясе гранате с длинной деревянной ручкой.

— Он нас видит, — шепнул я Америксу. — Стреляем!

Прозвучали две короткие очереди, и немец упал.

Определив направление, в котором двигалась цепь, мы побежали, чтобы первыми успеть к лесной дороге. Вслед нам открыли огонь. К счастью, пули пролетали мимо. Мы пересекли дорогу и углубились в лес. Стрельба не прекращалась, затем к ней присоединились взрывы гранат.

— Нашли землянку. Забрасывают гранатами, — прерывистым голосом сказал на бегу Миша Крепкин.

— Ничего. Теперь мы и под елкой проживем, — ответил Володя.

На наше счастье, фашисты окружили не весь лесной массив, и нам удалось ускользнуть. Но на этот раз возвращаться в землянку было нельзя. Поселились под открытым небом, посреди того самого болота, на котором когда-то, почти четыре месяца назад, приземлились после прыжка. Только тогда здесь было куда спокойнее. Теперь же почти ежедневно поблизости раздавались выстрелы, доносились обрывки разговоров на немецком языке. Жить на новом месте было, разумеется, не так удобно, как в землянке. Но все-таки война шла к концу...

Хотя всё же мы были вынуждены ещё раз запросить новое питание для рации да и для нас самих тоже. Ведь на болоте нельзя было даже развести костер. В ответ нам пообещали, что самолёт прилетит первого мая.

На этот раз долго ждать не пришлось. Затарахтел мотор По-2. Мы зажгли костры. Вскоре в небе показался белый купол. Мы быстро спрятали парашют и понесли груз — место его выброски располагалось недалеко от шоссейной и железной дорог, и могли нагрязнеть гитлеровцы.

К празднику мы не остались без подарка.

ПОБЕДА!

Теперь у нас были новые батареи, и мы могли позволить себе, помимо передачи радиogramм в Центр, узнавать побольше о событиях, происходящих в мире.

Второго мая мы собрались, чтобы послушать вечерний выпуск последних известий. И услышали взволнованный голос Левитана:

— В двадцать три часа тридцать минут слушайте важное сообщение Советского информбюро! Сердца забились. Что случилось? Неужели?..

Предупреждение прозвучало ещё дважды. И каждый раз казалось, что Левитан произносит эту простую фразу по-новому, с какой-то особой значительностью.

Наконец услышали приказ о салюте из трёхсот двадцати четырёх орудий в честь воинов 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, штурмом взявших Берлин. Мы заговорили — радостно, бессвязно...

— Наконец-то...

Теперь скоро домой...

— Это надо отметить!

Володя пустил вкруговую кружку. И мы выпили за победу — теперь уже совсем близкую. В ту ночь, мы долго не могли уснуть. Но и это был ещё не конец. Берлин пал, но в Курземе ещё стреляли, и каратели по-прежнему прочесывали леса.

Правда, как рассказывал нам Август Янович, разговаривавшие с ним гитлеровские солдаты тоже радовались смерти фюрера и скорому концу войны.

Вскоре части гитлеровцев стали уходить с побережья, стягиваясь к Вентспилсу.

Мы вышли из леса девятого мая.

В тот же день появилась Алиса Фелш — вдова Волдемара Биркманиса.

Вместе с ней мы навестили могилу боевого товарища. Алиса плакала. Мы сняли шапки и почтили его память минутой молчания. Потом отсалютовали залпами из автоматов.

А вскоре пришла и радиogramма, предписывавшая нам явиться к коменданту города Риги.

Значит, пора возвращаться. Очередное и последнее задание командования было выполнено. Немало ценных сведений удалось добыть нам за четыре с лишним месяца, проведенных в «котле». Недаром о нашей группе упоминает в своей книге «Трудные рубежи» генерал-полковник Л. М. Сандалов, в то время — начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта.

Осталось сказать лишь несколько слов — о судьбе тех, с кем вместе прошёл я нелегкие испытания, о которых рассказано выше.

Моя помощница в первой «опасной командировке», Вера, во вражеский тыл больше не забрасывалась. Она сейчас живет в городе Иркутске.

В Саратове живет инженер Владимир Пронин, а в городе Узловая Тульской области — Михаил Быков, радист, вместе с которым мы действовали во второй операции, ведя наблюдение за железной дорогой. Живут и работают в Вентспилсе дети Августа Яновича и Эмилии Петровны Бернштейн. Их самих уже нет. Эдгар Юмис — житель Мазирбе. Живы жена и дети Леонарда Урбана. Сам же он скончался, как и Эдгар Америкс, как и мои дяди — Александр и Донат, как двоюродный брат Станислав и его жена Вера Адамовна.

Годы и десятилетия, минувшие после войны, эти люди работали честно и плодотворно — на благо Родины, за свободу и независимость которой, шли на риск, не жалея жизни.

Иосиф Иосифович Вильман
ОПАСНЫЕ РЕЙДЫ

Редакторы С. Макарова, В. Кричевский
Художественный редактор Э. Гаркевич
Технический редактор К. Козаченко
Корректор И. Елисеева

Сдано в набор 16.05.84, подписано в печать 31.10.84. ЯТ 11225. Формат 60X90 1/24. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 6,83 уел. печ. л; 7,16 уел. кр.-отт.; 7,10 уч.-изд. л. Тираж 15 000 экз. Заказ № 769-3. Цена 40 коп. Издательство «Авотс», 226047 Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. № 189-Sp/609.

Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 226011 Рига, ул. Блауманя, 38/40.

Сарайчик, в котором жила группа «Коршун» в деревне Вервяли

Вильман Иосиф Иосифович

Вострокнутова Вера Михайловна

Семья А. Бернштейна

Пронин Владимир Мака-
рович

Быков Михаил Сергеевич

И. И. Вильман на встрече
с пионерами Скриверской
средней школы на месте
наблюдательного пункта

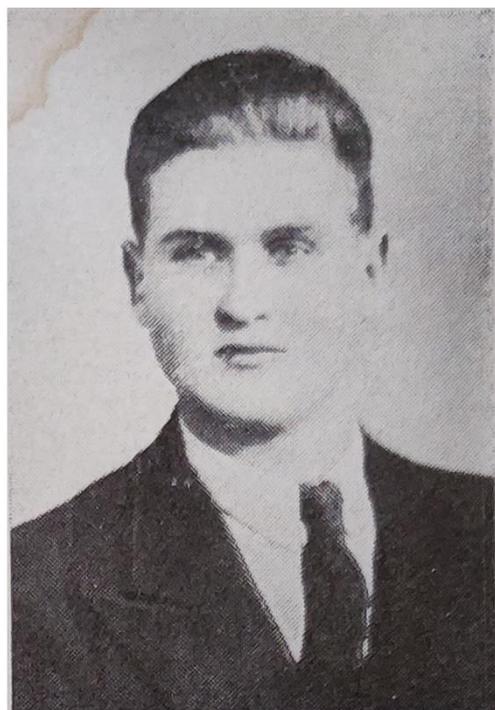

Вильман Александр Мат-
веевич

Урбан Леонард Иосифович

Юмис Эдгар Ансевич

Биркманис Волдемар

